

МЭТТ
БРОНЛИВИ

МЭТТ БРОНЛИВИ

Орден ДРАКОНА

Орден Дракона

ЭКСМО

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

МЭТТ БРОНЛИВИ

Орден ДРАКОНА

ЭКМО
МОСКВА
ИД ДОМИНО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 88

Matt Bronleewe
ILLUMINATED

Copyright © 2007 by Matt Bronleewe
All rights reserved

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление *Андрея Саукова*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Бронливи М.

Б 88 Орден дракона : роман / Мэтт Бронливи ; [пер. с англ. Н. Рейн]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 352 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-45079-4

Который век пропавшие сокровища тамплиеров не дают покоя охотникам за древностями. Но мало кому известно, что ключ к разгадке великой тайны скрывается в Библии Гутенберга, редчайшей первопечатной книге, сохранившейся лишь в трех экземплярах. И чтобы заполучить ключ, надо обладать всеми экземплярами книги. Два могущественных рыцарских ордена, активно действующие по настоящее время, сошлись в борьбе за обладание сокровищами. Подкуп, террор, убийство — они готовы идти на все, только бы достичь цели...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-45079-4

© Рейн Н., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

*Посвящается Карин.
Любовь твоя освещает мой жизненный путь*

Истина находится в плену у нескольких рукописей, охраняющих сокровища человечества. Давайте же сломаем печать тайны и дадим крылья истине, пусть она воспарит.

Иоганн Гутенберг

ПРОЛОГ

1415 н. э.

Констанц, Германия

Грозовые тучи поливали потоками дождя собравшихся на улице людей, но никто не бросился искать укрытия. Все ждали, когда поведут еретика. Все искали возможности плюнуть ему в лицо, швырнуть под ноги камень, высмеять вызов, брошенный им Священной Римской империи. Ненависть возрастала по мере того, как они старались занять лучшие места, пробиться в первые ряды, посмотреть в глаза этому приспешнику сатаны. Семнадцатилетний Иоганн Гутенберг пробирался сквозь толпу, не упуская из виду отца.

— Не отставай, — сказал отец. — Чеканщик не будет ждать вечно.

— Уже иду, — откликнулся Иоганн.

И все же он остановился на секунду — взглянуть на уличное представление — и увидел примерно в квартале впереди себя мужчину в тяжелых проржавевших цепях. Побрякивая ими, он приближался к юноше. Его окружала группа вооруженных людей, они шли, размахивая мечами, чтобы удержать напирющую толпу.

— Иоганн! — позвал отец.

Тут юноша потерял его: голова отца мелькнула в потоке людей и скрылась. Иоганна толкнули, он упал, поднялся и оказался на самом краю улицы. Человек в цепях

приближался, и Иоганн впился в него взглядом. На еретике была высокая, заостренная кверху шапка, в точности такие же — митры — носили священники. Но только на этой кто-то изобразил уродливого страшного дьявола, а внизу шла издевательская надпись: «ВОЖАК ЕРЕТИКОВ».

Внезапно мужчина в цепях пошатнулся и упал. Не думая о последствиях, Иоганн бросился к нему, чтобы помочь подняться. Солдат предостерегающе направил острие меча на шею Иоганна.

— Оставь его, мальчишка!

Иоганн не послушался и заглянул еретiku в лицо. Несмотря на подавленное состояние, в котором тот пребывал, ни тени злобы или ненависти он не увидел в его глазах. Напротив, они светились добротой и покоем, столь глубокими и искренними, что стоявшие неподалеку зеваки начали перешептываться. Неожиданно мужчина что-то пробормотал и сделал знак подойти поближе. Иоганн наклонился.

— Поди прочь, щенок! Иначе тебя поджарят на костре вместе с этим приспешником дьявола! — сердито рявкнул солдат. — Ты меня слышал?

Еретик протянул руку и вложил в ладонь юноши какой-то предмет.

— Что это? — спросил Иоганн, ощупывая маленький металлический диск, но еретик не ответил.

Внезапно резкая боль пронзила плечо юноши, и в кожу впилось острое железо. Он почувствовал, как его поднимают за шиворот и швыряют в толпу. Зеваки стояли так плотно, что ему удалось удержаться на ногах. Юноша торопливо сунул подарок в карман, обернулся и увидел, что еретик плетется дальше по улице, а вокруг шумит возбужденная злая толпа. Неужели все это происхо-

дит на самом деле? Может, эта странная встреча при-
снилась ему?..

Тут за плечи его ухватила сильная рука отца, встрях-
нула, привела в чувство.

— Где тебя черти носят? Теперь непременно опозда-
ем. И матушка не обрадуется, узнав, что ты так опозо-
рился.

— Прости, — тихо пробормотал Иоганн.

Он двинулся вслед за отцом по боковой улочке, прочь
от толпы, незаметно ощупывая лежащий в кармане за-
гадочный диск.

— Что будет теперь с тем человеком?

— Не твоего ума дело, — ответил отец, и дальше они
шли в молчании.

Отец сверился с картой, и вскоре они добрались до до-
ма с маленькой зеленой дверью.

Два условных стука, и дверь отворилась. Перед ними
возник мужчина с круглым красным лицом в окаймле-
нии восторженных светлых волос, напоминавших пучки
соломы.

— Чем могу служить?

— Я Гутенберг. А это мой сын.

— Гутенберг?.. Да-да, входите. — Чеканщик пропус-
тил их в дом. — Я вас ждал. Просто не думал, что вы так
быстро доберетесь, учитывая, что творится на улицах.

— Едва не застряли, — ответил отец и сердито поко-
сил на сына. — И где же машина, ради которой я про-
делал столь долгий путь?

Щеки у Иоганна запылали. Мужчина указал на сосед-
нюю комнату.

— Сюда, — сказал он Гутенбергу. — Думаю, вы оце-
ните наши нововведения. Станок чеканит почти в два ра-
за больше монет, чем прежний.

Иоганн, которого не пригласили в комнату, остался в прихожей. Горя нетерпением, он сунул руку в карман и извлек на свет божий металлический диск. Это была монета.

— Нельзя ли взглянуть? — спросил чеканщик, взял монету и попробовал на зуб. — Олово, — пробормотал он и отдал ее Иоганну. — Откуда она у тебя?

В его голосе звучали одновременно любопытство и осуждение. Иоганн повертел монету в пальцах, наблюдая, как играют на гранях блики света.

— Дал один человек, на улице. Тот, кого называют еретиком.

Мужчина резко оглянулся через плечо и снова уставился на Иоганна.

— Этот человек сегодня умрет, и его смерть ознаменует начало новой эры. — Он продемонстрировал Иоганну отчеканенное на монете женское лицо. — Вот, видишь? — спросил он, и голос его немного дрожал. — Это знак великих перемен.

— А это что? — спросил Иоганн, указывая на реверс. Мужчина улыбнулся.

— Об этом ты сам должен догадаться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пассажиры борта номер 1213 не удивились, когда в салоне вдруг отключился свет. Последние минут десять лампочки над головами непрерывно мигали, так что когда внезапно наступила полная темнота, паники не возникло. Неприятно поражены все были только тогда, когда лайнер начал падать вниз, точно подстреленная птица.

Сквозь оглушительный рев моторов Август Адамс различил крики, доносившиеся из салона первого класса. По проходу, набирая скорость, покатилась тележка с напитками и едва не задела какого-то не в меру любопытного юнца, успевшего вовремя убрать голову. Затем самолет выровнялся, но ненадолго, и снова резко нырнул, на этот раз влево. С открытой полки свалился чемодан и ударил по голове сидевшего впереди пожилого мужчину. Тот качнулся и упал ничком. Мальчик, сидевший рядом с ним, заплакал.

Август, расположившийся у иллюминатора на месте 24F, отстегнул ремни безопасности и вскочил. Ему пришлось перелезть через ряд кресел впереди, чем он сильно рассердил расположившихся там бизнесменов.

— Эй! Смотри, куда лезешь, козел! — воскликнул один — тот, кому Август поставил ногу на плечо.

Но это его не остановило. Он добрался до кресла, где сидел маленький мальчик.

— Что с дедушкой? — всхлипнул тот.

— Не бойся. Все будет хорошо, — сказал Август.

Он схватил протянутый ему женский шарф. Из раны на голове старика хлестала кровь. Он был без сознания. Август силился припомнить способы оказания первой помощи, вычитанные когда-то в справочнике водителя.

— Как фамилия твоего дедушки? — спросил он у мальчишки.

— Форд.

Август плотно обвязал шарфом голову пострадавшего в надежде, что это поможет остановить кровотечение, а потом попросил бизнесмена, сидевшего сзади, приподняться и прижать руками края раны. Тот лишь покачал головой.

— Предпочту оставаться на своем месте, — пробормотал он.

В красноватом аварийном освещении было видно, что лицо его искажено страхом. Штаны намочил, ясное дело.

— Этот человек умрет, если вы мне не поможете.

Над головами затрещал громкоговоритель — очевидно, пилот пытался успокоить пассажиров. Слишком поздно, подумал Август.

— Почему бы вам самому не поддержать? — дрожащим голосом осведомился бизнесмен.

— Потому что я должен найти аптечку, — ответил Август. — Да что вы, в самом деле! Ослабьте ремни безопасности, наклонитесь вперед, обнимите спинку кресла обеими руками. Все просто.

— Не могу, — прошептал бизнесмен. — Вы уж простите.

Двое сидевших рядом с ним мужчин опустили головы, обхватив их руками. От них тоже толку не будет.

— У кого-нибудь есть аптечка? — крикнул Август и стукнул кулаком по сиденью.

Тут самолет снова затрясло, и он вцепился в подлокотники.

Внезапно включился верхний свет. Август почувствовал, как кто-то теребит его за рукав.

— А мой дедушка поправится? — спросил мальчик.

Он был всего на пару лет младше его сына. Август ответил не сразу.

— Надеюсь, что да, — сказал он.

По проходу уже мчалась стюардесса с аптечкой. Подбежала, открыла ее, достала бинты и принялась перевязывать старику голову.

— Там есть фонарик? — решил выяснить Август.

— Должен быть, — ответила она и стала рыться в пластиковом ящике.

Самолет резко нырнул, и содержимое аптечки высыпалось на пол.

Август наклонился и подобрал крохотный фонарик, с виду напоминающий авторучку. Он приоткрыл левый глаз мужчины и посветил, затем сделал то же самое с правым глазом.

— Проверяете, нет ли сотрясения мозга?

— Если от удара образовалась опухоль, есть опасность внутричерепного сдавливания тканей. При этом обычно идет давление на глазные нервы, и зрачки нестандартным образом реагируют на свет.

Август вышел в проход между креслами.

— Вы должны проверять его каждые пятнадцать минут.

— Вы врач?

— К сожалению, нет. Надо расспросить пассажиров, может, среди них есть? А я просто хорошо запоминаю все, что читаю.

— К счастью для него.

— Надеюсь. Короче, дайте мне знать, все ли с ним в порядке.

И с этими словами Август направился к своему месту.

— И за мальчиком тоже не мешало бы присмотреть. Он, похоже, здорово испугался.

— Не он один, — заметила девушка.

— Прошу прощения, друзья мои, — прорезался в динамиках голос старшего пилота. — Пристегните ремни и оставайтесь на местах. Самолет может тряхнуть еще несколько раз, прежде чем мы долетим до Нью-Йорка.

— Если это называется «тряхнуть», то страшно подумать, что там у них за проблема, — заметила симпатичная соседка Августа, пока он протискивался мимо нее к иллюминатору. — Пожалуй, даже вам, мистер Супермен, с ней не совладать.

— Просто пытаюсь помогать в меру своих слабых сил, — сказал Август, усаживаясь в кресло.

Соседка засмеялась.

— Вы женаты? — спросила она.

От ее внимания не укрылось, что у него на пальце нет обручального кольца.

«Интересно, — подумал Август, — кроется ли за этим вопросом нечто большее, чем праздный интерес?»

— Разведен, — признался он после паузы. — Уже больше года. — И протянул ей руку. — Август Адамс.

— Ксандра Мюро, — сказала женщина и ответила на рукопожатие.

Пальцы у нее оказались на удивление сильными. Необычное, запоминающееся имя, да и лицо — тоже.

— Лететь нам еще семь часов, так что заранее извиняюсь, если рассказ о моей жизни закончится раньше.

Судя по напористости и деловой хватке, которой, несомненно, обладала эта женщина, Август решил, что вряд ли ее история окажется столь уж захватывающей.

— Вообще-то, если вы не возражаете, я бы предпочел...

— Вздремнуть? — спросила Ксандра. — Извините.

— Да ничего страшного, — ответил Август и почувствовал себя страшно неловко из-за того, что старается избежать беседы.

Выступивший от смущения румянец лишь подчеркивал высокие скулы Ксандры. Кончики ее губ были слегка приподняты, отчего казалось, будто на лице все время играет лукавая улыбка.

— А вот я, наверное, уже не засну — после всего этого переполоха.

Она поправила выбившуюся из-за уха золотистую прядь и слегка склонила голову набок.

— А вы, судя по всему, героический мужчина. Чем занимаетесь в свободное от спасения стариков время?

Август рассмеялся.

— Ну, если это называется «героический мужчина»... — протянул он. — Я собираю и продаю старинные книги. Особый акцент на слове «продаю».

— И почему вы выбрали такую работу?

— А я-то думал, это вы расскажете мне свою историю, — с трудом сдерживая улыбку, заметил Август. — Впрочем, прежде позвольте ответить на вопрос. Я по специальности археобиблиолог.

Губы ее удивленно округлились.

— О! Так вы изучаете Библии?

— Ну да, в первую очередь, конечно, Библии. Но люди моей профессии исследуют самые разные тексты.

— Зачем?

— В поисках ключей. Исторических и культурных реалий, это главное. А еще чтобы узнать побольше о жизни тайных обществ, о потерянных сокровищах... ну, в общем, понимаете, в духе Индианы Джонса.

— Звучит захватывающе. И почему же вы бросили столь увлекательное занятие?

— Я не бросал, — ответил Август. — Просто устал торчать на одном месте и читать о приключениях. Захотелось самому поучаствовать в них.

— Поэтому и летали в Германию? — Она указала на книгу, лежащую на сиденье между ними, — о произведениях изобразительного искусства, конфискованных Третьим рейхом во время войны.

Август бросил ее, когда самолет начало трясти.

— Провел там месяц, отслеживая одну книгу. Теперь лечу в Нью-Йорк, доставить ее покупателю.

— Должно быть, это очень важная книга.

— Мой клиент тоже так считает, — сказал Август. — Это Библия Гутенберга. Датируется приблизительно тысяча четыреста пятьдесят седьмым годом. Изначально она принадлежала принцу Хуньяди, который заказал ее в честь победоносного штурма Белграда. После смерти Хуньяди кто-то из его подчиненных спрятал книгу. И никто не знал, где она находится, вплоть до прошлого года. До того момента, как со мной связался этот клиент. Неким образом ему удалось получить ключ к тому, где могла быть спрятана книга. Ну и выяснилось, что его не обманули.

— Наверное, такие вещи по почте не пересылают.

Август усмехнулся.

— Никакой страховки не хватит, если она вдруг пропадет. К тому же я должен передать ее лично, чтобы получить чек.

Ксандра улыбнулась.

— Догадываюсь, что на весьма крупную сумму.

— Ну, надеюсь, мне хватит, чтобы встать на ноги, — заметил Август. — Я уже начал копить деньги на колледж сыну.

— Что-то не верится, что у такого молодого мужчины сын скоро пойдет в колледж, — сказала Ксандра.

Она явно с ним заигрывала. Август нацепил лучшую из улыбок Николаса Кейджа и пригладил ладонью волосы.

— Я не так уж и стар. Чарли всего восемь.

— Он что же, живет с вами?

— Нет, — ответил Август. — С моей бывшей. Если честно, может, оно и к лучшему. Я вечно в разъездах, такая работа.

Ксандра достала из-под сиденья сумочку, порылась в ней и извлекла конверт с фотографиями.

— А у меня двое, мальчик и девочка, — сказала она. — Это Эрик. А это Саманта. Страшно скучаю по ним, прямо с ума схожу!

— Я вас очень хорошо понимаю, — кивнул Август и стал рассматривать фотокарточки.

Зоопарк. Пляж. Карнавал... Внезапно он испытал острое чувство вины оттого, что у него нет аналогичных снимков Чарли.

Август вернул Ксандре конверт.

— Заставляет задуматься о том, что в жизни важнее...

Вдруг из сумочки Ксандры послышался приглушенный звонок. Она извинилась перед собеседником и поднесла телефон к уху.

— Алло? Да... Все замечательно. Нас немного потрясло, турбулентность, но теперь полет проходит гладко... — Она прижала изящный пальчик к губам, слушая, что ей говорят. — О'кей. Да, обязательно. Да, хорошо. Скоро увидимся. — И отключилась. — Извините. Мой босс — настоящее чудовище, все время меня проверяет.

— У вас здесь работает связь? — удивился Август.

— О, это особый телефон, — ответила Ксандра и протянула ему мобильный. — Новейшая разработка. Опыт-

ный образец. Работает напрямую через провайдера. Я могу в любой момент связаться с кем угодно, где бы он ни находился, и слышно будет превосходно. — Она разгладила складки на черной юбке. — Вот увидите, через год все обзаведутся такими.

— Что ж, и я непременно приобрету, — заметил Август. — Тогда я всегда смогу поговорить с сыном. Мальчик будет в восторге.

— Вы заставляете меня чувствовать себя виноватой, — улыбнулась Ксандра и протянула ему телефон.

В глазах ее танцевали веселые искорки.

— Хотите поговорить с сыном?

Август вскинул руки.

— Я ни на что не напрашивался!

— Знаю. И еще знаю, как это тяжело — находиться вдали от близких. Звоните. Я настаиваю.

Август взглянул на часы. Чарли жил с матерью в Вашингтоне, округ Колумбия. Стало быть, там сейчас ранний вечер — идеальное время для звонка. Эйприл, его бывшая жена, появится дома только через несколько часов, а это значит, ему не придется вступать с ней в бесконечные споры.

— Уверен, что звонок стоит очень дорого, — заметил он.

— Это неважно. Телефон принадлежит компании, она же его и оплачивает, — сказала Ксандра и сунула телефон ему в руку. — Я вижу, вы скучаете. Поверьте, я все понимаю. Вы должны, просто обязаны позвонить мальчику.

Август разговаривал с Чарли далеко не так часто, как хотелось бы. Путешествуя по миру, он вечно путал, в каком часовом поясе находится и сколько сейчас в Вашингтоне. Частенько дело заканчивалось тем, что он звонил

в три часа ночи. Не далее как две недели назад он набрал номер, услышал сонный голос Эйприл и тут же повесил трубку. И только потом посмотрел на время.

— Спасибо вам, — пробормотал он и стал вводить цифровой код.

Трубку сняли после второго гудка.

— Дом Адамсов. Чарли у аппарата.

Голос сына звучал моложе, чем помнилось Августу.

— Привет, дружище.

— Пап? Ты где? В Вашингтоне?

— Нет, сынок, — ответил Август. — Но мне бы страшно хотелось быть там, с тобой.

Он слышал на заднем фоне, как работает телевизор. Наверное, «Пи-би-эс»*, единственное, что Эйприл разрешала смотреть сыну.

— Я тоже хотел бы, — сказал Чарли. — Слушай, пап, сегодня в школе у меня появился новый друг! Его зовут Николас, и ему тоже нравятся «Могучие рейнджеры».

— Мама разрешает тебе смотреть «Могучих рейнджеров»?

— Нет.

— Но ведь сейчас ты их смотришь?

— Да, — после небольшой паузы ответил Чарли.

— Ладно. Пусть это будет нашим маленьким секретом, — сказал Август. — А где бабушка Роуз?

— Разговаривает с кем-то в соседней комнате.

— С кем?

— Не знаю. Вроде бы с кем-то из ФБР. Я подслушивал у двери.

ФБР? Что могло им понадобиться от бабушки Роуз?..

* «Пи-би-эс» — «Public Broadcasting Service», некоммерческая корпорация, управляющая сетью общественного телевизионного вещания.

— Наверное, сегодня опять будешь играть в супершпиона?

Ксандра одарила Августа понимающей улыбкой и слегка приподняла бровь, убирая снимки в сумочку. У нее были потрясающе красивые... Тут снова прорезался голос Чарли:

— Да! Мама подарила мне настоящий радиопередатчик. Берет на расстоянии трехсот ярдов. Мы с бабушкой проверяли. Тебе тоже понравится!

— Непременно, дружок. Приеду, и опробуем вместе. Послушай, а ты не можешь выяснить, кто этот парень? — спросил Август. — Мне не нравится, что в доме посторонний.

— Ладно, пап! Подожди минутку.

— Но только так, чтобы он тебя не видел, хорошо?

— Послушай, пап, ну как меня увидят? Я же супершпион.

Послышался легкий стук — это Чарли положил телефонную трубку на пол и отошел. Август обернулся к Ксандре, тревожась, что злоупотребляет ее добротой.

— Простите. Еще минуту, и мы договорим.

— Не беспокойтесь, — отмахнулась Ксандра. — Просто за вами маленький должок.

— Я слышал, на лайнерах этой компании потрясающая винная карта.

— Вот и отлично, — с улыбкой ответила Ксандра.

И вдруг Август услышал, как телефон с грохотом покатился по полу, видимо, Чарли задел его ногой. Секунду спустя он взял трубку. Он запыхался и что-то говорил, но Август никак не мог разобрать что.

— Помедленней, — попросил он. — В чем дело? Что у вас происходит?

— П... пи...

— Дыши спокойно, сынок. — Август резко встревожился.

Сразу вспомнились ночные поездки в больницу — Чарли тогда был еще совсем ребенком. Но с тех пор прошло уже два года, вроде бы все наладилось. Почему же приступы вернулись?

— Дыши вместе со мной. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Ну, помнишь, как тогда, когда ты был маленьким?..

Постепенно дыхание стало выравниваться, затем вновь участилось. Август услышал механические помехи в телефоне. Чарли что, убегает вместе с трубкой? Нет. Крадется. Ползет куда-то... Но почему?

— Пап...

Август ощутил комок в горле. С сыном что-то случилось, это ясно.

— Послушай, супершпион. А ну, давай быстро отчитывайся! Что там у вас? Бабушка Роуз в порядке?

— Пап... помоги... пожалуйста, — пробормотал Чарли, стараясь успокоиться.

Он явно храбрился.

— Тот парень связал бабушку Роуз и приставил ей к голове пистолет.

Август вздохнул и покачал головой. Он едва не купился, едва не попался на крючок этого маленького хитреца. Уже не в первый раз Чарли придумывает всякие несусветные истории. У мальчишки чересчур развито воображение. Однажды, года в четыре, он уверял, что у них в холодильнике застрял полярный медведь, а за несколько дней до развода родителей объявил, что на заднем дворе идет ядерная война и там полно зомби-людоедов. Может, Эйприл права, что не дает ему смотреть по ящику все подряд?

— Вот что, сынок, кончай валять дурака, — строго велел Август. — Пистолет — это, знаешь ли, не шутка.

Он обернулся на Ксандру и пожал плечами — дескать, сами знаете все эти мальчишеские выходки. Однако ее ясные голубые глаза потемнели, приобретя серо-стальной оттенок.

— А что, если мальчик не шутит? — шепотом спросила она.

Август похолодел. Сознание просто отказывалось воспринимать происходящее. А что, если мальчик не шутит? Откуда она знает, что там случилось? Теперь он не сводил с нее глаз.

— Вот что, Чарли. Слушай меня внимательно. Сейчас ты повесишь трубку и сразу же позвонишь по девяти-одному.

Ксандра опустила подлокотники и скользнула на соседнее с ним сиденье. Август почувствовал запах ее духов.

— погоди, Чарли, не отключайся. И не двигайся, иначе твоей бабушке будет худо, — сказала она в трубку спокойным мелодичным голосом — таким рассказывают сказки на ночь, — после чего снова протянула телефон Августу и шепнула ему на ухо: — Вообще-то мы ее просто прикончим, и дело с концом. И мальчишку тоже, если ты откажешься сотрудничать.

У Августа что-то сжалось внутри.

— Сотрудничать? — недоуменно пробормотал он.

Он слышал, как Чарли зовет его, и поднес телефон к уху.

— Пап?.. — Голос у мальчика дрожал. — Что мне делать?

— Оставайся на месте, — ответил Август. — Все будет хорошо, обещаю. Просто сиди тихо.

Через проход от себя он увидел подростка: глаза закрыты, голова подергивается в такт музыке, льющейся

из наушников. Рядом с ним была девочка, как показалось Августу, его младшая сестра. Она с увлечением читала какую-то книгу. Справа от нее, широко раскрыв рот, спал мужчина в футболке с шуточной надписью, уверяющей, что ее владелец — величайший в мире пустозвон. И ни один из них не замечал происходящего. Август прикрыл ладонью микрофон.

— Что вам нужно?

Ксандра забрала телефон и скинула вызов.

— Когда я была маленькой, я как-то раз украла печенье из вазочки на столе. Тем же вечером после ужина отец взял Библию, велел, чтобы все вышли из комнаты, и прочел мне отрывок из Книги притчей Соломоновых. Двадцать третья глава. Вы знакомы с этим произведением?

Август знал немало притчей, он вообще хорошо ориентировался в библейских текстах, но сейчас ему никак не удавалось вспомнить, о чем говорится в 23-й главе.

Он отрицательно покачал головой.

— А сказано там следующее: «Когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою, и поставь преграду в гортани своей, если ты алчен. Не прельщайся лакомыми яствами его; это — обманчивая пища».

Ксандра закатала рукав розовой шелковой блузки.

— Знаете, что он сделал со мной потом?

Август промолчал. Он не знал и не хотел знать.

— Он взял нож и оставил мне вот это. — Она продемонстрировала длинный зигзагообразный шрам на внутренней стороне предплечья. — С тех пор я ни разу ничего не взяла со стола без спросу.

— Не трогайте моего сына. Он ни в чем не виноват, — пробормотал Август.

Испуганный голос Чарли до сих пор звучал у него в ушах.

— Прощу, скажите, что вам нужно.

— Все очень просто. Вы взяли вещь, вам не принадлежащую. И я хочу ее вернуть, — ответила Ксандра и принялась опускать рукав блузки, прикрывая шрам. — Если будете в точности следовать моим инструкциям, вплоть до мелочей, никто не тронет вашего сына. Моему отцу не было известно слово «сострадание». Мне же — известно. — Она застегнула пуговку на манжете. — Мне всего-то нужна ваша книжка за сто миллионов долларов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Богато украшенный потолок Большого зала раскинулся, точно ночное небо, над головами двенадцати пятиклассников. Они гуськом следовали за экскурсоводом, археобиблиологом Эйприл Адамс, которая, нежно прижав пальчик к губам, попросила ребятишек соблюдать тишину, пока они любовались цветными росписями, покрывавшими стены зала, двумя греческими статуями у входа и, конечно, книгами — книгам тут не было числа. В воздухе витал слабый аромат кожи.

Неожиданно у Эйприл зазвонил мобильный, и школьники захихикали. Она сделала вид, что смутилась — детям это почему-то страшно нравилось, — и достала телефон из маленькой сумочки на поясе. Сегодня из-за школьных экскурсий она предпочла строгому деловому наряду более простой и удобный. Две экскурсии она уже провела, это была последняя, и Эйприл не переставала радоваться тому, что надела изящные полуспортивные туфли, брючный костюм из хлопка с эластаном и беспроводную гарнитуру.

Если звонок не из дома, отвечать она не будет. Нет, номер незнакомый. Она отключила звук и положила мобильный обратно в сумочку, рядом с кошельком — она не любила оставлять деньги в кабинете. Идентификационной пластиковой карточкой, которую всегда носила на шее, Эйприл отперла дверь в соседнее помещение. Она

знаком пригласила детей войти и дождалась, пока они встанут вокруг нее полукругом.

— Ну вот, ребята. Теперь мы можем поговорить, — сказала она и поправила очки.

Раздался дружный вздох облегчения. Эйприл улыбнулась.

— Вы держались молодцом. И теперь, прежде чем мы закончим экскурсию по Библиотеке Конгресса, я хотела бы знать: есть ли у вас вопросы?

Девочка со встрепанными рыжими кудряшками сразу подняла руку.

— А сколько здесь книг?

— Свыше двадцати девяти миллионов, — ответила Эйприл.

На ребят эта цифра явно произвела впечатление.

— Это крупнейшая библиотека в мире. Если взять все полки с книгами и выстроить в одну линию, то хватит до самого Нью-Йорка и обратно.

— Это как до луны! — воскликнул мальчик с неудачной стрижкой.

— Ну, не совсем, — призналась Эйприл. — Но у нас очень много книг о луне. У нас есть книги буквально обо всем на свете.

— Мисс Эйприл, — спросила школьная учительница, стоявшая в заднем ряду, — нельзя ли попросить вас поподробнее рассказать детям о своей работе?

— Конечно, с удовольствием, — ответила та. — Скажите, ребята, вы когда-нибудь видели очень старую книгу?

Рыжеволосая девочка снова вскинула руку.

— У моей мамы есть такие книги. Она читала их, когда ей было столько, сколько мне сейчас. Очень старые.

— Нет, я имею в виду куда более старые, — сказала Эйприл. — Те, которым сотни лет. Книги, написанные еще до открытия Америки.

— Вы хотите сказать, они до сих пор сохранились? — спросил мальчик, озвучив немой вопрос, стоявший в глазах большинства ребятешек.

— Моя работа в Библиотеке Конгресса, — начала Эйприл, — как раз и состоит в том, чтобы изучать старинные книги и искать ключи.

— Какие ключи?

— Ну, ключи к тайнам истории... общества... и другим тайнам, — ответила Эйприл.

Она развернулась и знаком пригласила детей следовать за ней. Они подошли к двум позолоченным выставочным шкафам в центре комнаты.

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Школьники столпились вокруг шкафа, глядя сквозь стекло. Книга, лежавшая внутри, так и сверкала, переливаясь, словно от нее исходило живое сияние.

— Это волшебная книга? — спросила маленькая афроамериканка с косичками.

— Понимаю, что ты хочешь этим сказать, — кивнула Эйприл.

Впервые увидев этот фолиант, она подумала примерно то же. Цветные иллюстрации на страницах, казалось, танцевали, жили своей собственной жизнью. Странная и прекрасная иллюзия.

— Расскажите нам немного об этой книге, — попросила учительница, завороченная, как и ее ученики, гипнотическим сиянием, исходившим от старинного фолианта.

— Это Библия Гутенберга, редчайшая из существующих ныне книг, — сказала Эйприл. — Нам посчастливилось заполучить один экземпляр в свое собрание. Из-за него я и пошла сюда работать. Для людей моей профессии нет большей радости, чем изучать подобный раритет.

— Так она одна-единственная во всем мире? — спросила рыженькая.

— Нет. «Редкая» — не означает «единственная». Это означает, что множество людей мечтают ее получить, но не могут. Повезло лишь единицам. Всего существовало сто восемьдесят экземпляров Библии Гутенберга, а сохранилось только сорок восемь. Несколько экземпляров находится в Америке. Большинство — в других частях света.

— Это в Техасе?

Эйприл рассмеялась и сделала знак девочке не наклоняться слишком низко над стеклом.

— А ты знаешь, в Техасе действительно есть одна! Но вообще-то я имела в виду другие страны: Францию, Германию, даже Японию.

— А почему люди так мечтают о ней?

— Из-за ее значимости. Библия Гутенберга — не просто книга, это одно из величайших достижений цивилизации. Может, в каком-то смысле она важнее Великой Китайской стены или египетских пирамид.

— Пирамиды все равно круче, — заметил один из мальчишек и зевнул, изображая крайнюю скуку.

— Джереми! — одернула его учительница. — Прекрати сейчас же!

— Ничего страшного, — сказала Эйприл. — Некоторым людям вовсе не интересны пыльные страницы старых книг.

Она оглядела детские лица.

— Но всегда найдется человек, понимающий, в чем их магия.

— Так, дети, а теперь давайте поблагодарим нашего замечательного экскурсовода, — велела учительница.

— Спасибо, спасибо! — грянул недружный хор.

Учительница попрощалась с Эйприл и повела своих подопечных к выходу. Только тогда Эйприл заметила, что у дверей стоит мужчина. Азиатское лицо с тонкими чертами показалось знакомым, однако она не смогла вспомнить, кто это. Мужчина не сводил с нее глаз.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Простите, — тихо ответил азиат. — Не хотел мешать и понапрасну отвлекать детей. Экскурсия такая интересная.

Вот почему он показался ей знакомым. Он следовал за группой с самого начала, хоть и на приличном расстоянии, и старался не выдавать себя, то и дело утыкаясь носом в раскрытую книгу, которую держал в руках. Теперь книги не было.

— Благодарю за комплимент, но, уверена, экскурсии для взрослых будут вам интереснее. Если хотите, я могла бы...

— Нет, — сказал он и шагнул к ней. — Я не за этим сюда пришел. Я хотел поговорить с вами.

— О чем же?

— О Гутенберге. — Он указал на выставочный шкаф. — В последнее время с вами никто не связывался по поводу Библии?

Самые разные люди постоянно обращались к ней с вопросами о Гутенберге. Он — краеугольный камень истории, человек, опередивший свое время и радикально изменивший мир. Его изобретение положило начало эпохе Ренессанса, а затем и Реформации. Благодаря этому, а также единодушному восхищению, которое вызывала уникальная по красоте и редкости книга, на Эйприл со всех сторон сыпались вопросы от историков, ученых, археологов, библиофилов и даже религиозных фанатиков. Но, как правило, она не была склонна удовлетворять их

любопытство. Библия Гутенберга оставалась загадкой для всех, кроме нее.

Она опустила ладонь на выставочное стекло.

— Прежде чем говорить со мной о Гутенберге, не мешало бы представиться.

Он отвернул лацкан пиджака: блеснул значок.

— ФБР. Агент Менг. Что вам известно об Алексе Пирсоне?

Эйприл узнала это имя только после развода. Несколько лет назад Алекс и Август были яркими соперниками по бизнесу, связанному с антикварными книгами. Все изменилось, когда Алекс занял престижную должность главного куратора библиотеки и музея Моргана в Нью-Йорке. После этого Алекс и Август стали неразлучны, а поводом для их примирения послужила огромная библиотечная коллекция редких рукописей.

— Он друг моего бывшего мужа, — ответила она. — Сама я едва знаю его.

— Прошлой ночью двое мужчин заставили его открыть хранилище раритетов библиотеки Моргана. Там находились тысячи бесценных экспонатов. Но когда утром полиция произвела обыск, выяснилось, что пропала всего одна книга.

Эйприл тотчас поняла, о какой книге идет речь.

— Библия Гутенберга, — сказала она.

— Да. В обложке из телячьей кожи.

— А что с Алексом? Надеюсь, он невредим? — спросила Эйприл, вспомнив, что у Пирсона жена и трое детей.

— К сожалению, нет. Он убит двумя выстрелами в спину.

— Ужасно... — пробормотала Эйприл, прикрыв ладонью рот.

Следующий вопрос напрашивался сам собой.

— Так вы считаете, они могут прийти сюда?

— Не исключено, — пожал плечами агент.

— Тогда надо немедленно убрать Библию в сейф.

Эйприл направилась к висевшему на стене красному телефону и сняла трубку. Менг вскинул руку.

— Погодите. Звонить не надо.

Эйприл опустила трубку на рычаг.

— Почему?

— Потому что мы должны арестовать причастного к преступлению человека.

— Кого?

— Вас, мисс Адамс, — сказал агент и защелкнул на ее запястьях наручники.

Эйприл была настолько потрясена, что на миг лишилась дара речи.

— О чем вы? Да я скорее умру, чем посмею нанести вред такому сокровищу!

Менг заглянул ей в глаза.

— Мы отследили вашу электронную переписку, телефонные звонки и прочую корреспонденцию — словом, хватит, чтобы надолго упрятать вас за решетку.

Он схватился за цепь, соединявшую между собой наручники, и повел ее к двери.

Тут в помещение вбежал офицер службы безопасности Норман Бриггс.

— Что здесь происходит?

Менг показал ему удостоверение, продолжая одной рукой придерживать Эйприл.

— ФБР, — представился он. — Эта женщина арестована по подозрению в ограблении.

— Норман, помоги! — взмолилась Эйприл. — Они думают, я собиралась похитить Гутенберга!

— Ерунда какая-то, — сказал Норман и обернулся к Менгу: — Неужели она похожа на воровку?

— Я основываю свои выводы не на внешних данных.

— Я имел в виду, вы арестовали не того парня, — пробормотал Норман. — Э-э... то есть не ту женщину. Я давно знаю Эйприл, с первого дня, как она появилась здесь. И могу уверить вас, во всей библиотеке нет более порядочного и преданного своему делу сотрудника. Жизнью своей клянусь, она невиновна!

— Непременно учту ваше мнение, — ответил Менг. — Однако клясться собственной жизнью, на мой взгляд, глупо и опрометчиво.

И с этими словами он подтолкнул Эйприл к выходу. Норман последовал за ними.

— Что я могу сделать для тебя, Эйприл?

— Не знаю, — растерянно прошептала она.

Соображать удавалось с трудом: ее тащил куда-то агент ФБР, обвиняя в краже национального достоинства. Вся эта история казалась абсурдным кошмарным сном.

— Проследи, чтобы никто не прикасался к Библии.

Приблизившись к двери, она увидела, как навстречу им шагнули двое мужчин, по всей видимости, тоже федеральные агенты, и взяли Эйприл под руки. Она заглянула Норману в глаза.

— Пожалуйста, помощи.

Тот ответил ей сочувственным взглядом и обернулся к Менгу.

— Сроду бы не поверил, — произнес он, качая головой. — Она казалась такой порядочной женщиной...

— Так всегда бывает, — заметил Менг и толкнул дверь.

Эйприл проводили вниз по мраморным ступеням Библиотеки Конгресса и подвели к черному внедорожнику, припаркованному у обочины. Менг отворил заднюю дверь, и Эйприл шагнула в салон. Следом за ней запрыгнули в машину двое федералов, один уселся на заднем сиде-

нее рядом с ней, второй — спереди. Менг захлопнул дверцу и вернулся в библиотеку.

Водителем был грузный мужчина-самоа, с гроздьями сережек в ушах и длинными лохматыми волосами, что как-то не вязалось с представлениями Эйприл о том, как должен выглядеть агент ФБР.

— Куда мы едем? — спросила она.

Никто не отозвался, лишь щелкнули замки на дверях. Водитель выжал сцепление, и машина отъехала от здания библиотеки.

— Мне что, никто не ответит?

— Нет, — сказал охранявший ее мужчина.

— Я должна предупредить семью, — возмутилась Эйприл. — Дать им знать, что происходит.

— С ними все в порядке, — бросил тот, что сидел впереди.

— Откуда вы знаете?

Тучный водитель взглянул на нее в зеркало заднего вида. Глаза его казались налитыми кровью, точно он не спал всю ночь или крепко выпил. Рта его Эйприл не видела, а вот глаза смеялись. И тут она поняла почему.

Она в ловушке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бабушка Роуз задыхалась. Тряпичный кляп запихнули слишком глубоко. Нет, она точно умрет: или от удушья, или захлебнется собственной рвотой. Не слишком красивая эпитафия, подумала она. «Скончалась, захлебнувшись рвотными массажи».

Она до сих пор не могла поверить, что попала в такую передрыгу. На вид мужчина казался совершенно безобидным: коричневый костюм, темно-оранжевый галстук, дорогие кожаные мокасины, прекрасные волосы. Просто отличные волосы. И вообще очень симпатичный. Приятная улыбка. Можно сказать, ослепительная.

— Не возражаете, если я зайду на секунду? — спросил он.

— Простите, но обычно я не пускаю в дом незнакомцев, — ответила бабушка Роуз с озабоченным видом.

— Понимаю, — согласился он. — Разрешите представиться, Бен Андерсон. Я из ФБР.

— ФБР?.. А в чем, собственно, дело? Есть проблемы?

— Боюсь, что да, — кивнул красавчик. Он достал значок и показал ей. — Так я войду?

— Пожалуй, нет. — В голосе бабушки Роуз звучало подозрение. — Насколько мне известно, такие значки можно купить через eBay*. Так что до свидания!

* eBay — американская компания, предоставляющая услуги в области интернет-аукционов, интернет-магазинов и мгновенных платежей.

— Вот что, мэм, — сказал Бен и поставил ногу на порог, мешая захлопнуть дверь. — Если не впустите меня, вас обвинят в препятствовании расследованию преступления, которое проводит ФБР.

— Послушайте, мистер, лично мне плевать, откуда вы: из ЦРУ, налоговой или «Си-эс-ай» *. Не впускаю вас, и весь разговор, — фыркнула бабушка Роуз.

Она никогда не пускала в дом посторонних, если сидела с Чарли, и, к смущению и неудовольствию Эйприл, отсылала прочь даже ремонтников, проводивших регулярный осмотр дома. Один раз она даже выставила всеми уважаемого сенатора. Правила есть правила.

— Речь идет о вашей дочери.

— Эйприл?

— Ее увезли к нам на допрос.

— Ничего не понимаю...

Бен извлек из внутреннего кармана документ и сунул в приоткрытую дверь.

— Вот ордер.

Бабушка Роуз развернула бумагу.

— Откуда мне знать, что вы не напечатали его на компьютере?

Бен вздохнул.

— Послушайте, я понимаю, вам это не нравится, и все такое, но у вашей дочери серьезные неприятности. Мне надо войти и посмотреть, не оставила ли она дома одну вещь. Если ее здесь нет, я тут же уйду.

— А если я вас не впускаю?

— Тогда я вернусь через час с двумя своими напарниками, куда менее терпеливыми.

— А пистолет у вас есть?

* «Си-эс-ай» — сокр. от «Crime Scene Investigation». Популярный телесериал, известный в России под названием «С. С. I. — Место преступления».

Бен поколебался.

— Да. Есть.

— Тогда вы должны оставить его в машине. У меня дома ребенок, очень впечатлительный мальчик. Не надо входить с оружием.

— Ладно, уговорили. Сейчас вернусь.

Она наблюдала из-за двери, как Бен подошел к машине, положил пистолет между сиденьями, запер дверь и возвратился на крыльцо.

— Расстегните пиджак, — потребовала бабушка Роуз.

— Уж больно вы суровы, леди, как я посмотрю. — Бен продемонстрировал ей пустую кобуру на боку.

— Лодыжки?

Он широко расставил ноги.

— Ну, довольны?

Она захлопнула дверь прямо у него перед носом.

— Эй! — донесся с крыльца возмущенный крик.

Бабушка Роуз сняла цепочку и отворила дверь. На всякий случай она оставила ее распахнутой, чтобы можно было позвать на помощь.

— Да уйду я через минуту, — проворчал Бен. — Просто покажите мне спальню вашей дочери. Начну оттуда.

— Спальня вон там, — сказала бабушка Роуз и провела Бена мимо гостиной. — А я подожду здесь, если не возражаете.

Она встала между Беном и лестницей наверх, в комнату Чарли.

— Спасибо. Я быстро.

Бабушка Роуз взглянула на часы. Десять минут. Больше она ему не даст. Она слышала, как наверху включили телевизор: сперва громко, а после приглушили звук. Несмотря на это, она отчетливо различала грохот взрывов и шум борьбы. Интересно, что опять смотрит Чарли? «Могучих пейджеров»? Или «Бегучих рейнджеров»?

Она никак не могла запомнить названия программ, которые Эйприл не разрешала смотреть сыну. Их был целый список. Она повернулась и уже хотела подняться к внуку, как резко застыла на месте. В дверях стоял мужчина. Сперва Роуз подумала, что он, вероятно, помощник Бена, и только потом заметила пистолет, нацеленный ей в лицо.

Он приложил палец к губам: молчи.

Бабушка Роуз так и замерла — одной ногой на первой ступеньке. Мужчина с пистолетом тихо притворил за собой дверь. Как же она сглупила!.. Сама оставила дверь открытой, вот он и вошел.

Позади раздались шаги — это Бен появился из спальни Эйприл.

— Ничего не нашел. Теперь надо осмотреть...

— Не двигаться! — крикнул незнакомец.

— Что происходит?

— Я думала, это ваш друг, — заметила бабушка Роуз. — И произошло какое-то недоразумение.

— Нет, — покачал головой Бен. — Что вам нужно? — спросил он мужчину с пистолетом.

— Где мальчишка?

— Его здесь нет, — ответила бабушка Роуз.

— Заткнись, — велел мужчина. — Я не тебя спрашиваю. Где мальчишка?

— Его здесь нет, — спокойно повторил Бен.

Наверху послышался шум. Мужчина с пистолетом поднял глаза.

— Так вы точно не знаете, где он?

У Бена на лице застыло вопросительное выражение.

— Тогда, видать, от тебя пользы не будет, — хмыкнул незванный гость.

Из длинного ствола с глушителем почти бесшумно вылетели три пули и вонзились в грудь федерального агента.

По телу бабушки Роуз прокатилась мелкая дрожь, а ноги словно приросли к полу. Столько крови...

— Пожалуйста, прошу вас, умоляю...

Из кармана стрелка показалась веревка.

— Возьми стул, — приказал он.

Бабушка, словно во сне, отодвинула стул от обеденного стола и подтащила к мужчине. Мысли путались. Где телефон? Вроде бы она оставила его на кухне. Когда обычно возвращается Эйприл? Она ничего не могла вспомнить.

— Сядь, — произнес убийца.

Бабушка Роуз колебалась.

— Зачем вы это делаете? — спросила она дрожащим голосом, сомневаясь, что с этим типом можно договориться.

— Если вам нужны деньги, я отдам все, что есть.

Вместо ответа он силой усадил ее на стул.

— Деньги твои мне без надобности.

Бабушка Роуз закрыла глаза и вдруг почувствовала, как веревка обвивает руки, ноги, грудь, шею. Она прислушивалась к жаркому учащенному дыханию убийцы, лицо его находилось всего в нескольких дюймах. Он явно был возбужден и оттого еще более опасен. Одно неверное движение — и он убьет ее, как только что убил Бена.

— Посмотри на меня, — приказал мужчина.

Она открыла глаза. В одной руке он держал пистолет, в другой — грязную скомканную тряпку.

— Мальчишка наверху? — спросил преступник. — Там кто-то есть, я слышал.

— Нет. Его нет дома, — ответила она. — Пошел в гости к приятелю.

Он приставил ей ко лбу дуло пистолета.

— Я следил за домом с того момента, как ты привела его из школы. Так он наверху? Да или нет?

— Просто вы не заметили, как он ушел. Через заднюю дверь.

Кончик ствола давил на кожу. До сих пор горячий... Она стиснула зубы.

Зазвонил телефон. Один звонок, второй...

— Где телефон? — спросил мужчина.

— Не знаю. Не помню. Он беспроводной.

На третьем гудке сигнал прекратился.

— Наверное, ошиблись номером, — сказала бабушка Роуз. — То и дело попадают не туда.

Мужчина резко поднял голову. Его внимание привлекли звуки, доносившиеся сверху, — тихое мурлыканье телевизора, топот маленьких ног по деревянному полу.

— Есть другой вариант, — улыбнулся убийца. — Кто-то Наверху снял трубку.

— Беги, Чарли! Прячься! — крикнула бабушка Роуз.

Тут храбрость оставила ее, и слезы градом покатались по щекам.

— Почему вы, женщины, вечно все осложняете? — вздохнул преступник.

Он обхватил рукой ее голову и стал запихивать в рот грязную тряпку.

— Да не бойся ты, — веско произнес он, — мальчишку не трону. Я с детьми всегда по-хорошему.

Сквозь слезы бабушка Роуз наблюдала, как он достал из кармана мобильный, набрал номер, обменялся с кем-то парой фраз, причем говорил тихо, так, что не разобрать слова, а потом стал бесшумно подниматься по лестнице. Она билась и рвалась, стараясь развязать веревку, но узлы были надежные. Тогда она закашлялась, пытаясь выплюнуть кляп. Ничего не получалось, даже топнуть ногой от злости. Оставалось лишь молиться и надеяться, что Чарли услышал ее предупреждение.

Над головой заскрипели половицы. Убийца расхаживал по второму этажу. У Чарли было немало мест, где спрятаться, но ведь он совсем маленький, ему только-только исполнилось восемь. Рано или поздно негодяй найдет его.

За что ей все это?! Почему на полу лежит мертвый агент ФБР? Почему этот страшный тип с пистолетом охотится за ее внуком? Должна же быть какая-то причина. И бабушка Роуз начала перебирать в голове все существующие объяснения.

Первое. Чарли что-то натворил. Но большую часть времени ребенок проводит либо в школе, либо дома, так что на общение с криминальными элементами времени почти не остается. На всякий случай Эйприл ограничила возможности его компьютера. И еще он никогда не ходит к друзьям без сопровождения. Нет, очевидно, мальчик ни при чем.

Второе. Эйприл вляпалась во что-то нехорошее. Глядя на нее, трудно представить, что она ведет двойную жизнь. Она состоит на государственной службе, общается с разными важными и влиятельными людьми, хотя работает не в Белом доме, а в Библиотеке Конгресса. И тем не менее сюда явился агент ФБР, который что-то искал. И теперь он убит. Судя по всему, смерть его произошла в результате некой чудовищной ошибки или такого же чудовищного совпадения. И вина лежит на ком-то неизвестном.

Третье. Причина их бед — Август. Да, конечно, это он, кто же еще! Бабушка Роуз изо всех сил старалась подавить негативные чувства к бывшему зятю, но он — кандидат номер один, это ясно. Его всю жизнь преследовали опасности и неприятности, да он был просто по уши в них! Якшался с каким-то жульем. Терся возле миллио-

неров. Если б она спорила на деньги, то поставила бы только на Августа.

Она вспомнила недавний разговор между Августом и Эйприл, который случайно подслушала. Просто неудачно сняла телефонную трубку. Большинство жарких споров между бывшими супругами разгорались из-за того, что Август уделял слишком мало времени сыну. Это не моя вина, пытался объяснить он. Моя работа связана с бесконечными разъездами, а без работы я не смог бы материально поддерживать ребенка. В ответ Эйприл разразилась целой серией ядовитых вопросов. Ах, поддерживать ребенка? Да что ты говоришь! Разве проводить время с сыном — это не поддержка? Разве посылку чека раз в два месяца можно назвать поддержкой? Потерпи, неизменно отвечал он. Я работаю над одним крупным проектом.

Крупным проектом. Но она, Роуз, так и не поняла, в чем заключается этот проект. И как ни силилась вспомнить подробности, у нее не получалось. Вроде бы дочь однажды обмолвилась, что Август в Германии. Охотится за очередным книжным раритетом. Тогда бабушка Роуз едва не расхохоталась ей прямо в лицо. Она вспомнила, как когда-то «подвиги» Августа служили наркотиком для ее дочери, неким любовным эликсиром, питающим ее во времена долгого отсутствия мужа. Бабушка Роуз предупреждала Эйприл, что рано или поздно этот мужчина разобьет ее сердце, но та и слушать не желала. Молодая была, глупая. Его ум и талант проявлялись только в работе, а не когда речь заходила о вещах житейских, в том числе о любви.

Тут бабушка Роуз услышала наверху шум. Вернее, страшный грохот, и доносился он из комнаты Чарли. Это упала приставная лестница на чердак. Внук часто прятался на чердаке, среди старых пропыленных коробок,

сундуков и прочего хлама. Бабушка Роуз вечно бранила его за это. Однажды она разбирала там гору старого тряпья и нашла дохлую крысу. Показала мерзкую находку Чарли и предупредила, что если он будет лазить на чердак, то непременно подхватит какую-нибудь заразу. Взамен она обещала купить ему кроликов. Примерно неделю спустя она застучала внука на кухне — он воровал остатки еды для своих маленьких пушистых любимцев.

Бабушка Роуз вновь забилась, пытаясь освободиться от пут — веревка больно сжимала горло, не позволяя нормально дышать. Она рванула что было силы — веревка не поддавалась. Обессиленная, она замерла, чтобы отдышаться, и прислушалась. В доме стояла мертвая тишина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кругом все болтали. Веселые возбужденные голоса обсуждали самые заурядные темы: политику, семью, погоду. Предмет разговора не представлялся существенным, просто пассажирам хотелось отвлечься от того факта, что они находятся высоко над землей, не исключено, что на пути к новой грозе, новым испытаниям, а может, и гибели. Отмахнуться от осознания этого было нелегко, но они справлялись.

Август завидовал всем этим людям. Он хотел, чтобы на карту была поставлена только его жизнь. Его, а не Чарли.

— Откуда мне знать, что с ним все в порядке?

— Потому что я так говорю, — сказала Ксандра.

Она не сводила глаз с лежавшего перед ней на откидном столике ноутбука, длинные тонкие пальцы порхали над клавиатурой. Спутниковый сигнал позволял ей просматривать электронную почту и загружать нужные файлы. Она остановилась на секунду и щелкнула мышкой.

— Если я говорю, что он в порядке, значит, в порядке. Вы должны мне доверять.

— Доверять женщине, которая держит моего ребенка в заложниках? Как же... — пробормотал Август.

— Не советую усложнять ситуацию, — сказала Ксандра, не отрывая глаз от монитора.

Август поморщился. Ситуация складывалась просто катастрофическая. Чек, ожидавший его в Нью-Йорке, не просто мог сделать его богачом. Он, он один был способен вытащить Августа из глубочайшей ямы, которую тот сам себе выкопал.

Он разорен. Он в беде. Он перестал отвечать на телефонные звонки несколько месяцев назад — слишком много кредиторов требовали немедленного возврата долгов. В портмоне у него лежало семь кредитных карточек, и все до единой — пустые. Машину забрали за долги. Хозяин дома грозился вышвырнуть его на улицу. Продав через Интернет все, что было ценного, он по-прежнему не мог собрать достаточной суммы на содержание Чарли.

Но Библия Гутенберга должна все изменить, волшебным образом и в самую лучшую сторону. Он наконец получит средства для достойного обеспечения Чарли. Нет, окончательно работать он не бросит, но устроит себе передышку. Может, купит дом в округе Колумбия. Или приобретет для сына один из пожизненных авиабилетов, чтобы позже, повзрослев, тот мог путешествовать вместе с отцом. Август был готов дать сыну все.

И вот теперь его планы таяли, испаряясь, словно утренний туман.

Однако финансовый крах беспокоил его менее всего. Покупателем, ждавшим его в Нью-Йорке, был Лео Кан, матерый и безжалостный преступник. Говорили, будто он не пожалел даже собственную мать, мешавшую каким-то его планам. И Август ни за что бы не стал связываться с ним, если б не предложенная Каном колоссальная сумма наличными. Если он не привезет Библию, этот маньяк не остановится ни перед чем, и несколькими сложенными костями Августу не отделаться. Эта мрачная перспектива не давала ему покоя.

— Послушайте, я не в том положении, чтобы выдвигать требования, — начал Август. — Но возможно, вы все же передумаете и не станете отбирать у меня книгу?

Ксандра продолжала сортировать файлы на компьютере.

— После нескольких месяцев планирования операции? Думаю, вы ошибаетесь.

— Вы когда-нибудь слышали о господине по имени Лео Кан?

Ксандра замерла.

— Да. Увы, слышала.

— Так вот, Лео Кан и есть мой покупатель. И если я не отдам ему книгу лично в руки, он меня убьет.

— А мне-то какое дело?.. — заметила Ксандра равнодушным тоном.

— Такое, что, если он не получит книгу, вы будете следующей. Вас ждет пренеприятнейший визит ребят Лео. Точно вам говорю. Так что надо обдумать, как лучше поступить. Ведь вам нужны деньги? Вы желаете получить сто миллионов долларов? Давайте я доставлю книгу Лео, а полученную сумму отдам вам.

По его мнению, это было разумное предложение. Он не сомневался: Ксандра поймет, что это в ее же интересах.

— Нет, — ответила она, и весь его замысел рухнул.

— Но Лео убьет вас, — попытался надавить Август.

— Вы что, всерьез поверили, будто Лео заплатит вам такую кучу денег? — спросила Ксандра.

Эта мысль не раз посещала и самого Августа.

— Да вы еще глупей, чем я думала, — заметила она. — И потом, Библия мне нужна вовсе не ради денег. — Она щелкнула мышкой еще несколько раз, затем остановилась и стала разминать пальцы. — По куда более значимой причине.

— Не понимаю. Вы что, нашли покупателя, который даст больше?

Ксандра закрыла ноутбук и положила руки на крышку.

— В детстве отец рассказал мне одну историю. Король отдал часть земель своему сыну и велел трудиться на них, обрабатывая почву. Он обещал, что чем усерднее тот будет работать, тем богаче окажется урожай. Но вместо того чтобы прислушаться к мудрым словам отца, сын заложил земли, а на полученные деньги закатывал каждый день балы и пиршества, до тех пор пока не истратил все до последнего гроша. Потом пришел кредитор и, когда сын заявил, что у него нет денег выкупить заложенные земли, сказал, что забирает их за долги. Делать нечего, пришлось сыну отдать землю этому человеку. Землю, которую доверил ему отец. И вот несколько дней спустя он вернулся к отцу, поведал всю историю и стал просить прощения. Король смотрел хмуро. «Я велел тебе обрабатывать почву, — сказал он. — Ты послушался моего совета?» — «Нет, — признался юноша. — Я растратил все, что ты мне дал. Но теперь я пришел просить у тебя прощения!» Король так и вспыхнул от ярости. «Дуррак! — крикнул он. — В этих землях был зарыт клад, все мое состояние! Ты отдал целое царство простолюдину!» Сына тут же схватили стражники, уволокли в темницу и после казнили по приказу отца.

Август покачал головой.

— Вам надо было стать психоаналитиком.

Ксандра отмахнулась.

— Вы ничего не поняли. В Библии Гутенберга есть ключ, указывающий, как найти клад. Несметные сокровища, спрятанные более пятисот лет назад. Немало людей пожертвовали жизнью, чтоб эта информация не по-

пала в чужие руки. А вы готовы отдать книгу преступнику.

Август не мог понять, говорит Ксандра правду или выдумывает. Он хотел бы, чтобы это было правдой. Чтобы Библию Гутенберга на протяжении веков окружала тайна. Если Ксандра не врет, тогда завесу этой тайны можно будет приподнять.

Еще во время пребывания в Германии до Августа дошли слухи об этой тайне. Там он познакомился с русским археобиблиологом по имени Николай Арсов. Если верить ему, о жизни Гутенберга в период с 1443 по 1448 год было ничего не известно, словно он исчез с лица земли.

Это пятилетнее отсутствие и навело Николая на мысль, что Гутенбергу попало в руки нечто крайне опасное и он решил скрыться. Подтверждал эту версию и рассказ священника из собора Нотр-Дам в Страсбурге. Зимой 1438 года скоропостижно скончался помощник Гутенберга Андреас Дритцен. Получив печальное известие, Гутенберг отправил записку его семье. В ней было всего два слова: «Уничтожить все». А несколько дней спустя Гутенберг приехал лично, удостовериться, что его распоряжение исполнено, и, к ужасу своему, обнаружил, что таинственный предмет, о котором шла речь, исчез.

Что это был за предмет и почему Гутенберг так расстроился из-за его пропажи, никто не знал. Может, следовало спросить у Ксандры?..

— Да Лео Кан просто святой в сравнении с вами, — сказал Август. — Лично мне по барабану, у кого в конечном счете окажется книга. Меня волнует только безопасность сына.

— Ему ничего не грозит, если вы соизволите в точности следовать моим указаниям. — Ксандра снова взя-

ла телефон. — Каждые шестьдесят минут человек, удерживающий вашего сына, будет звонить мне и спрашивать, убивать ли мальчишку. Если я отвечу «нет», Чарли останется жить. Но если я скажу «да»...

Август живо представил, как к виску Чарли приставлен ствол пистолета. Его передернуло.

— Я ведь уже говорил, что отдам книгу.

— Рада слышать, но это еще не все.

Август откинулся на спинку кресла. Ксандра могла попросить его раздеться донага, и он бы выполнил эту просьбу.

— Сто миллионов долларов даже в наши дни сумма немаленькая. Что еще вам нужно, не понимаю...

— Объясню в свое время, — ответила Ксандра.

Она хотела что-то добавить, но тут у нее зазвонил мобильный. Она взяла его за антенну — так держат дохлую мышь — и прижалась плечом к Августу.

— Как вы считаете, что я должна делать?

Август почувствовал непреодолимое желание задуть эту тварь.

— Ответьте на звонок, — сквозь зубы процедил он.

Ксандра откинула крышку телефона.

— Так значит, договорились?

Август не колебался ни секунды.

— Конечно, само собой.

— Хорошо, — кивнула Ксандра и шепнула в микрофон несколько слов.

Обменявшись с собеседником еще парой коротких фраз, она отключилась.

— Мой напарник сказал, что ваш сын совершенно неспособный мальчишка. Но еще больше неприятностей доставляет ему ваша теща.

— Бывшая теща, — поправил Август.

Он всегда недолюбливал бабушку Роуз, но теперь радовался, что она оказалась рядом с Чарли. Как-то раз она повела мальчика в парк аттракционов, и там какой-то мужчина нечаянно стряхнул сигаретный пепел на голову Чарли. Не успел он и слова вымолвить, как бабушка Роуз отобрала у мужчины сигарету и затушила о его же собственный лоб. Пока он кричал и возмущался, бабушка Роуз успела прочесть ему краткую лекцию о вреде курения.

— Этот звонок означает, что мы можем приступить ко второму этапу операции, — сказала Ксандра. — Боюсь, он вам не понравится.

— Вот так сюрприз, — насмешливо протянул Август.

Ксандра снова открыла компьютер и щелкнула мышкой по одному из скачанных файлов.

— Вот, взгляните. — Она придвинула ноутбук к Августу.

Тот всмотрелся и сразу узнал изображение — это была страница из Библии Гутенберга.

— Полагаю, этот снимок не из Интернета, — заметил он. — Интересно, откуда?..

— Из библиотеки Моргана. Помог один ваш друг.

Август знал только одного человека, работающего там.

— Алекс Пирсон? Я вам не верю!

— Как и у вас, у него просто не осталось выбора. А потом все сложилось для него, мягко говоря, неудачно.

Ксандра нажала какую-то кнопку, и на экране возникло новое изображение: фотография Алекса. Он лежит ничком на тротуаре, руки и ноги согнуты под неестественным углом, а на твидовом пиджаке, на спине, темнеют две рваные дыры.

— Неизвестно как, но он включил сигнализацию. У нас не было выхода, кроме как убрать его.

Август кипел от гнева.

— Алекс — лучший из людей, каких я только знал! Зачем понадобилось стрелять в него?!

— Нам необходимо было запастись убедительным аргументом. И, судя по вашей реакции, мы своей цели добились.

Она закрыла ноутбук.

— Вы человек книжный, вам, наверное, трудно понять, что слова мало значат в этой жизни. Судят не по словам, а по делам, поступкам, особенно заранее спланированным... Ну, вот мы и подошли ко второму этапу. Вы когда-нибудь слышали термин «позиционирование»?

— Нет.

— Позиционирование лежит в основе работы навигационной системы «Джи-пи-эс». Это использование нескольких известных отправных точек для определения координат цели между ними. Но это не просто геофизический термин. Он относится и к другим вещам... Например, к закодированной информации.

— Я не понимаю...

— Гутенберг был достаточно умен и сознавал, что не стоит хоронить все секреты в одной могиле. А потому первым делом он разделил их на несколько частей, и чтобы собрать воедино всю головоломку, необходимо как минимум три источника.

Август нахмурился. Получалось, что Ксandre нужны целых три Библии Гутенберга. Ни одному человеку на свете до сих пор не удавалось обзавестись сразу несколькими экземплярами столь знаменитой и редкой книги. Однако же ей определенно удалось заполучить уже два. Но где она возьмет третий?

— Вы знаете, где искать книгу, — тихо заметила Ксандра.

Страх сковал Августа, точно ледяная змея кольцами обвила тело.

— Эйприл, — пробормотал он. — У нее есть третий экземпляр.

Ксандра нетерпеливо потрянула головой и отбросила с лица медового цвета волосы.

— Мои товарищи пока что этого не осознали, но нам понадобится помощь мисс Адамс. Необходимо убедить ее отдать Библию. Полагаю, с учетом сложившейся ситуации это будет несложно.

«Эйприл еще не знает, что Чарли в опасности», — подумал Август.

От одной мысли, что придется позвонить и рассказать ей все, у Августа болезненно сжалось сердце.

— Вы требуете невозможного, — пробормотал он. — Библиотека Конгресса — неприступная крепость. А экземпляр хранящейся там Библии Гутенберга неприкасаем.

— Для всех, кроме вашей бывшей жены, — ответила Ксандра. — У нее высшая категория доступа.

А Август надеялся, что преступникам об этом неизвестно...

Ксандра отлично подготовилась. Однако она не знала Эйприл так, как он. Самый рискованный поступок в жизни Эйприл — чтение книги без очков, а уж украсть бесценное сокровище, достояние нации — да она ни за что на такое не пойдет.

Август покачал головой.

— Уговорить ее не получится.

— Что-то подсказывает мне, что она согласится, — сказала Ксандра и протянула ему телефон.

Август взял его и набрал номер Эйприл. Закрыв глаза, сделал глубокий вдох и стал подбирать нужные сло-

ва. В трубке раздались гудки, затем включился автоответчик с женским голосом. Август испытал облегчение и тревогу одновременно. Что, если ему не удастся связаться с Эйприл?

— Придется оставить ей сообщение, — объяснил он Ксандре.

— Скажите, что это очень срочно, — кивнула она.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Джип, точно черный жук, пробирался по запруженным улицам Вашингтона. У Эйприл зазвонил телефон, но по глазам федерала, сидевшего рядом, она поняла, что отвечать не стоит. Да она и не могла ответить: руки были скованы наручниками. Она смотрела через тонированные стекла на улицу, видела, как проплывают мимо машины со счастливыми людьми, спешащими домой. Видела, как они нетерпеливо похлопывают по рулю, напевая любимые песенки. Они, веселые и беззаботные, находились так близко от нее, но это расстояние казалось Эйприл пропастью.

Вот мальчик, расположившийся на заднем сиденье, заглянул Эйприл прямо в глаза. На секунду она решила, что тот видит ее через затемненное стекло, но внезапно он принялся строить рожи и высунул язык. Он играл со своим отражением.

— Они вас все равно не замечают, так что даже не пытайтесь, — бросил мужчина по фамилии Миллар, сидевший рядом.

Он напоминал бывшего игрока в хоккей, которому изрядно доставалось во время матчей.

— Вы схватили не того человека, — сказала Эйприл. — Если Библии грозит опасность, вам следует охранять ее в библиотеке.

— Менг за ней присмотрит, — ответил мужчина на пассажирском сиденье.

Звали его Причард, и Эйприл сочла, что именно он руководит операцией. Даже в разговоре он, казалось, просчитывает каждый следующий шаг. Он снял круглые очки в простой металлической оправе и стал протирать их полой пиджака.

— Смею вас заверить, у нас все под контролем, — добавил он и вновь нацепил очки на крупный нос.

— Прежде чем мы прибудем в штаб-квартиру, мисс Адамс, я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал Миллар. — Что вам известно о преступной организации под названием «Сироты»?

Эйприл подняла голову, недоуменно взглянула на своего соседа и вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— «Сироты»? Первый раз слышу.

Миллар изучал ее лицо. Похоже, реакция Эйприл ему не понравилась.

— Никогда не сталкивались с ними?

— Нет.

— Странно, потому как у нас имеется информация, позволяющая предположить, что вы работаете на них вот уже почти год.

— Не знаю, что это за информация, — ответила Эйприл, — но, уверяю вас, она неверна. Хотите — позвоните в библиотеку и спросите доктора Уинтера. Он объяснит, почему я никоим образом не могу быть причастна к заговору с целью похищения Библии Гутенберга.

Она не сомневалась, что доктор Уинтер встанет на ее защиту. Он был главой отдела археобиблиологии, ее боссом, и, несмотря на репутацию человека довольно эксцентричного, стал для нее настоящим учителем, даже дру-

гом. Просто удивительно, с учетом того, как развивались их отношения с самого начала.

Эйприл вспомнила, как сидела в фойе его офиса и ждала, когда ее пригласят на собеседование. Тут вдруг вошел мужчина и сел рядом с ней. Афроамериканец, на вид лет пятьдесят пять, с седеющей копной курчавых волос. Он полез в карман потрепанного пиджака, извлек трубку и немедленно задымил. Над головой поплыли клубы голубоватого дыма.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил он.

Эйприл улыбнулась.

— Лично я ничего не имею против. Но вроде бы здесь курение не приветствуется.

— Это точно, — вздохнул мужчина и сделал глубокую затяжку. — Но я старый друг доктора Уинтера, так что мне, в отличие от остальных, позволено многое.

— Вы знаете доктора Уинтера? — заинтересовалась Эйприл.

— Конечно. Еще со школьных времен, — сказал мужчина и отложил трубку. — В нашем классе он был президентом, а я — клоуном. Ну и мы странным образом подружились.

— И что он за человек? — спросила Эйприл, считая, что полученные сведения могут пойти ей на пользу во время собеседования.

— О, он жуткий зануда, — ответил мужчина и состроил смешную гримасу. — Страшно серьезный тип. Всегда таким был. В день прочитывает по книге. Всегда так читал. Наверное, я служил своего рода противовесом. Водил его на вечеринки. Знакомил с девушками. И с будущей женой тоже я его познакомил. Если бы не я, он так бы и торчал где-нибудь в библиотеке, со всех сторон обложенный томами Достоевского. И жил бы исключительно на страницах книг.

— Что ж, на мой взгляд, не так уж и плохо, — полусутя заметила Эйприл.

— Если вы настроены подобным образом, скажу прямо: собеседование вам не пройти, — заявил мужчина.

Он снова взялся за трубку и сделал две глубокие затяжки.

— Простите. Не следовало мне этого говорить. Скверная привычка, сразу выкладываю все, что приходит мне на ум.

— Да нет, — сказала Эйприл. — Наверное, вы правы. Мой бывший муж тоже обвинял меня в том, что я замкнулась на своих книгах.

— Ужасно, когда человеку говорят такие вещи.

— Но вы только что сами так говорили, — заметила Эйприл.

Мужчина усмехнулся.

Тут дверь в кабинет отворилась, и на пороге предстал высокий господин в прекрасно сшитом костюме.

— Можете войти, — пригласил он Эйприл.

Она поднялась.

— Прошу. — Он пропустил ее в кабинет. — Надеюсь, мой друг не слишком докучал вам.

Она обернулась и взглянула на человека с трубкой.

— Ничуть. Совсем даже наоборот.

И с этими словами Эйприл направилась по узкому коридору, ведущему в кабинет. Вошла — и застыла от изумления. Все стены были увешаны черно-белыми фотографиями, а на них — пейзажи и достопримечательности с разных концов света. Греческий Парфенон, Мачу-Пикчу в Перу, Ангкор-Ват в Камбодже и еще добрая сотня не менее экзотических мест. И на каждой снимке, как с удивлением поняла Эйприл, красовался мужчина с трубкой.

— Должно быть, он действительно ваш очень близкий друг, — осторожно заметила она, указывая на один из снимков.

— Да я только сегодня утром с ним познакомился, — ответил мужчина в шикарном костюме.

— Простите?..

— Я психолог, меня пригласили дать заключение по собеседованию, — пояснил он. — А доктор Уинтер — это тот господин, с которым вы говорили минуту назад. Ну, тот самый, с трубкой.

Эйприл ахнула и почувствовала себя полной идиоткой.

— В таком случае, — смущенно пробормотала она, — мне лучше сразу уйти.

— Не выдумывайте, — отрезал психолог. — Доктор Уинтер сказал, что прибегнет к моей помощи лишь в том случае, если вы, по его мнению, будете полностью соответствовать предлагаемой должности. Поэтому я здесь, с вами.

Эйприл рухнула в кресло.

— Я готова.

Доктор Уинтер оставался для нее тем же загадочным человеком, что и год назад, в день их первой встречи. Да он просто расхохочется, узнав, что Эйприл обвиняют в уголовном преступлении. А может, будет гордиться ею.

— Мы уже переговорили с доктором Уинтером, — ответил Причард. — Он одобрил решение арестовать вас.

Вот так известие! Должно быть, подумала Эйприл, доктора Уинтера дезинформировали. Неужели он всерьез поверил, будто она могла связаться с преступниками? Голова у нее закружилась.

— Меня сейчас вырвет... — пробормотала она.

— Миллар, посмотри под сиденьем. Там должен быть пластиковый пакет.

Агент наклонился, достал пакет и протянул его Эйприл, но та взглянула на него и не взяла — руки у нее были скованы. Тогда агент расстегнул наручники, и она сложила руки на коленях, закрыв глаза и пытаясь побороть приступ дурноты.

— А что, если настоящие преступники сейчас в библиотеке? — спросила она, намекая на Менга.

— Настоящий преступник уже у нас, — сказал Причард.

— Вы не понимаете! — воскликнула Эйприл. — Это я ответственна за Библию Гутенберга. Если она пропадет, пропадет все, ради чего я работала долгие годы. Вся моя жизнь связана с этой книгой.

— Тогда почему бы не рассказать нам о «Сиротах»? Тут Эйприл взвилась.

— Я же сказала, что ничего не знаю!

— Посмотрим, как вы начнете отвечать в комнате для допросов, — угрожающе бросил Миллар.

Эйприл судорожно пыталась найти выход. Ей необходимо вернуться в библиотеку и защитить драгоценную книгу. Но стоит попасть в их штаб-квартиру, и шансы на побег станут равны нулю. Бежать надо сейчас.

Тут ее вырвало в пакет.

И Миллар, и Причард с отвращением отвернулись. Эйприл решила воспользоваться случаем и уронила пакет на пол.

— Ну, все? — проворчал Миллар.

— Нет, — ответила она и приподняла руки.

Не успел Миллар опомниться, как Эйприл нанесла сильнейший удар по голове водителя цепочкой от наручников. Она резко откинулась назад, сгруппировалась и наблюдала за тем, как толстяк пытается справиться с управлением. От неожиданности он резко крутанул руль, и машина вылетела на встречную полосу.

Причард и Миллар дружно вскрикнули — джип врезался в бок автобуса, набитого пассажирами. Вылетели подушки безопасности, кисловатый дым наполнил салон. Весь мир бешено завертелся, а потом остановился.

Эйприл тряхнула головой, пытаясь прийти в себя. Она взглянула в переднее зеркало — водитель-самоанец лежал без сознания, из уголка рта стекала алая струйка крови. Миллар тоже вырубился, окно рядом с ним покрывала паутина мелких трещин — там, где он ударился о стекло головой. Сидевший на переднем сиденье Причард был неподвижен.

От удара включился клаксон джипа. Он завывал безостановочно, заглушая крики людей в автобусе. Эйприл пыталась расстегнуть ремень безопасности, когда увидела, что Причард зашевелился и обернулся к ней — из раны на лбу сочилась кровь, стекла очков полопались.

— Ну и куда ты собралась?

— Я должна вернуться в библиотеку, — сказала Эйприл, нащупывая ручку двери.

— Никуда ты не пойдешь.

Причард оттолкнул в сторону подушку безопасности и со стоном привстал на сиденье. Он полез под пиджак, извлек пистолет и направил ствол на Эйприл.

— Не двигаться! Чтобы я видел твои руки.

Эйприл подняла руки ладонями вверх.

— Зачем вы это делаете? — спросила она. — Ведь я ни в чем не виновата.

Причард скривился.

— Ты слишком много знаешь, чтобы быть невиновной.

Слишком много? Очевидно, Причард верит в то, что говорит. Она решила подыграть ему, чтобы выяснить больше подробностей.

— Они меня вынудили, — с несчастным видом пробормотала Эйприл. — Просто не было другого выхода.

Глаза Причарда удивленно расширились — он не ожидал такого признания.

— Да, «Сироты» пойдут на все, лишь бы завладеть Библией Гутенберга.

«Сироты»... Почему он то и дело упоминает «Сирот»? Разве эта организация не перестала существовать лет пятьсот назад? Она попыталась вспомнить все, что читала о них, а потом вдруг увидела, как у окна маячит чья-то фигура.

Причард проследил за направлением ее взгляда, а потом резко дернулся влево, уворачиваясь от осколков стекла. Раздался хруст ломающихся костей — это полицейская дубинка достигла своей цели. Кто-то нанес резкий удар Причарду в лицо. Потом в разбитое окно просунулась рука и отперла дверцу. Тело Причарда вывалилось на тротуар. В салон заглянул офицер Норман Бриггс и протянул руку Эйприл.

— Вы целы? — спросил он.

Она ухватила за его широкую ладонь.

— Чувствую себя просто ужасно, — пробормотала Эйприл. — Но страшно рада вас видеть.

Норман вытащил ее из салона.

Вокруг разбитого джипа толпились зеваки. Откуда-то издалека доносился приближающийся вой полицейской сирены. Норман, несмотря на пожилой возраст, оказался на удивление проворным и крепким мужчиной. Не успела Эйприл опомниться, как он потащил ее к своей машине.

— А я боялась, вы мне не поверили, — покачала головой Эйприл, когда он снял с нее наручники.

— Честно признаться, я не знал, что и думать, — ответил Норман. — Но нутром чуял, что вся эта история дур-

но пахнет. Тогда я поехал за вами следом, а по дороге позвонил одному своему другу из ФБР. Спросил, знает ли он, что к ним на допрос должны привезти человека из библиотеки.

— И что же?

— Он сказал, что нет. А это, в свою очередь, означает, что забравшие вас ребята не из ФБР или же действуют на свой страх и риск. В любом случае, нам от этого не легче.

— Надо ехать в библиотеку к доктору Уинтеру. У меня есть к нему вопросы.

— Считаете, ему можно доверять? — спросил Норман.

— Придется рискнуть, — ответила Эйприл.

Она села в машину и захлопнула за собой дверь.

— Возможно, он единственный, кто имеет полную информацию о «Сиротах».

— Сироты? — удивился Норман. — Это те детки, с которыми тусовался Питер Пэн?

— Нет. Их звали потерянными мальчишками.

— А мне казалось, сиротами.

— «Сироты» — это тайное общество, образовавшееся после мученической смерти Яна Гуса, — сказала Эйприл. — И Питер Пэн тут ни при чем.

Норман призадумался.

— Ага! — вдруг воскликнул он. — «Сиротка Энни»! Вот с кем я перепутал. В детстве я слушал пластинку с этой историей. Простите, Эйприл. Так что вы говорили?

— Ян Гус был одним из первых реформаторов церкви, — продолжила она. — Сегодня это занятие неопасно, но в пятнадцатом веке Гусу хватило, чтобы его приговорили к сожжению на костре. Приказ о жестокой казни отдал император Сигизмунд, пытавшийся отстоять свою власть в Священной Римской империи.

— Вон оно как... — протянул Норман. — Ну и причем тут потерянные мальчишки?

— Сироты.

— Именно.

— Они ведь сироты в буквальном смысле слова, — пояснила Эйприл. — После казни Гуса легион его воинствующих последователей принял это имя, подчеркивая тем самым, что без предводителя они осиротели.

— Вы сказали «воинствующие последователи»?

Норман свернул на соседнюю улицу. Сказывались военная выучка и железные нервы: они летели по улицам на скорости, с которой ездят по загородным трассам.

— А я-то думал, в те времена все церковники были исключительно монахами.

Эйприл уперлась ладонью в приборную панель — для равновесия.

— О, это были куда более жестокие люди. Ведомые полководцем Яном Жижкой, они намеревались изменить мир, устроив кровавую священную войну. Помню, я читала текст песни, которую они распевали на поле боя: «Мы воины Господни, мы пришли убивать, убивать, убивать всех и каждого». И они действительно убивали, применяя в сражениях самую революционную по тем временам технику.

— Погодите! — воскликнул Норман. — Вроде бы я слышал об этом. Кажется, именно они изобрели первый танк.

— Да, верно, — кивнула Эйприл. — Самое знаменитое изобретение «сиротской» армии — так называемый бронированный фургон. Они построили сотни таких машин, что защитить свой форпост, город Табор на территории современной Чехии. Кстати, откуда вы знаете?

— Просто люблю смотреть «военный» канал.

— Это меня не удивляет, — заметила Эйприл.

Тут машина резко подпрыгнула на какой-то выбоине, и она едва не ударилась головой о потолок. Интересно, подумала она, удастся ли добраться до библиотеки живыми?..

— Но что общего между этими воинствующими монахами и Гутенбергом? — спросил Норман.

— Я читала, что Гутенберг сочувствовал и помогал «Сиротам». А так — не знаю...

Ответ еще не сложился окончательно, ждал нужного момента, чтобы оформиться в слова. Но если великая книга пропадет, все остальное будет неважно.

— Мы не можем допустить, чтобы что-то случилось с книгой.

На несколько секунд Норман оторвал взгляд от дороги.

— Вы прямо на себя не похожи, — заметил он.

Эйприл посмотрела на свое отражение. Она и сама себя не узнавала, глаза горели гневом и возбуждением.

— Извините, — пробормотала она. — При одной мысли о том, что кто-то может украсть Библию, я впадаю в ярость.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Норман. — Гнев может пригодиться, если возникнут неприятности.

Эйприл достала мобильный телефон.

— Позвоню домой, проверю, все ли в порядке, — сказала она и вдруг обнаружила, что кто-то оставил ей голосовое сообщение.

Она решила прослушать его прежде, чем говорить с бабушкой Роуз.

Норман прибавил газу, и они проскочили на красный свет. Послышались возмущенные гудки. Норман небрежно отмахнулся от недовольных водителей. Они свер-

нули за угол — впереди, в нескольких кварталах, выси-
лось здание Библиотеки Конгресса.

— Час от часу не легче, — сказала Эйприл, выслушав
сообщение. — Это от Августа.

Раздражение ее моментально испарилось, на смену
ему пришло недоумение, а затем — страх. «Кто-то захва-
тил Чарли. В полицию не звони. Позвони по этому номе-
ру». Она отключилась и стала дрожащими пальцами на-
бирать номер. По щекам катились слезы.

— Алло? — ответил незнакомый женский голос.

Неужели у Августа завелась подружка?

— Я, должно быть, ошиблась номером, — сказала
она. — Мне нужен Август Адамс.

— Вы набрали верный номер, Эйприл.

У Эйприл создалось впечатление, что ее имя, добав-
ленное в конце фразы, прозвучало как насмешка.

— Простите? Мы знакомы? — спросила она.

— Не вешайте трубку, — велел женский голос. — Сей-
час позову Августа.

Норман опустил руку на плечо Эйприл.

— Что происходит? — Они уже въезжали на стоян-
ку в квартале от библиотеки.

— Эйприл? — Действительно, голос Августа. — Мне
страшно жаль, что так вышло.

Эйприл не выдержала.

— Жаль?.. Скажи это нашему мальчику!

— Прошу тебя... я...

— Заткнись. Замолчи, — прошипела Эйприл. — Одно
дело, когда ты ставишь на кон свою жизнь. И совсем дру-
гое, когда втягиваешь нас.

Эйприл заметила на стоянке черный фургон ФБР,
припаркованный впереди, ярдах в двадцати от них.

— Не время спорить и препираться, — сказал Ав-
густ. — Мне нужна твоя помощь. И Чарли тоже.

На ее памяти он ни разу не просил о помощи. Тем более ее. Сразу после свадьбы она решила во всем полагаться на мужа, настолько самоуверенно он держался. Но со временем Эйприл начала осознавать, что ей просто нет места в его жизни.

— И что я должна делать? — спросила она.

Ответ последовал не сразу, точно он не решался высказать ей невозможную, невероятную просьбу.

— Ты должна украсть Библию Гутенберга.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Джо Рэдфорд смотрел на лестницу, ведущую на чердак. Он понимал: мальчик где-то там, наверху. Скоро ему опять придется говорить с Ксандрой, и вряд ли она второй раз поверит в его вранье. Если не удастся схватить мальчишку, его уволят. Раз и навсегда.

Первая ступенька скрипнула, как только он поставил на нее ногу. Напоминание о том, что не мешало бы почаще посещать спортзал. Но он был слишком занят, работая на Ксандру, часами просиживал за столом и разжирел. Приняв ее предложение войти в тайную организацию под названием «Сироты», он думал, что его ждет жизнь, полная приключений и опасностей. Но до сегодняшнего дня единственной опасностью, подстерегавшей его, было пораниться ножницами, которыми он вырезал газетные статьи и заметки о Библии Гутенберга.

Джо продолжал подниматься, ступеньки жалобно поскрипывали под ногами. Он хотел бы передвигаться тише, но, возможно, это не так важно. Надо ли держать на изготовку пистолет — вот в чем вопрос. Мальчишка все равно в ловушке, наверное, прячется за каким-нибудь ящиком. И ясно, что он напуган до полусмерти. Интересно, как будет реагировать щенок, если направить на него ствол? Да, пистолет надо вытащить.

Голова Джо поравнялась с полом чердака. Целые залежи старых коробок. Ну и бардак! Странно, везде в доме

царит идеальный порядок, если не считать сорвавшейся с крючка картины. Даже в комнате мальчишки, через которую он прошел, чтоб добраться до лестницы, чисто и прибрано. Бедняга. Мать, наверное, достала его этой своей аккуратностью.

Темноту пронзали тоненькие полоски дневного света, пробивающиеся через щели в противоположной стене. В полумраке Джо разглядел пылинки, танцевавшие в лучах. Значит, мальчишка совсем недавно здесь проходил. Он близко, где-то рядом.

— Почему бы тебе не выйти? — спросил Джо в надежде на то, что щенок глуп и тут же высунется из какого-нибудь ящика. — Твоя бабушка сильно беспокоится. Она хочет видеть тебя, немедленно!

Он прислушался. Откуда-то слева, из дальнего угла, донесся шорох. Джо поднял пистолет стволом вверх и начал пробираться на звук.

— Не дури, ладно? Просто выходи, и все будет в порядке. Понял? — Он прищурился и разглядел футах в десяти от себя большую картонную коробку. — Понял, я тебя спрашиваю? — уже громче добавил он, пытаясь нагнать на мальчишку страха и выманить его из убежища.

Джо прицелился в коробку и спустил курок. Из образовавшейся дырки высунулась мышь. Джо выстрелил еще раз, и то, что осталось от мыши, буквально брызнуло на кучу старых игрушек. Смерть крохотного существа вызвала у Джо новый прилив гнева и отчаяния. Где же этот чертов мальчишка? Да, ему понадобится нешуточный контроль над собой, поскольку убивать ребенка Джо пока что не имел права.

Вдруг за спиной раздался металлический скрип, затем — грохот. Джо рванул к люку в полу, но было уже поздно. Лестница обрушилась на пол.

— Нет! — крикнул он, стукнул кулаком по половине и услышал внизу топот маленьких ног.

Следовало признать, что малолетний поганец обвел его вокруг пальца. Хуже того, он удрал, и где его теперь искать — неизвестно.

Потом пришла вторая, еще более мрачная мысль: отсюда ему не выбраться.

Чарли мчался по лестнице, прыгая сразу через три ступеньки. Сердце колотилось в груди, точно маленькая перепуганная птичка в клетке. Казалось, того гляди разорвется. Он вроде бы читал, что это возможно. Или видел по телевизору. На всякий случай Чарли сбавил скорость.

Вот он уже внизу, в гостиной. Бабушка Роуз привязана к стулу посреди комнаты. Чарли подбежал к ней, выдернул кляп изо рта и начал развязывать тугие узлы.

— Беги отсюда, милый, — прохрипела бабушка Роуз. — Обо мне не беспокойся. Со мной все будет хорошо. Давай, Чарли, беги!

Чарли понимал: бабушка врет. Он видел то же выражение на ее лице, когда она переехала жить к ним примерно год назад. Тогда она солгала ему в первый раз.

Было это в воскресенье.

По воскресеньям он всегда вставал рано, боясь пропустить мультики, которые мама называла жестокими и запрещала смотреть. Она входила в комнату и сразу выключала телевизор, но пока она не проснулась... Если встать в шесть, можно посмотреть самый любимый мультик, «Беглый огонь», где главным героем был вооруженный до зубов супермен из бывших военных. «Герои всегда помогают! При любых обстоятельствах!» Но в то утро никто телевизор не выключал, хотя время подходило к десяти. Мама прошла через его комнату в самом разга-

ре очередной серии под названием «Дом ужасных героев Гарри». С минуту она молча смотрела на экран, потом улыбнулась и вышла. Чарли почувствовал себя страшно виноватым и сам выключил телевизор.

А вскоре после обеда приехала бабушка Роуз. Чарли как раз уплетал второй сэндвич с арахисовым маслом и джемом — кстати, мама и это ему запрещала, — когда в доме появилась бабушка. Он помнил, как она подошла к нему, погладила по голове, а потом долго говорила с мамой. Мама сильно плакала.

Затем бабушка снова пришла к нему и смотрела, как он ест. Просто смотрела, не говоря ни слова.

— Мороженого хочешь, Чарли? — спросила она, когда мальчик подобрал последние крошки с тарелки.

— Да нет, не очень, — ответил он. — Я наелся.

— Но, Чарли, почему бы нам не полакомиться еще и мороженым? — спросила бабушка Роуз и поднялась из-за стола. — Путь предстоит неблизкий, так что смотри, еще проголодаешься.

— Тогда нам лучше отправиться в Тайпей. Пока доберемся, я точно проголодаюсь.

— Тайпей? А где это?

— На Тайване.

— Но, Чарли, Тайвань очень далеко.

— Почему ты все время называешь меня по имени?

— Что?

— Почти каждое предложение начинаешь с моего имени. Зачем?

— Чарли... — сказала бабушка Роуз и тут же умолкла, услышав собственный голос.

Потом она вздохнула:

— Идем со мной.

Они поехали в кафе-мороженое «У Боба», которое находилось неподалеку, в Гловер-парке. Они вошли, и их

тепло поприветствовал мужчину за стойкой. Через минуту Чарли поймал себя на том, что с воодушевлением взирает на порцию мягкого шоколадного пломбира — шар был размером чуть ли не с его голову. Он запустил в него ложку, сомневаясь, что сможет съесть все. Но попытаться стоило.

— А ты знаешь, почему я приехала, Чарли? — спросила бабушка Роуз.

— Ну вот, ты опять.

— Ч... — Тут бабушка осеклась и через пару секунд продолжила: — Я приехала, потому что собираюсь пожить с вами какое-то время.

— Ты заболела? — спросил Чарли, прокапывая ложкой отверстие в мороженом.

— Нет.

— А у моего друга Дерека бабушка переехала жить к ним, потому что у нее был рак. Она умерла на прошлое Рождество.

— Печально слышать, но рака у меня, слава богу, нет, — сказала она. — Я приехала к вам, потому что твоей маме сейчас очень трудно.

Чарли пришел в ужас.

— Значит, у мамы рак? — спросил он с набитым ртом.

— Нет.

— Тогда синдром Марфана?*

— Мар... что?

— Синдром Марфана. Я смотрел передачу по телевизору.

* Синдром Марфана — наследственное заболевание соединительных тканей, при котором наблюдаются характерные изменения в органах опорно-двигательной системы (удлинение костей скелета, гиперподвижность суставов и т. д.).

— Твоя мама не больна, — отрезала бабушка Роуз. — Просто у нее плохое настроение.

Кусок мороженого едва не застрял у Чарли в горле. Бабушка Роуз вела себя как-то странно, и он занервничал. Он никогда еще так не переживал, даже во время выступления на школьном концерте, где он играл на пианино.

— Почему плохое настроение?

— Из-за твоего отца.

— Ты о папе?

Он так и не понял, что она имеет в виду. Из-за чего маме печалиться? Ведь отец всегда привозил им подарки. Всегда ужасно смешно шутил и рассказывал удивительные истории о своих путешествиях. Вообще, папа у него был потрясающий! И Чарли вдруг захотелось плакать, хотя он не знал почему.

Бабушка Роуз придвинула свой стул поближе и обняла его за плечи.

— Прежде чем я продолжу, я хочу, чтоб ты понял одну вещь. Это вовсе не твоя вина.

Он сунул ложку в полупустую миску и стал вытирать слезы тыльной стороной ладони. Он уже догадался, что скажет бабушка. Из разговоров с ребятами в школе он знал, что означает, когда взрослые говорят: «Это не твоя вина». Он достал из кармана ингалятор и немного подышал.

— Папа с мамой собираются разводиться? — тихо спросил он.

— Да, — так же тихо ответила бабушка Роуз. — Собираются.

Она еще крепче обняла его за плечи и почувствовала, что он весь дрожит.

— Кажется, меня сейчас вырвет, — пробормотал Чарли.

Он поднялся из-за стола и бросился в туалет. Распахнул дверь и едва успел добежать до бачка. А потом лег на пол и, тихо подвывая, свернулся калачиком. Почему он плачет? Он ведь ничего не сломал, не порезался, не ударился.

— Прости, — сказала бабушка, поспешившая ему на помощь.

Она подняла его с пола и вытерла рот белым льняным платочком.

— Давай-ка домой, дружок.

— Ты не должна была сюда входить, — пробормотал Чарли и почувствовал, что весь стал вялым, словно осенний лист. — Это мужской туалет.

— Знаешь, на свете полно мест, где мне не положено находиться, — сказала она и притянула его к себе. — Не переживай. Все будет отлично.

Отлично не было. Бабушка Роуз солгала. Впрочем, он давно ее простил. Ведь развод — не ее вина. И не вина мамы. Это целиком вина отца. А может, и его, Чарли, тоже.

А бабушка Роуз с того ужасного дня осталась жить с ними. Характер у нее был скверный, но Чарли знал: бабушка Роуз любит его больше всех на свете.

Разве он мог ее бросить?

— Понимаю, это выглядит некрасиво, но ты должен сматываться, — сказала бабушка Роуз. — Тот человек убьет тебя.

Чарли слышал наверху какую-то возню. Очевидно, тот тип с пистолетом старается открыть люк чердака, который Чарли запер снаружи на крючок. Еще минута, и он на свободе!

— Я звоню в полицию, — сказал мальчик и бросился к телефону.

— Времени нет, — покачала головой бабушка Роуз.

Чарли поднес трубку к уху.

— Не работает, — пробормотал он и уронил трубку на пол.

Бабушка Роуз продолжала сражаться с веревками.

— Чарли, послушай меня! — крикнула она, и ее тон напугал его. — Если хочешь помочь, беги к мисс Фелдман. Она знает, что делать.

— Я тебя не брошу! — крикнул в ответ Чарли.

Напуганный до полусмерти, он подбежал к бабушке Роуз и крепко обнял ее. Слезы закапали ей на плечо. А затем сверху внезапно послышался страшный грохот. Бандит вырвался и через несколько секунд будет здесь!

Чарли открыл заплаканные глаза и наконец-то заметил распростертого на полу мужчину.

— Кто это? — взвизгнул он.

— Его звали Бен, — печально ответила бабушка Роуз.

— Он умер? — спросил Чарли и осторожно приблизился к телу.

Бабушка ответила не сразу.

— Думаю, да.

На лестнице послышались тяжелые шаги. Мужчину спускался, бормоча под нос ругательства.

— Оставь человека в покое, — велела бабушка Роуз.

— Но у него может быть мобильный.

Вдохновленной собственной храбростью, Чарли опустился на колени возле неподвижного тела Бена. Приподняв край пиджака, он запустил руку во внутренний карман. Вот удача! Он нащупал телефон в маленьком кожаном футляре.

— Нашел! — крикнул он бабушке Роуз.

Но та его не слышала. Глаза ее были устремлены на раскрасневшегося от гнева мужчину, направлявшего на Чарли пистолет.

Чарли схватил телефон и тут же наткнулся на какой-то другой твердый предмет, тоже в кожаном футляре. Да это кобура! И в ней лежит нечто более серьезное, чем мобильный. Он расстегнул кобуру и достал пистолет.

«Герои всегда помогают! При любых обстоятельствах!»

Мужчина обошел бабушку Роуз и направился к нему. Дрожа, Чарли медленно встал на ноги и перевел взгляд вниз, на убитого. Он будет лежать здесь точно так же, если не возьмет себя в руки. Он глубоко вдохнул, надеясь, что приступ астмы начнется не прямо сейчас. В горле уже противно пощипывало. Чарли медленно поднял пистолет. Мужчина резко остановился.

— Ты ведь не хочешь убивать меня, малыш? — спросил он.

Пистолет оказался куда тяжелее, чем ожидал Чарли. Приходилось держать его двумя руками, чтобы целиться мужчине в грудь. Заряжен ли он? Сможет ли выстрелить? Потом Чарли подумал, что это неважно. Он вспомнил эпизод из «Легавых придурков», где героям удалось сбежать после того, как они вырезали поддельные пушки из мыла.

— Пистолет настоящий, — сказал Чарли, проясняя ситуацию и для себя, и для мужчины.

— Вижу. Но это неважно. Только попробуй дернуть-ся, и я убью твою бабу. Если немедленно не положишь ствол на пол, будешь следующим.

— Если только я не пристрелю тебя первым, — ответил Чарли, подражая герою из «Беглого огня».

Он от души надеялся, что этот тип не слышал, как его голос срывается от страха.

Неожиданно мужчина развернулся и направил пистолет на бабушку Роуз. Та взвизгнула за секунду до того, как он спустил курок.

— Нет! Нет! Нет! — закричал Чарли.

Тут дыхание у него перехватило и он, как подкошенный, рухнул на пол.

Джо бросился к нему, выхватил у щенка пистолет и отбросил в сторону. Потом наклонился и прислушался — дышит ли мальчишка.

Не дышал.

Еще несколько минут — и он умрет.

Джо нащарил в кармане телефон. Только Ксандра может подсказать, что теперь делать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Никогда не оставляй свои планы в руках идиота, — тихо заметила Ксандра, прикрыв ладонью микрофон. — Нет, пойми меня правильно, Джо парень вполне способный. Вот только жизнь своего ребенка я бы ему не доверила.

Шутка не показалась смешной. Август смотрел в ил-люминатор и полностью игнорировал Ксандру, воображая, что находится за тысячи миль от всего этого безумия. Он закрыл глаза и сосредоточился на равномерном гуле моторов.

Ксандра отложила мобильный.

— Похоже, один из моих помощников оказал тебе большую услугу.

— Просто скажи, в порядке мой сын или нет.

— С ним все отлично, — ответила она. — А вот твоя теща, похоже, долго не протянет. Считай, тебе повезло.

Август обернулся к ней.

— Что ты сделала? — прошептал он.

— Лично я — ничего. Твой сынок нашел пистолет и выстрелил в нее — случайно, конечно. Она жива, но ей требуется срочная медицинская помощь.

Август придвинулся к ней вплотную.

— Я еще предъявлю тебе счет. Клянусь, когда все это закончится, ты втроене заплатишь за каждого, кому причинила вред.

Ксандра приложила палец к губам.

— У нас нет времени на обмен угрозами, как бы это ни было забавно. Надо столько всего успеть. — Она открыла ноутбук, вывела на экран три изображения и стала увеличивать их.

Август видел их тысячу раз, когда проводил исследования по истории Библии Гутенберга. Это были цветные иллюстрации — прекрасные, но странные образы, вручную нарисованные на полях книги рядом с отпечатанным текстом. Тогда эти иллюстрации всерьез заинтериговали Августа, но все его изыскания не позволили даже на шаг приблизиться к разгадке тайны.

— Это цветные рисунки на полях Библии Гутенберга из библиотеки Моргана.

— Совершенно верно! Рада, что наши старания оказались не напрасны, — заметила Ксандра и передала ноутбук Августу, который поставил его перед собой на откидной столик.

— Ну и что прикажешь с этим делать? — спросил Август, заранее опасаясь ответа.

— Расскажу тебе в двух словах одну историю, — ответила она. — Во время Второй мировой войны союзники организовали специальный научный дешифровальный центр, получивший название «отдел Икс». Он работал с информацией, поступавшей от нацистов. Тогда же союзники заполучили некую записную книжку пятисотлетней давности, где, по их предположениям, скрывался ключ к разгадке тайны Библии Гутенберга. Лишь после войны сотрудникам отдела Икс удалось выяснить, чем на самом деле была та загадочная записная книжка. Оказалось, что дневником Гутенберга. Там он объяснял, где надо искать особые рисунки, раскиданные им лично по нескольким экземплярам Библии. Эти рисунки являются своего рода ребусами, в которых зашифрована цен-

ная информация. Гутенберг хотел защитить ее от людей, заинтересованных в ее уничтожении.

— Отдел Икс? Звучит так, словно взято из комикса.

— Сам знаешь, реальность порой невероятнее фантастики. Отдел Икс находился в особняке, в Блетчли-парке на окраине Лондона. Благодаря усилиям работавших там специалистов войну удалось закончить на три года раньше.

— И ты веришь тому, что говорят об этом дневнике? Что Гутенберг зашифровал в рисунках какую-то тайну?

— Конечно верю, — ответила Ксандра. — Да и ты поверил бы, если б прочел.

— Так ты читала дневник?

Ксандра рассмеялась и поднялась с кресла. Она открыла багажную полку, достала сумку, вынула из нее маленькую коробочку и передала Августу.

— Вот, — сказала она. — Смотри сам.

Август медленно приподнял крышку и увидел внутри маленькую потрепанную книжку в кожаном переплете, плотно перетянутую двумя тонкими шнурами. Он не осмелился прикоснуться к ней, опасаясь, что пот на кончиках пальцев повредит хрупкие страницы.

— Все вы, коллекционеры и книжные антиквары, одинаковы, — усмехнулась Ксандра. Она села и вытряхнула книжку из коробки.

— Слабаки. Вечно чего-то боитесь. Забываете, что главная ценность — это содержание книг, а не они сами.

Она размотала шнуры и распахнула книжку таким эффектным жестом, что Августу невольно показалось, будто из-под переплета сейчас вылетит птичка.

— Скажи это людям, которым я продаю книги, — заметил он, взбешенный тем, как небрежно она обращается с раритетом.

Интересно, сколько за нее дадут на аукционе? Сто тысяч долларов? Может, полмиллиона?.. Нет, теперь, конечно, меньше, думал Август, глядя, как лихо Ксандра перелистывает ломкие странички.

Она уже почти добралась до середины.

— Вдневнике написано, что для разгадки головоломки Гутенберга нужно три комплекта рисунков.

— Три комплекта из трех разных Библий?

— Именно. Но тут кроется подвох. Каждый комплект существует в нескольких экземплярах. К примеру, те рисунки, что есть в твоей книге, можно увидеть в Библиях Гутенберга, находящихся в Японии и Франции.

— Тогда почему бы тебе не украсть их?

— Во-первых, я рассчитываю на твою потрясающую фотографическую память.

Откуда, черт побери, она узнала об этом?

— Во-вторых, обладание твоим экземпляром представляет уникальную возможность. Ты бы назвал это инвестированием заемных средств.

— Инвестированием заемных средств? Но это чисто деловой термин. А ты играешь с жизнями людей.

— Говори как хочешь. Главное, чтобы работало, — отмахнулась Ксандра. — Получив три рисунка из издания, хранившегося в библиотеке Моргана, нам осталось добыть изображения из твоей Библии и той, что должна похитить твоя бывшая жена. Таким образом, у нас будет девять рисунков. Ну и разумеется, пока не решена проблема десятого.

— Какая проблема?

— Тебе не стоит о ней беспокоиться, — ответила Ксандра. — Сперва ты должен интерпретировать девять известных рисунков.

— Что значит «интерпретировать»?

— Нечего притворяться идиотом и тянуть время. — Ксандра взглянула на наручные часы. — У тебя есть ровно час для того, чтоб понять значение первых трех рисунков. — С этими словами она закрыла дневник, убрала его в коробочку и уселась рядом.

Август изменил размер изображений на экране компьютера и выстроил их так, чтобы видеть все три одновременно.

— Один час... Но этого недостаточно. У целой команды исследователей уйдут недели, а возможно, и месяцы.

— Один час, — отчетливо повторила Ксандра. — И вот что еще. Давай заключим сделку. Ну, чтобы тебе легче было проявлять инициативу. За час ты разбираешь первые три рисунка и не только спасаешь тем самым жизнь своему сыну — я даже обещаю вытащить из беды твою тещу.

Август покачал головой.

— Давай договоримся так. Я все сделаю, а ты убедишься, что моей теще оказали медицинскую помощь.

— Что за глупости! — фыркнула Ксандра. — Я же не могу вызвать ей «скорую».

— Мне плевать как, — сказал Август. — Просто сделай, и все.

Он закрыл ноутбук и посмотрел ей в глаза. С минуту Ксандра молчала.

— Мы ведь уже обсудили: ты не в том положении, чтобы ставить мне условия, — заметила она. — Но я всегда приветствовала честность и открытость в переговорах. Ладно, договорились.

Она снова взглянула на часы.

— Время пошло.

— Позвони своим людям. Попроси, чтобы ей помогли.

— Только после того, как ты решишь задачку, — ответила Ксандра и, включив ноутбук, указала на рисунки.

Август задумался. С чего начать?

— Мне нужна бумага и ручка, — сказал он.

— У тебя же есть ноутбук.

— Нет, — ответил Август. — Я должен записывать.

Видеть, как это выглядит на бумаге. Мне надо посмотреть, как сочетаются два вида информации. На компьютере это невозможно.

Ксандра нахмурилась, встала и снова открыла багажную полку. Она порылась в сумке и достала небольшой блокнот и шариковую ручку.

— Вот, — сказала она, протягивая их Августу.

— Благодарю. — Он схватил ручку и стал что-то быстро писать в блокноте.

А потом разделил страницу на три части.

Один. Две белые собаки преследуют лису и зайца

Два. Король с золотым глобусом

Три. Мужчина с раздвоенной бородой и мечом

— Ляжешь с собаками, проснешься с блохами, — пробормотал Август, глядя на первый, довольно странный, рисунок.

— Прости, не поняла?..

— Ладно, это неважно, — ответил он. — Просто люблю рассуждать вслух. Такая привычка.

И он снова принялся рассматривать первый рисунок, украшающий страницу Библии Гутенберга. Большую ее часть занимал текст, напечатанный красивым готическим шрифтом, который казался выписанным от руки, причем начало каждого нового предложения отмечалось красными заглавными буквами. Страница делилась на две колонки, в каждой по сорок строк. Август сразу же понял, что это одно из первых печатных изданий Гу-

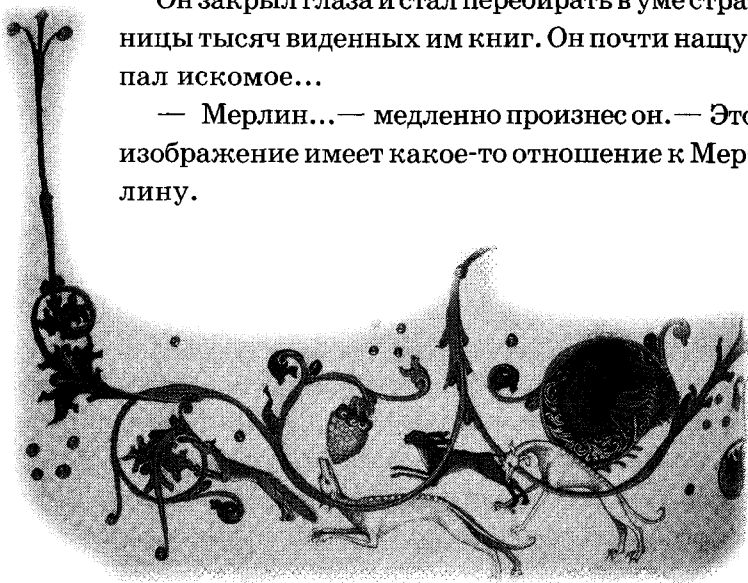
тенберга, поскольку в более поздних число строк в колонке достигало сорока двух. Впрочем, текст, кажется, здесь ни при чем. Августу предстояло «интерпретировать» другой элемент, рисунок, расположенный в самом низу страницы, под латинским текстом.

Начинался он с витиеватой заглавной буквы «S», от которой отходила искривленная виноградная лоза. Она шла, извиваясь и закручиваясь вдоль всего нижнего края страницы, местами обрастая синими и красными цветами и позолоченными завитушками. Четыре зверя бежали вдоль этой лозы: две изящные белые собаки, у одной в зубах коричневый заяц, другая преследует красно-рыжую лисицу. Цвета яркие, свежие, изображение полно живости, что придает еще более загадочный оттенок этой, в общем, довольно жестокой сцене.

— Где-то я это уже видел, — пробормотал Август. — Вот только где?..

Он закрыл глаза и стал перебирать в уме страницы тысяч виденных им книг. Он почти нащупал искомое...

— Мерлин... — медленно произнес он. — Это изображение имеет какое-то отношение к Мерлину.

Он вошел в Интернет, в поисковую систему Google, и ввел запрос, сформулировав его следующим образом: «Мерлин средневековое искусство». Казалось, прошла вечность в ожидании результатов, но вот наконец открылся сайт, показавшийся ему многообещающим. Он просмотрел его до конца, до изображения, подписанного «Амброс (Молодой Мерлин). Предсказание Вортигерну»*. Вот оно...

— Ух ты! — воскликнул потрясенный Август.

— Что?

— Только посмотри.

— Ну, сцепились два дракона, — пожала плечами Ксандра. — Не вижу связи.

— Посмотри хорошенько! Взгляни на белого дракона.

Ксандра, моргая, уставилась на рисунок. На заднем плане множество людей, лица у всех как будто стерты. Все они, в том числе Мерлин, указывают пальцами в правый нижний угол изображения, где два дракона — белый и красный — сражаются в грязной яме, напоминающей боксерский ринг.

Август открыл первый рисунок из Библии Гутенберга и поставил его рядом со средневековой миниатюрой. Он провел стрелкой по белому дракону, затем — по одной из белых собак.

— Сходство очевидно, — сказал он. — Взгляни на лапы собаки. На них когти, в точности такие же, как у дракона. А зубы! Смотри! Они впились в несчастного кролика наподобие того, как белый дракон кусает красного. Изгиб шеи... угол, под которым изогнуто тело... Должно

* Вортигерн — кельтский король, пригласивший в Британию саксов для защиты северных границ и таким образом позволивший воинственным племенам расселиться по всему острову. Предшественник Аврелия Амвросия — если верить легенде, дядя короля Артура.

быть, Гутенберг использовал этот рисунок в качестве образца.

На Ксандру, похоже, его рассуждения особого впечатления не произвели.

— Откуда ты узнал о существовании аналогичного рисунка дракона? — спросила она.

Даже сейчас Август не мог избавиться от ощущения, что его фотографическая память не только дар, но и проклятие.

— Наверное, видел эту репродукцию в доброй сотне книг, когда еще работал библиологом. Это же знаменитое изображение молодого волшебника Мерлина.

— К чему ты клонишь?

Август увеличил картинку.

— В большинстве мифов внутреннее содержание куда богаче формы. Цикл сказаний о Мерлине — это истории, полные скрытых символов. До истинного смысла надо еще докопаться. К примеру, здесь красный дракон обозначает народ Англии.

— А белый?

— Саксов, если обобщать, то все германские племена. — Август сделал пометку в блокноте. — Художник использовал фигуру Мерлина для отображения конфронтации между Англией и Германией. Как видишь, на миниатюре из Библии герои другие. Белая собака, как мне кажется, символизирует Священную Римскую империю, в состав которой Германия входила в Средние века. А красного дракона заменил заяц.

— То есть кролик.

— Нет, — возразил Август. — Заяц и кролик — совершенно разные животные. — Он указал на иллюстрацию. — Видишь, какие короткие у него уши и длинные задние лапы? Это именно заяц. Различие, которое хотел подчеркнуть иллюстратор.

— С какой целью?

— Думаю, что знаю ответ. Дело в том, что несколько лет назад я продал премьер-министру Англии первое издание книги Якоба Гримма «Немецкая мифология». Он хотел подарить ее дочери на день рождения. Я получил за нее всего сорок тысяч долларов, потому что часть страниц оказалась помятой.

Ксандра нахмурилась.

— Прежний владелец небрежно относился к книгам.

— Наверное, — согласился Август. — Как бы то ни было, но Гримм считался большим поклонником средневековой литературы, именно из нее он черпал сюжеты для своих сказок. В одной из них повествуется о старинном немецком празднике «Остара». Это нечто вроде дня весеннего равноденствия или, точнее, Пасхи со всей историей о воскрешении Христа. Якоб Гримм полагал, что название «Остара» уходит корнями в еще более древнюю легенду о богине, которая превратилась в... — Тут Август указал на иллюстрацию из Библии.

— В зайца?

— Именно, — кивнул Август. — Знаменитый пасхальный кролик!

— Так поэтому символ Пасхи — кролик?

— Да, но дело не в нем, — сказал Август. — Думаю, Гутенберг предполагал, что правители Священной Римской империи владели некой темной религиозной тайной. — Август умолк, чтобы Ксандра осознала его слова. — Не уверен, что знаю подробности, но явно подразумевалось что-то подобное.

— А лисица? — спросила Ксандра.

— Обычно лисица символизирует лживость и хитрость. Но интересно другое. На рисунке вторая белая собака потеряла след лисы. И отвлекло ее от погони не что

иное, как вот этот желудь, будто сложенный из золотых монет.

— Тогда, возможно, это означает, что могущественная Германия или какая-то другая сила в могущественной Германии специально ослепила ее золотом, обманула, направила по ложному следу.

— Возможно, — кивнул Август и снова что-то записал в блокнот.

Его пальцы запорхали по клавиатуре, и на экране возникла вторая иллюстрация, помещенная внутри заглавной буквы «М». Король восседает на троне, облаченный в рубиново-красную тунику, изукрашенную драгоценными камнями, с широким темно-синим воротником. В правой руке король сжимает золотой шар, левая приподнята, два пальца указывают вверх, на небо. Трон, на котором он сидит, довольно простой, из грубо отесанного дерева. Голову его венчает корона.

— Тридцать минут, — напомнила Ксандра.

Август не обратил на ее слова никакого внимания.

— Этой иллюстрацией начинается вторая книга «Хроник», видимо, поэтому король поднял два пальца, — задумчиво пробормотал он. — А вот шар...

Почувствовав, что и этот рисунок может быть основан на каком-то известном изображении времен позднего Средневековья, Август снова полез в поисковую систему и начал просматривать портреты правителей Священной Римской империи пятнадцатого века. Через четверть часа он расплылся в улыбке, увидев знакомый образ.

— Кажется, я нашел связь, — сказал он Ксандре.

Та взглянула на экран и увидела портрет с подписью: «Император Священной Римской империи Сигизмунд». Ксандра так и ахнула, потом спохватилась и прикрыла рот ладошкой.

— Узнаешь?

— Да, — кивнула она. — Но какова связь?

Август щелкнул мышкой, и рядом с портретом возникла иллюстрация из Библии Гутенберга.

— Это царь Соломон, — пояснил он, указывая на цветную миниатюру из Библии. — По крайней мере, это должен быть царь Соломон, поскольку именно он находится в центре повествования второй книги «Хроник». Но есть одна неувязка.

Ксандра внимательно изучила оба рисунка.

— Трон? — спросила она.

— Ты близка к истине, — ответил Август. — Взгляни-ка на корону.

Он увеличил изображение.

— Царь Соломон никогда не носил такой головной убор. Это саксонская корона.

— Как в истории с белой собакой?

— Правильно. Но следует хорошо знать историю, чтобы уловить связь. Первые герцоги Саксонские одновременно являлись правителями Священной Римской империи. Продолжалось это до двенадцатого века, когда Саксонию захватила династия Вельфов.

— Ну и что же означает эта иллюстрация?

— Думаю, художник хотел подчеркнуть, что владыки Священной Римской империи сидят на троне царя Соломона. Мягко говоря, странно...

— А что у него в руке?

— О, по-латыни это называется «глобус круцигер». Иными словами, «держава», символ власти монарха. Как правило, это золотой шар, увенчанный крестом. Вот,

смотри, как раз такой находится у Сигизмунда. Тем самым он как бы демонстрирует, что держит в руках весь мир. А крест говорит о том, что власть дана ему свыше.

Ксандра продолжала сравнивать два рисунка.

— Но на иллюстрации Гутенберга король держит державу без креста.

— Что ж, если на обоих рисунках изображен именно Сигизмунд, это призвано подчеркнуть, что его владычество в Священной Римской империи приносит одни несчастья и преследует низменные цели. Ян Жижка — предводитель армии «Сирот» — сражался с Сигизмундом и не уставал повторять, что этот монарх ведет империю к верной гибели.

— Армия «Сирот»?..

— Да, сторонники Яна Гуса, мученика, который при жизни не слишком ладил со Священной Римской империей. Их называли гуситами, а потом, после смерти Гуса, — «Сиротами». Лично я считаю, что их стали именовать «Сиротами» лишь после того, как их предводитель, Ян Жижка, погиб в бою.

— Все это, конечно, очень интересно, но... — Ксандра выразительно постучала кончиком пальца по циферблату. — Осталось пять минут.

Август немедленно закрыл все окна, кроме третьей иллюстрации из Библии Гутенберга. Появилось изображение на весь экран, на этот раз — из Послания к Римлянам.

С нижнего края страницы тянулся стебель растения, он извивался спиралью, образуя заглав-

ную букву «S». В верхнем полукруге буквы находился человек в зеленой тунике, застегнутой у горла простой золотой булавкой. Он держал два предмета: в левой руке — меч в ножнах, в правой — книгу в алом переплете, скрепленную двумя черными шнурами. Изображение было четким и ярким, свет словно бы падал на него сверху, с небес, к которым человек устремил взгляд. Он, казалось, не замечал при этом наиболее странной детали — обезьяны, карабкающейся по толстой зеленой лозе вдоль левого поля страницы.

— Можешь объяснить?

— Начну с очевидного, — сказал Август. — С обезьяны.

— Типа, обезьяна обычно символизирует обман?

— Типа, у обезьян обычно есть хвост, а здесь он отсутствует, — отрезал Август. — Рекомендую посетить зоопарк, при первом же удобном случае. Очень познавательно.

— Непременно, — ответила Ксандра холодно.

Она наклонилась к нему, и Август ощутил ее дыхание, отдававшее корицей.

— Может, даже возьму с собой твоего мальчика. Покажу ему львов.

Август с трудом подавил закипающий гнев и немного приблизил изображение обезьяны.

— В двенадцатом веке человек по имени Филипп де Таон написал книгу «Бестиарий». Довольно необычный поэтический сборник, поделенный на три части: звери, птицы и камни.

— Камни?

— Ну, речь там шла в основном об алмазах и жемчуге, — сказал Август. — Филипп пытался связать примитивную зоологию с исследованием знаков зодиака и создал весьма впечатляющий труд, оказавший большое влияние на средневековую систему символов.

— Позволь догадаться. Ты продал эту книгу тому, кто предложил лучшую цену.

— Покупатель был из Норвегии. Владел заводом по переработке рыбы или чем-то в этом роде. Имени его я не помню, зато хорошо помню чек на двести тысяч долларов, — с улыбкой добавил Август. — А я давно взял в привычку прочитывать каждую книгу перед тем, как продать. Занимаюсь самообразованием. Издание, попавшее мне в руки, было переводом с французского. Увлекательнейшее чтение, особенно главы о зверях, приносящих зло.

— Разве обезьяна приносит зло?

— От нее больше всего зла, — ответил Август. — Филипп утверждал, что обезьяна является символом дьявола и толкает склонных к греху людей на дорогу в ад.

— Но здесь, на рисунке, обезьяна карабкается на небо. Август согласно кивнул.

— Не все так просто. Возможно, художник тем самым хотел сказать, что в святой обители затаилось зло. Или злодей. Нет, ты только посмотри!.. Узнала человека на рисунке?

Ксандра взглянула на мужчину в зеленом. Раздвоенная борода придавала мудрому лицу лукавое выражение.

— Кто он?

— Звони, — многозначительно произнес Август, словно подводя черту под всем разговором.

Ксандра достала мобильный и набрала номер.

— Джо? Можешь оставить мальчишку в живых еще на час. И старуху приведи в порядок. — Она замолчала, слушая, что отвечает ей Джо. — Мне плевать как, просто не дай ей умереть от потери крови. Если будет бузить, пристрели. Понял? — Она отключилась. — Хватит ходить вокруг да около. Кто этот человек на рисунке?

Август не сдержался и усмехнулся. Трудно даже представить, какой смелостью обладал художник, создавший миниатюру. Это была работа истинного гения или безумца, а возможно, в неизвестном авторе сочетались и те, и другие качества.

— Ты прекрасно знаешь его. Мужчина на рисунке — не кто иной, как Гутенберг. А это, — Август бережно коснулся дневника, — та самая книга, которую он держит в руке.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Здание Томаса Джефферсона — центральный корпус Библиотеки Конгресса — высилось в отдалении, точно белая крепость в окружении оживленных дорог. К северу — Ист-Кэпитол-стрит, к западу — Первая улица, к востоку — Вторая и, наконец, к югу — авеню Независимости. На создание этого огромного храма искусств ушло одиннадцать лет, над интерьером трудились свыше сорока живописцев и скульпторов. Самым примечательным их творением был, несомненно, Большой зал напротив входа.

Эйприл сидела в машине Нормана и нервно озиралась по сторонам. Солнце садилось, близился вечер, а она судорожно пыталась сообразить, как дошла до жизни такой, ведь ей предстояло похитить величайшее из сокровищ Большого зала.

— Они были правы, — пробормотала она.

— Кто? — спросил Норман.

— Парни из ФБР опасались, что я могу похитить Библию Гутенберга. И вот я здесь, пытаюсь сообразить, как незаметно пронести ее мимо Менга. — Она обхватила голову руками. — Неужели это происходит наяву, а не во сне?

Норман обнял ее за плечи.

— Ты все объяснишь властям, и тебе поверят. Но вообще-то я думаю, что следовало бы вызвать полицию и все им рассказать.

— Нет. Стоит только обратиться в полицию, и они убьют Чарли.

— Но...

— Никаких «но», ясно? — предупредила Эйприл. — Мне страшно жаль, но так рисковать мы не можем.

Норман посмотрел в окно. Менг по-прежнему стоял на страже у входа.

— И как мы попадем внутрь?

Эйприл задумчиво накручивала на палец прядь волос.

— Есть одна идея, — сказала она, помолчав.

Она развернулась и убрала руки за спину.

— Ты должен надеть на меня наручники.

— Не понял?

— Возможно, Менг не знает, что мне удалось бежать.

И уж точно не знает, что ты замешан в этом деле.

— Но что, если один из твоих похитителей ему позволит? Или уже позвонил? Может, именно поэтому он торчит у входа!

— Придется рискнуть, — ответила она. — Давай действуй. Времени в обрез.

Норман нехотя достал наручники.

— Если он нас пристрелит, виновата будешь ты.

— Договорились, — хмыкнула Эйприл. — Ну же, надевай.

Она ощутила прикосновение холодного металла к запястьям. Послышался щелчок.

— И каков же наш план?

— Будем импровизировать, — сказала Эйприл и, пока они шли к дверям, вкратце объяснила, в чем заключается ее идея.

Норман зашел ей за спину и начал слегка подталкивать к агенту Менгу, который немедленно их заметил.

— Вот сукин сын, — еле слышно пробормотал Норман. — Да он нас пристрелит, не успеем и до двери дойти.

— Держись уверенно, — шепнула в ответ Эйприл, наблюдая, как Менг достал пистолет и направил на них. — Он просто хочет припугнуть нас.

Весь оставшийся путь они проделали молча, не сводя глаз с дула пистолета.

— Библиотека закрыта, — процедил Менг, когда их разделяло ярдов двадцать, не больше. — Ситуация под контролем ФБР. Убирайтесь к чертовой матери!

— Агент Менг, — сказал Норман. — Я офицер Бриггс. Мы с вами уже встречались.

Менг опустил пистолет.

— Помню. Так, погодите. Это ведь мисс Адамс, если я не ошибаюсь? — Он снова вскинул ствол.

— Да, так и есть, — ответил Норман.

Они стояли у подножия гигантской лестницы, ведущей к центральному входу в Библиотеку Конгресса.

— Вы что же, не слышали?

— Что именно?

— Что ваши ребята попали в аварию и позвали меня на помощь.

— Но почему они позвали именно вас?

— Потому что заранее знали, что я хочу помочь, — буркнул в ответ Норман.

— Лично мне ваша помощь не нужна.

— Разве? Да мисс Адамс уже давно убежала бы, если бы не я. Отчаянная женщина, я доложу. Предприняла попытку побега, и она ей едва не удалась.

Менг в задумчивости то снимал пистолет с предохранителя, то снова ставил обратно.

— Ладно, — сказал он наконец. — Пойдемте.

Норман подтолкнул Эйприл, и они начали подниматься по лестнице.

Менг достал мобильный телефон.

— Стойте здесь, — сказал он и набрал номер.

Послушав гудки, он отключился и стал набирать другой. Снова безрезультатно. Агент чертыхнулся и убрал телефон. Дверь у него за спиной отворилась, и из библиотеки вышел мужчина в темно-сером костюме.

— У нас проблемы, сэр.

— Не видишь, я занят? — огрызнулся Менг.

Он отступил в сторону, и мужчина увидел Нормана с Эйприл.

— А они что тут делают?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. Слышал о несчастном случае с нашими ребятами?

— Нет.

Менг подошел к Эйприл:

— А ну, взгляни на меня.

Та подняла голову.

— Ты отвечаешь за сохранность Библии Гутенберга, а потому должна разбираться в системе сигнализации.

Эйприл не ответила. Она понимала, что фраза продиктована не простым любопытством. Один раз этот человек уже отослал ее, чтобы не вмешивалась. Что он задумал теперь?

Менг приподнял ей подбородок кончиком ствола.

— А знаешь, может, и хорошо, что ты вернулась. — Он обернулся к федералу, застывшему в дверях. — Проводи их.

Тот достал свой пистолет и знаком приказал Норману и Эйприл следовать за ним. Шествие замыкал Менг.

Они вошли в библиотеку. Большой зал заливал странный красноватый свет.

— Что у вас с освещением? — осведомился Норман.

— ФБР проводит внеплановую проверку энергообеспечения. Нормальное освещение восстановится через не-

сколько часов. К тому времени нас здесь уже не будет. — Менг оттащил Эйприл в сторону. — В любом случае, мы здесь не задержимся, а ты можешь остаться и подождать.

Второй федерал махнул пистолетом в сторону Нормана.

— Отойди и встань у дальней стены.

— Послушайте! Я же пришел вам помочь! — возмутился тот.

Менг уверенно вел Эйприл за собой. Они шагали по мраморному полу с мозаикой в виде знаков зодиака. Вот они миновали изображение барашка.

— Эйприл... Апрель... так ты, выходит, Овен?

— Телец.

— Телец? Бык? Никогда бы не подумал. В тебе нет ничего... бычьего.

Через арку они прошли в следующий зал, абсолютно пустой, если не считать двух больших выставочных шкафов, справа и слева от входа. В том, что справа, лежала Библия из Майнца, имеющая огромную историческую ценность. Но в данный момент интереса для них она не представляла. В левом шкафу экспонировалась Библия Гутенберга. Они остановились и стали смотреть на нее через стекло. Эйприл почувствовала, как учащенно забилося сердце.

— Сможешь достать ее оттуда? — спросил Менг.

Только тут Эйприл заметила, что по периметру комнаты, в тени, стоят пятеро федералов.

— Полагаю, вы уже пытались?

— Мы не ожидали, что Библия Гутенберга лежит на датчике давления. Он срабатывает тотчас же, стоит ее только приподнять. Знаешь, как его отключить?

— Для этого придется снять с меня наручники, — сказала Эйприл.

— Тащите сюда охранника, — распорядился Менг. Федерал, дежуривший у двери, подтолкнул в спину Нормана.

— Сними с нее наручники, — приказал Менг.

— Не проблема.

— И держи пасть на замке, — добавил он.

— Естественно, — пробормотал Норман, достал ключ и расстегнул наручники.

Эйприл стала растирать запястья.

— Мне нужны перчатки, — сказала она Менгу.

— Обойдешься, — ответил тот и передернул затвор.

Эйприл опустила руку на стекло. Оно было холодным, словно дверца рефрижератора в супермаркете. По показаниям приборов, расположенных рядом с драгоценной книгой, она видела, что температура и влажность поддерживаются на должном уровне. Стало быть, энергия продолжает поступать и все остальные датчики, в том числе охранных систем, работают как надо.

— Но я совершенно не разбираюсь в сигнализации.

— А ты напрягись и вспомни, — сказал Менг.

— Вы все равно меня пристрелите.

— Мы ФБР, а не ЦРУ, — усмехнулся Менг. — Поможешь нам — выйдешь отсюда живой. Ты же не хочешь оставить сиротой своего сынишку?

Эйприл поймала на себе угрожающий взгляд Менга. Неужели он в сговоре с той женщиной, которая шантажирует Августа?

— Откуда вам известно о моем сыне?

— Как-то видел его здесь, с тобой. Шустрый мальчонка. Наверняка он будет очень переживать, если что-то случится с мамочкой. Ну что, память потихоньку возвращается?

— Снимите заднюю стенку с выставочного шкафа, — сказала Эйприл.

— Уже сделали. Что дальше?

— Слевой стороны находится пульт управления. Он прикрыт маскировочной панелью.

Менг взмахом руки подозвал к себе одного из федералов. Тот подбежал к шкафу и посветил карманным фонариком.

— Вроде бы нашел, — произнес он через несколько секунд. — На нем такие чудные картинки...

— Знаки зодиака, — пояснила Эйприл. — Такие же, как вы видели на полу в Большом зале.

— Любопытно, — произнес Менг. — И что, есть какая-то связь?

— Спросите об этом человека, занимающего более высокую должность, чем я.

— Ты и так знаешь все, что нам нужно, — возразил Менг. — Назови код.

— Телец, Лев, Дева, Скорпион.

— Телец? — переспросил Менг. — Так ты что же, часть кода?

— Простое совпадение.

Менг схватил ее за горло.

— Я не верю в совпадения. Что означают остальные три знака?

Эйприл почувствовала, как сильные пальцы сжимают гортань и не дают дышать. В уголках глаз выступили слезы.

— Пожалуйста, — еле слышно прошептала она, — не надо. Я все расскажу.

Менг тут же ослабил хватку.

— Доктор Уинтер, Томас Джефферсон и Иоганн Гутенберг... — Она судорожно хватала ртом воздух. — Лев, Дева и Скорпион.

— Нажимай в указанном порядке, — велел Менг агенту.

Послышалось четыре коротких щелчка.

— Вроде получилось, — пробормотал федерал. — Вижу, загорелась зеленая лампочка.

— Нажми на нее, — сказала Эйприл.

— Делай, что говорят, — кивнул Менг.

— Нажимаю, — подтвердил агент, и едва это слово слетело с его губ, как послышалось шипение сжатого воздуха.

Стеклянный колпак слегка приподнялся.

— Что происходит? — встревожился Менг.

— Система обеспечения приспособляется к температуре и влажности снаружи. Надо подождать несколько секунд.

— У нас нет времени, — сказал Менг, сунул пальцы под колпак и приподнял его.

Стеклянная конструкция, закрепленная на нескольких шарнирах, послушно поднялась. Теперь Библия лежала открытая и незащищенная, точно прекрасный хрупкий цветок, который вот-вот унесет порывом ветра.

— Теперь вытаскивай ее, только осторожно, чтобы не активировать датчик давления, — распорядился Менг. — Ты единственная, кому я могу доверить это дело. И смотри, без глупостей.

Эйприл вытерла руки об одежду и протянула их к книге. Она взяла Библию с двух сторон и медленно переместила ее так, что теперь та стояла на корешке. В двух местах, где прежде лежали крышки переплета Библии Гуттенберга, виднелись тонкие проволоки датчика.

— Видишь, обе обложки следует поднимать одновременно, — прокомментировал Менг и указал на механизм одному из своих сотрудников. — Иначе что?..

— Понятия не имею, — ответила Эйприл.

— А теперь клади ее в кейс, — велел Менг и жестом подозвал другого федерала.

Тот подошел, открыл кейс и поставил его у ног Менга.

— Но перевозить книгу в таких условиях не самый лучший...

Менг выразительно передернул затвор.

Эйприл взяла Библию, наклонилась и начала опускать ее в кейс, постепенно, дюйм за дюймом.

— Да пошевеливайся уже!

— Этой книге свыше пятисот лет, — сказала Эйприл. — Мне трудно вам объяснить, насколько она хрупка и какого бережного обращения требует.

— Нарочно копаешься?

Эйприл осторожно положила Библию в кейс — так укладывают в гроб дорогого сердцу усопшего. Она выпрямилась.

— Просто страшно не хочется умирать, — пробормотала она.

Федерал громко защелкнул металлические замки кейса. Резкие звуки эхом разлетелись по комнате.

— Ты же понимаешь, что отпустить тебя я никак не могу, — сказал Менг.

— Но вы обещали! — взмолилась Эйприл. — Я никому ничего не скажу, клянусь!

Менг направил на нее ствол.

— Очень хотелось бы верить, — произнес он.

— Пожалуйста!

— Погодите! — воскликнул Норман.

Менг обернулся к нему.

— Проблемы?

Норман протянул к нему руку.

— Не надо... Думаю, это будет ошибкой с вашей стороны — убить ее.

— Ты прав. Убить ее самому будет ошибкой, — признал Менг и обернулся к одному из федералов. — Дай ему свою пушку, — приказал он.

Тот протянул пистолет Норману.

— Пусть на нем останутся твои отпечатки, а у тебя на руках — частицы пороха. Попробуй объясни тогда, откуда они взялись. — И он опустил ствол своего пистолета.

— Но она может вам еще пригодиться, — сказал Норман. — От нее мертвой пользы точно не будет.

— Послушайте его! — воскликнула Эйприл. — Есть вещи, которых вы не знаете. И я сумею вам помочь с этой книгой и...

— Пристрели ее, — велел Менг.

Норман сделал глубокий вдох и прицелился в Эйприл.

— Пять. Четыре. Три. Два...

— Давай! — рявкнул Менг.

Эйприл зажмурилась.

Внезапно тишину Большого зала разорвал пронзительный вой тревожной сирены, а следом с потолка обрушился поток воды. Норман намеренно промахнулся, пуля пролетела мимо правого уха Эйприл и попала в грудь федералу, стоявшему у дальней стены. Тот согнулся пополам и осел на пол. Менг набросился на Нормана, но тот был готов к этому и нанес ему сильнейший удар в подбородок рукоятью пистолета. Менг свалился, оглушенный.

— Вперед! — крикнул Норман и вместе с Эйприл бросился к выходу, пригибаясь и прячась за шкафом с Библией из Майнца.

Над головами у них засвистели пули, посыпались куски штукатурки. Они нырнули за шкаф.

— Я думала, ты меня убьешь, — всхлипнула Эйприл, вытирая слезы.

Норману пришлось повысить голос, чтобы перекрыть вой сирены.

— Ты же сказала, импровизируй! — Он проверил обойму, высунулся из-за шкафа и стал отстреливаться. — Они не станут нас преследовать. Зачем?.. Гутенберг-то у них.

— У них только одна Библия, — ответила Эйприл. — И не думаю, что та, которая им нужна.

— Что ты имеешь в виду? Разве в библиотеке есть еще одна?

— Ну, общественности о ней неизвестно.

Несколько пуль срикошетило от пуленепробиваемого стекла выставочного шкафа, где хранилась Библия из Майнца. Они увидели ноги агента, пробегающего мимо.

— Они не к выходу направились, — заметил Норман. — Как думаешь, они знают, где хранится та, вторая Библия?

— Могли знать, — предположила Эйприл. — Скажи, сейчас вылезти можно?

Норман достал из кармана пару монет, размахнулся и бросил их в противоположный конец зала. В ту же секунду грянули выстрелы — человек явно целился туда, куда они упали. Норман обогнул шкаф с другой стороны, выстрелил и попал в федерала, раскрывшего свое местонахождение. Тот упал лицом в лужу воды, стремительно расползавшуюся по полу.

— Теперь можно, — ответил Норман.

Они выскочили из зала и бросились по лестнице к галерее, опоясывающей здание. Они добежали почти до самого конца, как вдруг вой сирены прекратился, и шум воды тоже перестал быть слышен.

— Как ты узнал о сигнализации? — спросила Эйприл, преодолев очередной лестничный пролет.

Впереди показалось мозаичное панно с изображением Минервы.

— Доктор Уинтер демонстрировал мне ее и называл код: Телец, Лев, Овен, Водолей. Он назвал мне и код для включения с пятиминутной отсрочкой системы пожаротушения. Тот самый код, который сказала ты.

— Отсрочка специально предназначена для того, чтоб успеть отнести Библию в безопасное место прежде, чем ее зальет водой. Кто же знал, что эта предосторожность спасет мне жизнь?

— Как считаешь, удастся нам спрятать вторую Библию до того, как они до нее доберутся?

— Не знаю, — покачала головой Эйприл. — И потом, никак не могу понять одного. Если они с самого начала собирались прихватить и второй экземпляр, почему не взяли меня с собой, чтобы я помогла им?

— Очевидно, решили, что справятся сами.

Наконец они попали в длинный зал на втором этаже и побежали вперед, пока Эйприл не остановилась возле резных бронзовых дверей. Она указала на панель в верхнем левом углу.

— Знаки Гутенберга тут повсюду, надо только знать, где искать.

Норман, щурясь, рассматривал изображение. Похоже на два щита — вроде тех, что носили средневековые рыцари, — свисающих с ветки дерева. На том, что слева, красовалась заглавная буква «Х», на том, что справа, — перевернутая буква «V» и три звезды.

— И что это означает?

— Этот символ называют колофоном, — объяснила Эйприл. — Пока в книгах не появились титульные листы, печатники в самом конце текста размещали колофон. Обычно он состоял из нескольких строк, в которых говорилось, кто работал над этой книгой. Плюс какое-то изображение, набор символов, характерный для конкретного печатника.

— Так это колофон Гутенберга?

— Нет. «Х» — это греческая буква «хи», а перевернутая «V» — греческая «лямбда», — ответила Эйприл, водя пальцем по воздуху, словно обрисовывая каждую букву. — Щит слева представляет человека по имени Иоганн Фуст. Щит справа — его напарника, Питера Шеффера.

— И они были?..

— Помощниками Гутенберга, — прошептала в ответ Эйприл.

Она подошла к невысоким воротам у противоположной стены, достала ключ и отперла их.

— Идем, — сказала она и отворила находящуюся за воротами дверь.

Они вступили в небольшое помещение. Эйприл даже не стала зажигать свет — настолько хорошо была знакома ей обстановка. Толстый ковер на полу, деревянные столы с медными лампами. Она схватила Нормана за руку.

— За мной!

Норман тащился вслед за Эйприл, то и дело натыкаясь на углы.

— Комната Розенвальда*. Это и есть твое убежище?

— Ну, можно сказать и так, — ответила она.

Они прошли мимо книжных шкафов к дальней стене.

— Куда мы идем? — спросил Норман.

Внезапно Эйприл заметила, как позади отворяется дверь. Она остановилась и прислушалась. В комнату вошли два федерала. От волнения она так крепко сжала руку Нормана, что тот едва не вскрикнул. Эйприл пота-

* Комната Розенвальда — отдел древних книг и рукописей в Библиотеке Конгресса. Назван в честь щедрого дарителя, с 1943 по 1979 г. передавшего библиотеке свыше 2600 иллюстрированных книг.

щила его дальше, мимо шкафов с редкими книгами. Вот наконец они добрались до угла, где упирался в стену последний шкаф. За спиной отчетливо раздавались шаги.

— Они приближаются, — шепнул Норман ей на ухо.

Эйприл не обратила внимания на его слова. Она по-прежнему стояла спиной к нему и лицом к небольшой панели на стене. Панель излучала мягкий оранжевый свет. Эйприл коснулась ее, приведя в действие скрытый механизм. Из книжного шкафа донесся тихий щелчок.

В ответ за спиной послышался страшный грохот: это один из федералов налетел на угол стола. Они находились совсем близко, в соседнем проходе между шкафами. Она слышала, как у них под ногами скрипят половицы. Светящаяся панель, рядом с которой стояла Эйприл, показывала, куда надо бежать.

— Стой! — крикнул один из преследователей.

— Вперед! — выпалил Норман и хлопнул Эйприл по плечу.

Она всем телом навалилась на шкаф. Тот поддался: не упал, но сдвинулся, развернулся под углом к стене. Они бросились в образовавшееся отверстие, и шкаф тут же закрылся за ними. Эйприл помчалась куда-то в темноту, Норман едва поспевал за ней.

— Надо спешить, — пояснила она, уже спускаясь по узкой лесенке в дальнем конце комнаты.

Назвать это помещение комнатой можно было с натяжкой. Оно походило на треугольный чулан с высоким потолком и тремя наклонными голыми стенами. Шкаф позади Нормана содрогнулся от ударов. Очевидно, федералы не сообразили, как запустить механизм, открывающий потайную дверь, и решили применить грубую силу.

Норман начал спускаться по лестнице. Эйприл опередила его уже ступеней на двадцать, как вдруг остано-

лась, не зная, куда свернуть: направо или налево. Норман поравнялся с ней.

— Где мы?

— Тсс,— шепнула она.

— Ты же библиотекарь,— сказал Норман.— Объясни, где мы вообще?

— Под библиотекой. Отсюда можно добраться до сейфа, то есть до хранилища редких книг и рукописей.

Сплошные сюрпризы, подумал Норман: шкафы-двери, потайные проходы и лестницы, загадочные сейфы,— однако удивления не выказал. Ведь они находились в Вашингтоне, городе, известном своей разветвленной системой подземных коммуникаций, где за изящными фасадами скрывались туннели и целые залы. Тут повсюду секреты. И ситуация, в которую они попали, служила лишним тому доказательством.

Видя, что Норман собирается задать очередной вопрос, Эйприл снова приложила палец к губам, только на сей раз молча, и состроила сердитую гримасу, давая понять, насколько все серьезно. Тихо!

Ладно, ладно, закивал Норман. Он обернулся на звук — голоса доносились из-за двери по левую сторону от подножия лестницы. Эйприл направилась туда. Норман попытался остановить ее, но не успел.

Эйприл спустилась почти до самого низа и резко остановилась. Она увидела что-то, лежащее впереди на полу. Может, это дохлая мышь или крыса? Нет, что-то другое... а потом она вдруг поняла, на что смотрит. На человеческую руку, отрубленную у запястья.

Эйприл повернулась к Норману и указала на страшную находку, потом — на стену. Внизу рядом с дверью виднелась цифровая панель, точная копия той, что открывала потайной ход за шкафом. Отрубленную руку

использовали для доступа в помещение за дверью. Теперь стало понятно, почему похитители решили не прибегать к помощи Эйприл: они ведь владели этим «ключом».

Послышался громкий металлический скрежет. Эйприл жестом подозвала к себе Нормана.

— Очевидно, они стараются прорваться в хранилище с помощью дрели, — сказала она. — Вот только ломаются не туда.

И с этими словами она начала подниматься обратно по лестнице. Норман последовал за ней. Однако вместо того, чтобы свернуть к комнате Розенвальда, Эйприл перешла на другую лестницу, ведущую к другому хранилищу. Вся разница состояла в том, что вход в него охраняла массивная стальная дверь.

Эйприл приложила руку к цифровой панели. Вспыхнула и замигала красная лампочка.

— У меня нет доступа в это помещение, — сказала она.

— Есть доступ к «волшебному» шкафу, а сюда нет? — удивился Норман.

— Я уже воспользовалась одним кодом, основанным на отпечатках пальцев, но применить его второй раз не получится. Это должен быть кто-то другой. Существует особая система контроля, специально, чтобы люди спустились сюда только вдвоем.

— Зачем?

— Чтобы наблюдать друг за другом. Чтобы никто ничего не украл.

— Поэтому федералы и ходят парочками?

— Именно. Вот только они не могли знать, что выбрали не тот сейф. На прошлой неделе я лично перенесла Библию Гутенберга сюда, хотела сравнить с другими иллюстрированными книгами пятнадцатого века. Никого в отделе я не ставила об этом в известность.

Норман приложил ладонь к панели — снова замигала красная лампочка.

— У кого еще, кроме тебя, есть доступ сюда?

— Всего у нескольких человек из моего отдела.

— В том числе у доктора Уинтера?

— Конечно.

— Тогда, наверное, он сможет помочь, — сказал Норман и бросился вверх по лестнице.

— Куда ты? — крикнула вдогонку Эйприл.

— За помощью!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ксандра поставила перед Джо две задачи: во-первых, сохранить заложникам жизнь, во-вторых, при возникновении критической ситуации всех их уничтожить. Задачу номер один он воспринимал как данность и заранее настроился только на нее. Если никто не вздумает оказывать сопротивление, мальчишка останется в живых.

Но он заблуждался. С каждой минутой ситуация осложнялась.

Слева от него истекала кровью бабушка. Справа валялся на полу мальчишка, бледный, как смерть, и не подающий признаков жизни.

Джо сообразил, что нельзя говорить Ксандре о смерти мальчика, ведь он нужен ей живым. Кроме того, если Ксандра велит прикончить заложников, задание, можно сказать, уже выполнено. Зачем их спасать, если придется убивать снова?

Но ведь Ксандра может позвонить и сказать: «Отпусти их. Мы получили, что хотели». Или даже хуже: «Позови-ка мальчишку к телефону, пусть поговорит с папочкой». И что тогда? Какой черт надоумил его бросить тихую офисную работу и пуститься в эту авантюру? Неужели недостаточно просто входить в общество «Сирот»? Жаль, нельзя обсудить это со своими друзьями по Интер-

нету. История-то куда круче, чем те, что обсуждаются во Всемирной паутине сутки напролет.

— Ты должен помочь Чарли, — прохрипела бабушка Роуз. — Ингалятор на кухне... рядом с кофемолкой.

Он смотрел на нее, не двигаясь с места. Что делать?.. Джо достал телефон — больше всего на свете ему хотелось, чтобы Ксандра позвонила и сказала: «Убей мальчишку!» Но даже вид телефона страшил его. А что, если Ксандра не дозвонится? Что, если мальчишка умрет, а потом приедет полиция и его посадят за решетку на всю оставшуюся жизнь?

Задача номер один: сохранить жизнь ребенку. Номер один, значит, первая, самая главная. Самая важная. А задача номер два может быть исполнена лишь в том случае, если родители мальчишки не сделают то, что от них требуется.

Но ведь они сделают? Куда им деваться?.. На кон поставлены не только их жизни, но и жизнь сына.

— Пожалуйста, помоги ему, — еле слышно простонала бабушка.

Джо очнулся. Он подбежал к мальчику и склонился над ним. Сперва он ничего не мог расслышать, но затем уловил слабое дыхание с тонким присвистом.

— Он жив, — сказал Джо бабушке, но это ее не успокоило.

Джо опрометью бросился на кухню, снеся по пути стул и сшибив со стены фотографию Чарли в рамочке. Он совсем потерял над собой контроль. Что там говорила бабушка насчет ингалятора? Где он? Рядом с холодильником? С тостером? Он кружил по кухне, передвигая цветочные горшки и подставки для салфеток в поисках маленького пластикового прибора, который мог спасти ребенку жизнь. Где же он?!

Он выскочил обратно в комнату — спросить. Бабушка обмякла на стуле, наверняка свалилась бы, если б не веревки. Глаза закрыты, видимо, потеряла сознание. Он заорал на нее — она не ответила. Тогда он вернулся на кухню, постарался взять себя в руки и решил подойти с другой стороны — стал сметать все подряд со столов и полок. На пол посыпались пузырьки и картонные упаковки с лекарствами, солонки и перечницы, чашки, баночки с мелкой разменной монетой — все, что только попадалось под руку. Джо опустился на колени и начал лихорадочно ворошить грудку предметов в надежде отыскать ингалятор.

Он увидел разбившуюся кофейную кружку и только тогда вспомнил. Где кофемолка? Он поднял голову. Кофемолка стояла на небольшом столике в дальнем углу. Рядом с ней он заметил маленький бело-оранжевый приборчик.

Ингалятор!

Джо поднялся и мельком покосился на Чарли, но отсюда были видны только его ноги. Неподвижные. Что, если он уже умер? Джо попытался вспомнить, сколько может протянуть человек без воздуха. Минуту? Две? Двенадцать? Вроде бы какой-то фокусник хотел установить рекорд, залез в бочку с водой, но у него ничего не вышло... Сколько он сам смог бы продержаться без воздуха? Пять минут? Шесть? Сколько времени заняли поиски этого проклятого ингалятора? Голова шла кругом, перед глазами все плыло.

Он медленно подошел к столику и взял ингалятор. Вдруг тот выскользнул из пальцев и упал на пол. Джо подобрал два, нет, три куса, на которые развалился приборчик, и бросился к Чарли, пытаясь по пути соединить части.

Он выбежал из кухни и плюхнулся на колени рядом с мальчиком. Ребенок выглядел еще хуже и, кажется, не дышал. Видимо, все дыхательные пути перекрыты.

— Давай, парень, — сказал Джо и положил ребенка к себе на колени. — Давай!

Он попытался раздвинуть бледные пересохшие губы и протолкнуть ингалятор в рот Чарли. На одной из сторон ингалятора виднелась длинная трещина, и при первой же попытке нажать на клапан баллончик развалился на две части.

Джо чертыхнулся. Может, зря все это?

Он всмотрелся в лицо Чарли. Несколько веснушек. Шрам на подбородке — наверное, упал, катаясь на скейтборде или чем-то еще. На верхней губе пятнышко от шоколада: верный признак того, что мальчишка выпил полный стакан какао, или что там пьют школьники во время завтрака...

Нет, он не мог позволить ребенку умереть.

Джо вновь собрал ингалятор и крепко сжал его в пальцах, чтобы тот не развалился. Затем он осторожно раздвинул губы Чарли и надавил на клапан. Пфф! Чарли не подавал признаков жизни. Так, еще раз. Пффф! Еще! Пффф!

Безрезультатно.

— Проснись! — крикнул Джо и ударил кулаком по груди Чарли, а потом вдруг увидел, что мальчик открыл глаза.

Ошарашенный, Джо осторожно, в четвертый раз, надавил на клапан. Пфф...

Чарли начал жадно глотать воздух, и при виде этого глаза Джо наполнились слезами. Потом ребенок сел, захлебываясь кашлем. Но он дышал! Его удалось спасти!

— Бабушка... — слабым голосом произнес Чарли.

Джо обернулся и взглянул на стул, к которому привязал бабушку Роуз. Под ним собралась изрядная лужица крови. Плохи дела...

— Ты ее застрелил, — прохрипел Чарли.

— Все с твоей бабушкой было бы в порядке, если б ты не вылез с этим дурацким пистолетом, — буркнул Джо.

Чувство облегчения, которое он только что испытал, мгновенно улетучилось.

— Это целиком твоя вина.

— Она умерла?

Джо поднялся, подошел к стулу и приложил два пальца к шее бабушки.

— Нет. Все еще жива, но едва дышит.

Он присмотрелся к поврежденной ноге. Два отверстия. Сквозная рана... Впрочем, он не был уверен, что это хорошо.

— Что ты намерен делать? — спросил Чарли.

Джо уже начал сомневаться, что поступил правильно, вытащив мальчишку с того света.

— Не знаю, — ответил он.

— Вызови врача. Набери девять-один-один.

Щеки Чарли уже начали розоветь.

— Никаких врачей. Никакой полиции. Ничего! — заявил Джо. — Мы сами должны решить все проблемы.

И он принялся развязывать веревки, удерживавшие бабушку на стуле. В таком плачевном состоянии она вряд ли сумеет оказать сопротивление или убежать. Он обернулся к Чарли.

— Ступай на кухню. Открой воду в раковине. Пусть течет до тех пор, пока не станет горячей, как кипяток. Понял?

Чарли кивнул и поспешил на кухню. Через несколько секунд послышался шум воды о металлическую раковину.

— И чтобы без фокусов, ясно? — крикнул Джо.

Он замер в ожидании ответа.

— Ты меня слышал?

— Да, — сказал Чарли, заглядывая в гостиную. — Теперь что?

— Достань какую-нибудь посудину и наполни ее горячей водой. Найди чистые тряпки и тащи все это сюда. И побыстрее!

— Откуда ты знаешь, что надо делать? Ты медсестра? Медсестра? О чем только думает этот мальчишка!

— Делай, что говорят! — рявкнул Джо.

Он снял бабушку Роуз со стула и осторожно положил на пол. Приподнял раненую ногу, опустил на край стула и наложил плотную повязку чуть выше раны. Затем он крепко завязал тряпицу, чтобы из раны не вытекло уже ни капли крови.

Чарли вошел в комнату минуту спустя, расплескивая воду из большой хрустальной вазы, которую самому Джо и в голову не пришло бы использовать для такой цели. Шикарная вещь, не иначе как свадебный подарок. Он помог Чарли поставить вазу на пол, стал макать в нее тряпицу и осторожно смывать кровь с ноги бабушки.

— Что это? — спросил Джо.

Только сейчас он как следует разглядел ткань. Ее украшала ручная вышивка, мелкие затейливые цветочки. Сама ткань была гладкая и шелковистая, совершенно не похожая на те тряпки, которые используют на кухне.

— Мамина лучшая скатерть.

Джо продолжал обрабатывать рану. Вода в вазе помутнела от крови.

— Зачем ты взял лучшую мамину скатерть?

— Просто она самая чистая. Мама всегда следит за тем, чтоб на нее и крошки не упало. И стелет на стол, когда приходят самые важные гости.

Джо устало откинулся назад.

— Не знаю, чем еще ей можно помочь. Но думаю, мы все сделали правильно и она скоро поправится. Кровь больше не идет.

— Спасибо, что помог ей, — сказал Чарли. — Кстати, как тебя зовут?

— Джо.

— А я Чарли. Из тебя получилась бы хорошая медсестра, Джо.

— Врач.

— Сам знаешь, медсестрами работают не только девушки.

Джо выразительно закатил глаза. Разумеется, он знал.

— Просто я хотел сказать, что если бы выбрал медицинскую специальность, то стал бы доктором, а не медбратом. Ну, возможно, хирургом, оперирующим мозг, или кем-то в этом роде. Нейрохирургом.

Физиономия Чарли недоуменно вытянулась.

— Не думаю, что ты мог бы стать нейрохирургом.

— Это почему? — растерянно спросил Джо.

— Да потому, что мне всего восемь, а на чердаке я обвел тебя вокруг пальца. Значит, ты не такой уж и умный.

— А вот и не обвел, — возразил Джо. — Я точно знал, где ты.

— Тогда скажи по буквам слово «пародонтоз». Как оно пишется?

— Что?

— Если ты такой умный, скажи по буквам «пародонтоз». На национальном конкурсе по правописанию это было одно из заданий, по которому определяли победителя.

— А ты откуда знаешь? — спросил Джо.

Он попытался представить, как пишется это слово. Получалось не очень. Да и вообще, что оно значит? Па-

разит? Жучок какой-то? Да, решил он. Какой-то жук, не иначе. Или личинка.

— Я знаю, потому что общался с победителем конкурса, — важно заявил Чарли. — Вернее, с победительницей. Ее зовут Аманда Год. Она из Ричмонда, штат Виргиния, это недалеко отсюда. Мама познакомила нас в прошлом году в библиотеке.

Тут Чарли расплылся в улыбке. Возможно, он вспомнил обстоятельства встречи с Амандой Год, или нечто забавное, что произошло тогда между ними, или какую-то смешную вещь, которую она сказала.

Джо продолжал размышлять над загадочным «пародонтозом».

— Не собираюсь тут возиться с разными дурацкими словами, — произнес он наконец.

— Ничего оно не дурацкое, — возразил Чарли.

— Ты что-то сказал?

— Ладно, проехали.

Внезапно в дверь постучали. Джо и Чарли переглянулись.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Джо.

— Нет.

— Может, слесаря или водопроводчика?

— Не знаю. Может.

— Так да или нет?

— Сказал же, не знаю. Мне всего восемь.

— Ну, для восьмилетки ты больно умен. Просто не по годам, — заметил Джо в надежде, что лесть разговорит Чарли. — Ты не слышал, как мать или бабушка вызывали кого-то на дом?

— Может.

— Может, да? Или, может, нет?

— Может, просто не помню.

Джо был готов застрелиться. Щенок разбирается чуть ли не в ядерной физике, а запомнить простые практические вещи не в состоянии.

В дверь постучали снова.

— Не двигайся, — приказал Джо мальчику.

Пригибаясь, он подкрался к окну слева от входной двери и осторожно выглянул из-за занавески.

В тусклом свете он разглядел мужчину в темно-синем спортивном костюме, стоявшего на крыльце. Шести футов роста, не меньше, на носу круглые очки в тонкой золотой оправе. Курчавые каштановые волосы, пухлые щеки в оспинах — он произвел на Джо впечатление человека совершенно безобидного. Мало того, в одной руке он держал изрядно потрепанный кожаный чемоданчик, а в другой — пластиковый стакан с соком. Точно, слесарь. Но лучше соблюсти некоторые меры предосторожности.

— Вот что, Чарли. Сейчас ты откроешь дверь и скажешь этому парню, что бабушка заболела, а потому все работы по дому отменяются. Пусть приходит в другое время. — Джо произнес это тоном, не терпящим возражений.

— А если он увидит бабушку Роуз? — спросил Чарли.

— Если самую малость приоткроешь дверь, то не увидит, — сказал Джо. — Не впускай его в дом, понял?

— Да.

— Правда?

— Не впускаю, обещаю, — сказал Чарли и направился к двери.

Тут в нее снова забарабанили. На этот раз — крайне нетерпеливо.

Чарли взялся за дверную ручку.

— погоди! — прошипел Джо. — Закрой на цепочку!

— Понял, — кивнул Чарли, приподнялся на цыпочках и накинул цепочку.

А потом без колебаний отворил дверь.

Стэнли Гласс вопросов не задавал. Иногда ему казалось, что он был таким с самого детства, — может, оттого, что монахини из католической школы больно и часто лупили его по рукам линейкой, когда ему не удавалось ответить на их вопросы. А может, причиной тому родители, неустанно твердившие, чтобы он вел себя тихо, сидел в своей комнате, не высовывался и не нарывался на неприятности. Словом, чтобы его не было видно и слышно. Порой же он думал, что это стало привычкой в армии, благодаря жестокости сержанта, нещадно бившего его на плацу всякий раз, когда у него не получалось правильно выполнить приказ.

Что ж, может быть.

Теперь все это не имело значения. Теперь его любили. И боялись. А все потому, что он точно и аккуратно исполнял то, о чем его просили.

— Вы готовы сделать заказ, сэр?

— Еще нет, — ответил Стэнли, не отрывая глаз от меня на стене.

Зазвонил мобильный. Текстовое сообщение. Он не стал обращать на него внимания. Предстояло куда более важное дело. Выбрать. Но что? Энергетический напиток? Мохито? Или коктейль?.. И как насчет витаминной добавки? Телефон запищал снова. Он вытряхнул его из кармана.

— Прошу прощения, — сказал он девушке за стойкой и прочел следующий текст: «Бен молчит. м. б. проблемы. иди в дом. полная зачистка».

Полная зачистка.

Вот уже несколько месяцев он не проводил полную зачистку. Хорошо, что все оборудование под рукой — в багажнике «вольво». Перчатки. Пакеты. Пилы. Вроде бы все на месте.

— Сэр? Пожалуйста! У нас целая очередь собралась. Ага. Он понял, чего не хватает. Одной вещи.

— Сэр?..

Конечно, придется ждать, пока приготовят коктейль. А ведь он отстоял в очереди минут двадцать, достаточно много для занятого человека.

— Сэр? Вы извините, но хвост тянется уже с улицы. Мне нужно принять у вас заказ.

Стэнли нахмурился и вышел из очереди. Обидно, он стоял уже у самой кассы. Так близко. Но работу следует выполнять немедленно. Потерянное время означает плохо сделанную работу, а такого он допустить не мог.

На улице он увидел мужчину. Тот с помощью соломинки снимал бумажную крышку со стаканчика.

— Простите, — обратился Стэнли, — у вас какой сок?

— Называется «Традиционный», — ответил мужчина, явно польщенный таким вниманием.

Он приоткрыл рот и потянулся соломинкой к стаканчику.

— А какая витаминная добавка? — спросил Стэнли.

Соломинка замерла в дюйме от губ.

— Гм... Так, погодите-ка... Вообще-то уже довольно поздно, так что мне не положили бы чего-то шибко бодрящего. Я, знаете ли, частенько сюда наведываюсь... Короче, они знают мои вкусы...

— Тогда, скорее всего, «Вита». Так?

— Наверное.

Стэнли улыбнулся. Превосходно.

Он высасывал последние холодные капли из стаканчика, уже в третий раз стучась к Адамсам. От напитка с витаминной добавкой «Вита» немного пощипывало язык и ощущалось легкое онемение во рту. Стэнли забеспокоился: вдруг такие же ощущения возникнут и в желудке? С желудком у него последнее время не все в порядке. Одна надежда, что врач не запретит выпивать хотя бы по стаканчику витаминного сока в день.

Дверь приоткрылась на маленькую щелочку.

— К нам сейчас нельзя, — сказал с той стороны мальчик.

Глаза у него были странно расширены, точно он всю ночь напролет пил колу и ел засахаренный попкорн.

— Меня вызвали починить посудомоечную машину. Твоя мама звонила на неделе.

Стэнли вытащил из кармана бланк заказа и показал его мальчишке.

— Вот, контактное лицо — Эйприл Адамс. Это ведь и есть твоя мама?

Чарли кивнул.

— Но войти все равно нельзя. Бабушка больна, и мы посетителей не принимаем.

— Тебе повезло, потому что я никакой не посетитель, — ответил Стэнли и опустил пальцы на дверной косяк. — Я слесарь и пришел по вызову. Вот и все. Да твоя бабушка даже не узнает, что я у вас был.

Но Чарли не сдавался.

— Простите, — сказал он и начал закрывать дверь.

Стэнли просунул в щель локоть и напрягся, готовясь к резкому толчку. Похоже, Чарли смутился оттого, что гость никак не убирает руку.

— Я же сказал, мне очень жаль, мистер.

— Мне тоже, — ухмыльнулся Стэнли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Аэробус плыл по чернильно-синему небу, точно огромный белый кит. Большинство пассажиров мирно спало, погрузившись в дремоту благодаря смеси мелатонина* и алкоголя. Несколько бодрствующих смотрели какой-то второсортный, не заслуживающий внимания фильм. Парочка влюбленных шепотом, но жарко спорила, сколько официантов должно обслуживать их свадьбу: девушка настаивала на семи, молодой человек уверял, что и трех более чем достаточно.

Август уже хотел было вмешаться и уговорить их сойтись на пяти, но тут самолет опять затрясло.

Ни один из спящих не проснулся. Ни один из кинолюбителей даже глазом не моргнул. Самолет болтало на протяжении почти всего полета, и, подобно опытным мореходам, привыкшим к штормам и высоким волнам, пассажиры решили отбросить тревоги и просто дотерпеть до конца этого сурового испытания.

Август понимал: шансов, что аэробус упадет и разобьется, мало. Он покосился на Ксандру и прикинул, каковы его шансы на победу в сложившейся ситуации.

— Позвони жене еще раз, — предложила Ксандра.

* Мелатонин принимается в таблетках для корректировки «внутренних часов», чтобы облегчить засыпание при длительных путешествиях.

— Она сказала, что сама позвонит, как только достанет Библию Гутенберга и сможет прислать нам иллюстрации по электронной почте, — ответил Август. — Поверь, моя жена не из тех, кто забывает о своих обещаниях.

Ксандра достала телефон.

— Звони!

Прежде чем взять мобильный, Август с хрустом размял суставы пальцев, затем шею. Уверенность его возрастала, когда он вел себя так, словно не был пешкой в ее игре.

Он набрал номер. Телефон звонил, но Эйприл не отвечала.

— Возможно, она как раз выбирается из здания, — заметил Август. — Это, знаешь ли, тот еще фокус — выйти из Библиотеки Конгресса, унося с собой Библию Гутенберга так, будто это «Маятник Фуко».

— Милое сравнение. Думаешь, я не знаю, что это за книга? — фыркнула Ксандра. — Я читала «Маятник Фуко». По-моему, жуткая скукотища.

— Моей бывшей тоже не понравилось, — сказал Август. — Разумеется, обе вы заблуждаетесь. Просто это выше вашего понимания.

— Прости? Ты считаешь, мне не дано оценить интеллектуальный детектив, потому что я женщина?

— Я совсем не это имел в виду.

— Ну конечно. — Ксандра саркастически скривила полные губы. — Вот на маятнике и советую сосредоточиться. Лично твой с каждой минутой опускается все ниже.

Дважды чирикнул телефон.

— Сообщение, — сказала Ксандра и отобрала мобильный у Августа.

Она взглянула на дисплей.

— В библиотеке проблемы. Твоя бывшая просит еще один час.

Холодок пробежал по спине Августа. Ксандра не из тех, кто делает одолжения.

— Всего один, — произнес он. — Ты должна дать ей время. Так будет честно.

— С каких это пор мы говорим о честности?

Ее слова утонули в грохоте, самолет опять начало швырять из стороны в сторону. Ксандра ухватила за спинку кресла впереди, и в ее глазах Август уловил страх.

— Тогда что ты собираешься делать? Убить моего сына? Вообразила, что после этого я стану тебе помогать?

Лицо Ксандры выражало полное безразличие, однако слушать она не перестала.

— Моя помощь целиком зависит от одного условия — моя семья должна остаться целой и невредимой, — твердо заявил Август.

Он понимал, Ксандре это не понравится, но, возможно, заставит ее мыслить рационально.

— Один час, — кивнула она. — За это время ты сможешь расшифровать рисунки из своего экземпляра Библии.

Август вздрогнул. Этого он никак не ожидал.

— Тут есть одна небольшая проблема, — сказал он.

— Какая же?

— Библия не при мне, — произнес он и едва удержался от торжествующей улыбки, хотя заявлять подобное было небезопасно.

— Как — не при тебе? — воскликнула Ксандра. — Я видела, ты шел к самолету с большим металлическим кейсом.

— Мне и самому хотелось бы, чтобы она была здесь, — невозмутимо заметил Август. — А в кейсе нет ничего, кроме грязного белья.

— Тогда где же она?

По тому, как напряженно звучал ее голос, Август понял: это совершенно неожиданные для нее новости, могущие разрушить тщательно подготовленный план. Он подумал, не стоит ли сказать, что Библия осталась в Германии, но тут же решил, что не стоит — ведь тогда она наверняка велит прикончить Чарли.

— Я сдал ее в багаж, — ответил он.

— Сдал в багаж...

— Да.

Она не сводила с него сверлящего взгляда.

— Не верю. Это слишком рискованно.

Да, рискованно, но потому он и остановился на этом варианте. Какому вору придет в голову, что он запихнет драгоценную книгу в кучу измятых домашних вещей, да еще завернет в бумагу со штампом «Копия коллекционного издания»?

— Тем не менее так оно и есть.

Ксандра молчала, и это испугало Августа. Было непонятно — то ли она сейчас расхохочется, то ли набросится на него и выпарапает глаза. Однако она не сделала ни того ни другого — сидела, откинувшись на спинку кресла. Потом она несколько раз глубоко вздохнула. Август подумал, что ему крупно повезло: наверняка Ксандра на протяжении нескольких лет посещала психотерапевта.

— Тогда, полагаю, ты должен сходить за ней и принести сюда, — сказала она таким тихим и спокойным голосом, что он еле расслышал.

— Сходить и принести? — изумился Август. — Но ведь книга в багажном отсеке! А пассажиров, насколько мне известно, туда не пускают.

— Увертки, отговорки, — пробормотала Ксандра и закинула ногу на ногу. — Похоже, ни ты, ни твоя бывшая не любите решать вами же созданные проблемы?

Август сделал паузу.

— Я никак не могу ее принести, — сказал он наконец.

— Ты же супермен, забыл? — насмешливо спросила Ксандра.

Она придвинулась ближе.

— Это необходимо сделать ради Чарли.

Еще ближе.

— Думаю, ты понимаешь.

Август ощущал тепло ее тела, настолько рядом сидела теперь эта женщина. Сердце у него вдруг забилося чаще. Он чувствовал запах ее духов, такой бодрящий и пьянящий одновременно...

— А ну, отвали, — сказал он и резко поднялся из кресла, а потом неуклюже выбрался в проход.

— Не забудь принести мою книгу, — сладким голосом произнесла она. — «Маятник Фуко», помнишь?

Август неверной походкой двинулся по проходу, то и дело хватаясь за подголовники кресел. Самолет бросало из стороны в сторону.

Навстречу ему вышла стюардесса, преградив путь в носовую часть.

— Сэр? Сэр! Куда вы? — воскликнула она. — Вы не слышали объявления, что все должны оставаться на своих местах? До тех пор, пока мы не выйдем из зоны турбулентности...

— Турбулентность? Вот как? — с недоуменным видом произнес Август, раздумывая, что делать дальше.

Он посмотрел вперед и увидел в двух рядах от себя мальчика рядом с дедушкой, которому он помог. Возникла идея. Август обернулся к стюардессе.

— Простите... Дженис. — Он прочел ее имя на бейджике. — Просто думал проведать своего нового друга, того, которого ранили.

— А, ясно... Вы молодец, храбрый парень. Ваш друг в полном порядке. Среди пассажиров нашелся врач, который время от времени проверяет, как его здоровье.

— Но мне бы очень хотелось перекинуться с ним парой слов, — сказал Август и изобразил улыбку. — Кресло рядом с ним свободно. Как только сяду, тут же пристегнусь, обещаю.

Стюардесса выразительно закатила глаза.

— Все вы, мужчины, одинаковы, — вздохнула она. — Наверняка ущипнете меня, пока будете протискиваться.

И она отошла в сторону, чтобы Август мог пройти к ряду, где сидели дед и внук.

Август быстро проскользнул и сел у окна, стараясь не потревожить старика, который лежал, откинувшись в кресле, с холодным компрессом на голове. Под неусыпным наблюдением Дженис Август тут же застегнул ремень безопасности.

— И присмотрите, чтобы мальчик не покидал свое место, — велела стюардесса и направилась в носовую часть самолета, для равновесия хватаясь за спинки кресел.

Август выждал, пока она удалится на достаточное расстояние, и обратился к внуку.

— Привет, — сказал он. — Помнишь меня?

— Конечно, — кивнул мальчик. — Вы помогли моему дедушке.

Август улыбнулся.

— Ну, как он?

— Да вроде нормально. Ему дали какие-то лекарства. Поэтому он, наверное, долго спит. Но все равно лучше так, чем умереть.

— Это уж точно. — Август не мог не согласиться с простой детской логикой.

Он протянул руку:

— Давай знакомиться. Я Август. А ты?

— А я Клейтон. — И мальчик уверенно шлепнул пятерней по протянутой ладони.

— Вот что, Клейтон, хотел кое о чем тебя спросить, — начал Август, окидывая внимательным взглядом испачканную кетчупом футболку, бежевые камуфляжные штаны и высокие черные ботинки на шнуровке. — Назови свою самую любимую в мире вещь.

Клейтон не колебался ни секунды.

— Тигровые акулы.

Август надеялся услышать более незамысловатый ответ, к примеру мороженое или жвачка.

— Тигровые акулы, говоришь? Круто! Знаешь, мне тоже нравятся тигровые акулы.

— Это не то чтобы тигры, — уточнил Клейтон, озабоченно приподняв брови, точно боялся, что новый друг поймет его неправильно. — Просто такой особый вид акул.

— И зубы у них, небось, здоровенные?

— Еще какие! — воскликнул мальчик и грозно ощерился.

Август покосился на старика — лишний раз удостовериться, что тот крепко спит. Затем он снова обернулся к мальчику.

— Что скажешь, если я добуду тебе тигровую акулу?

Клейтон скептически скрестил руки на груди.

— Прямо сейчас?

— Ну, не прямо сейчас, тигровые акулы, они, знаешь ли, летать не любят. Придется подождать до приземления.

— Ты что, правда сможешь достать тигровую акулу? — спросил Клейтон.

Август примолк. Уж очень не хотелось лгать ребенку. Но если повернуть беседу в нужное русло...

— Да, — ответил он. — Почти уверен, что смогу. Но прежде ты должен мне помочь.

Клейтон даже не стал слушать, в чем заключается просьба и как именно он должен помочь.

— Договорились, — сказал он и снова шлепнул пятерней по ладони Августа, будто они только что заключили невероятно выгодную сделку.

Август ответил крепким рукопожатием.

— Но сперва выслушай меня, очень внимательно, — тихим шепотом произнес он.

Дженис как раз пересчитывала в тележке бутылки с газированной и негазированной водой, когда из салона донесся первый крик.

— Что я только что сказала? Двадцать две или двадцать три? — спросила она у Теда Хартмана, который отвечал за пакетики с арахисом.

— Слышала?..

— Двадцать две или двадцать три? Неужели опять сбилась? Господи, до чего не хочется пересчитывать заново!

Снова крик.

— Лучше пойдй проверь, что там, — посоветовал Тед, стараясь не рассыпать пригоршню маленьких пакетиков.

Дженис окинула его гневно-укоризненным взглядом и всплеснула руками.

— Так и знала, что собьюсь! Теперь придется пересчитывать.

Она раздернула шторы — задернуты они были чуть раньше, чтобы хоть немного отдохнуть от надоедливых пассажиров, — и направилась на шум. Теперь она поняла: кричал ребенок. Дженис слегка замедлила шаг. На-

верное, ничего страшного, уронил под кресло любимую игрушку и не может достать.

Но тут раздался такой пронзительный вопль, что в его сторону повернулась добрая сотня глаз.

— Иду! — воскликнула стюардесса в надежде, что мальчишка наконец заткнется и пассажиры поймут, что она держит ситуацию под контролем.

Крик перешел в истерический визг. Люди вскакивали с кресел с перепуганными лицами.

— Всем оставаться на местах! Да сядьте же вы наконец! — скомандовала Дженис и замахала руками.

Пассажиры вернулись в кресла. Стюардесса завела руку за голову, удостовериться, что резинка, перехватывавшая ее густые каштановые волосы, на месте и прическа — конский хвост — в порядке. Однажды какой-то маленький мальчик впился ей в волосы и вырвал изрядный клочок — за то, что она нечаянно пролила колу ему на колени. С тех пор Дженис предпочитала не рисковать.

— Кажется, у него сердечный приступ! — сказал один из пассажиров.

Тут Дженис испугалась — похоже, она недооценила ситуацию.

— Пропустите меня, пожалуйста! — воскликнула она и бросилась вперед по проходу.

Самолет затрясло, и она потеряла бы равновесие, если бы не рука помощи, протянутая каким-то бизнесменом. Он подхватил ее под локоток и, снимая наушники, спросил:

— Не могли бы вы принести мне джин-тоник?

— Но, сэр, заказы на напитки будут приниматься позже.

— Я должен ждать? Но мне всего-то и надо...

— Позже. Сэр. Пожалуйста. У нас на борту чрезвычайное происшествие, так что напитками займемся по-

том, — строго произнесла Дженис, вырвала руку и продолжила путь по проходу. — Позвольте напомнить, господа, — добавила она, — что знак «пристегнуть ремни» еще не погашен. Так что всем быстро занять свои места и сидеть спокойно, иначе вас оштрафуют.

Предупреждение подействовало, все сели.

Наконец Дженис добралась до эпицентра драмы и поняла, что кричал мальчишка, внук пожилого господина, того, которого ранили.

— Что происходит? — спросила она.

— Кажется, он умер, — пробормотал мальчик, крепко обнимая деда за плечи.

Слезы градом катились по его щекам.

Дженис взглянула на старика. Лицо его покрывала смертельная бледность, рот был приоткрыт и немного перекошен. Если бы спросили ее мнение, она пришла бы к тому же выводу, что и мальчик. Дженис протянула руку пощупать пульс, но внук резко оттолкнул ее.

— Оставьте его в покое! — взвизгнул он. — Вы же не доктор!

— Я пытаюсь помочь, маленький ты негодяй! — возмутилась Дженис и тут же пожалела о своих грубых словах. — Просто хочу помочь тебе, — уже мягче добавила она и огляделась: заметили ли пассажиры, как она старается сгладить ситуацию.

По проходу с двух сторон спешили ей на помощь другие стюарды и стюардессы.

— Что происходит? — спросил подбежавший Тед.

— Где мужчина, который сидел здесь?

— По-моему, вышел в туалет.

— Приведи врача, — попросила Дженис.

Она разогнала зевак, заткнула уши, чтобы не слышать пронзительных криков мальчишки, и наконец увидела, как к ним подходит доктор.

— Малыш, — сказала Дженис Клейтону, — врач уже здесь. Так что пересядь, чтобы она могла спокойно осмотреть твоего дедушку. И помолчи. Договорились?

— Договорились, — кивнул мальчик и отпустил деда.

Он спокойно сел, улыбаясь во весь рот. Grimаса страха и отчаяния, только что искажавшая его лицо, волшебным образом исчезла.

Дженис почувствовала себя обманутой.

Женщина-врач взяла мужчину за руку и стала прощупывать пульс.

Пассажиры затаили дыхание, ожидая приговора специалиста. Дженис схватилась за голову. Она чувствовала: старик мертв. Теперь им предстоит проделать остаток пути с покойником на борту.

— Он жив, — с некоторым удивлением объявила врач, и все вокруг дружно ахнули.

— Правда? — осторожно осведомилась Дженис.

— Проверьте сами, — пожала плечами врач и вложила запястье больного в руку Дженис.

Стюардессы и стюарды тотчас разошлись, а на Дженис устремились со всех сторон удивленно-укоризненные взгляды. Никто не собирался прощать ей невежливое обращение с маленьким мальчиком.

— Он на меня плюнул, — солгала Дженис и поспешила скрыться за шторкой.

Август пробрался в хвостовой отсек самолета, когда в салоне раздался первый пронзительный крик Клейтона. Он остановился у занятой кем-то туалетной кабинки, ощущая, как его снедает нетерпение, потом посторонился, пропуская спешивших на выручку стюардесс. И как только он увидел, что те отошли на безопасное расстояние, шмыгнул в их каморку и задернул за собой шторку.

Клейтон издал очередной пронзительный крик, потом заверещал, а потом... плачет он там, что ли? Мальчишка оказался куда лучшим актером, чем Август предполагал.

Он начал осматривать пол в поисках люка, через который можно было попасть в багажное отделение. Люк нашелся быстро. Август приподнял тоненький коврик и увидел две металлические задвижки. Он начал отпирать первую и тут услышал, как отворилась дверь туалета. Что, если в туалет заходила стюардесса? Что, если сейчас она откинет шторку и застигнет его за столь неблагоприятным занятием?..

Дверь туалета захлопнулась. Кто-то подо двинулся вплотную к шторке, и сердце у Августа ушло в пятки. Он судорожно пытался придумать какую-нибудь отговорку. Да, точно! Он скажет, что в багажном отделении у него собака и ее надо срочно выгулять. Нет, глупость какая! Ничего лучше не изобрести?..

Но искать другое объяснение не пришлось. Человек ушел, и Август перевел дух.

Он не стал тратить времени даром, быстро отпер обе задвижки, взялся за ручки и стал приподнимать крышку люка. Она не сдвинулась с места. Август приложил силу. Люк не поддавался.

Из салона доносились возбужденные голоса, спор между Клейтоном и другими пассажирами (или стюардами?) продолжался. Впрочем, мальчишке долго не продержаться. Как только они поймут, что старик живехонек, заговор раскроется.

Август снова ухватился за крышку люка и только тут понял, почему не удастся ее открыть. Под каждой из двух ручек виднелись крохотные замочные скважины. Но где же ключ?

Наверняка у одной из стюардесс.

Август обхватил руками голову и потер виски.

Думай. Думай! Думай!

Он оглядел каморку в поисках места, где может храниться запасной ключ. Он начал выдвигать ящики, шарить в навесных шкафчиках, даже тележку для напитков осмотрел, но не нашел ничего. Август уже готов был сдаться, как вдруг увидел: что-то торчит из-за маленького откидного сиденья у стены. Он наклонился, опустил сиденье и увидел ярко-желтую сумочку.

Клейтон молчал уже с минуту, и в любой момент сюда могли войти стюардессы. Август поспешно расстегнул молнию на сумочке и начал шарить в ней. Губная помада, губная помада, губная помада — господи, какая палитра нужна одной девушке для подкрашивания губ? — небольшой розовый кошелек, спрей для полости рта с ванильным ароматом, проездной на нью-йоркское метро, цепочка с кроличьей лапкой и на ней... ключи!

Август закрыл сумочку, бросил ее обратно на откидное сиденье и опустился на колени. На цепочке было с десяток ключей, но лишь три или четыре выглядели достаточно маленькими, чтоб подойти к люку.

Он попробовал первый.

Второй.

Третий.

Из-за шторы донеслись голоса. Должно быть, Клейтон окончательно выдохся.

Август вставил четвертый ключик в замок и повернул. Щелк! Люк открылся. Он приподнял его и заглянул в багажное отделение. Там царил непроницаемая тьма. Боковым зрением он заметил, как чья-то рука взялась за край шторы и вот-вот отдернет ее.

В голове промелькнуло: удастся ли найти обратный путь, если он все-таки попадет в багажный отсек?

Но времени на раздумья не оставалось.

Шторка отодвинулась на дюйм. Август услышал, как стюардессы обсуждают с кем-то из пассажиров крикливого мальчишку и его дедушку, который, как оказалось, не умер. Он быстро проскользнул в люк, прикрыв его за собой, и услышал, как шлепнулся на место коврик. Через секунду над головой раздались шаги. Слов он не разбирал, но по тону догадался: стюардессы расспрашивают друг друга о чем-то. Судя по звуку, опустилось откидное сиденье. Возбужденные голоса продолжали переговариваться.

Август внутренне сжался. Он сообразил, что оставил ключик в замочной скважине. Над головой послышался шелест отодвигаемого коврика. Люк дрогнул и приподнялся. Август метнулся в сторону, спрятался между двумя грудями уложенных друг на друга чемоданов и сумок. Он едва успел убрать из прохода ноги, как в отверстии показалась чья-то голова.

— Ну, видно что-нибудь? — спросил женский голос.

— Да ни черта тут не разглядишь, — ответил стюард и начал водить карманным фонариком из стороны в сторону.

Август наблюдал, как луч медленно проплыл по полу, по горам багажа и стенам. И слишком поздно заметил, что его нога в ботинке попала в пятно света. На секунду ему показалось, что луч насквозь прожигает подошву.

— Ты уверена, что не оставляла ключ в замке? — спросил парень с фонариком. — Слышал, вы с Тедом спустились в это укромное местечко.

— Что?! — возмутилась женщина.

— Просто повторил, что слышал! — рявкнул в ответ мужчина.

Голова исчезла, крышка люка захлопнулась.

Август решил, что ему удалось избежать худшего. Встал, с хрустом потянулся. Теперь предстояло найти Библию Гутенберга.

— Везучий я парень, — произнес он вслух, чтобы прибавить себе уверенности.

А потом похолодел: сверху донесся новый звук — повернулся ключ в замочной скважине.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Норман устроился работать в библиотеку, чтобы избежать неприятностей. Таков был изначальный замысел его жены. Она немало ночей провела без сна, воображая, что ее муж-полицейский лежит где-нибудь мертвый в канаве. Библиотека — тихое спокойное место, и самый страшный зверь, что здесь водится, это книжный червь, а ему далеко до наркоторговцев. Книги — неотъемлемая часть уютной и комфортной жизни, и временами Норман нехотя признавался себе, что работать в библиотеке ему по-настоящему нравилось.

«Тогда что я здесь делаю?» — размышлял он, осторожно спускаясь по ступенькам к отрубленной руке. Безумие какое-то!

Металлический визг дрели, которой пытались вскрыть сейф, все еще доносился снизу.

«Интересно, — подумал Норман, — сколько пройдет времени, прежде чем взломщики обнаружат, что ломают не в то хранилище?..»

Он спустился еще на две ступеньки и взглянул на то, что лежало у подножия лестницы. Рука казалась ненастоящей. Она походила на муляж из фильма ужасов, вроде тех, которыми торгуют в магазинах товаров для шутиков. Он так настроился на то, что обязан подобрать этот жуткий предмет, что не подумал, как не оказаться при

этом на виду у взломщиков. Единственный шанс — если все они будут стоять к нему спиной.

Норман осторожно выглянул из-за угла. На секунду показалось, что ему повезло. Он увидел двоих мужчин, прилежно высверливающих дрелью замок одной из стальных дверей, что тянулись вдоль всей стены. Под ногами у них валялось с десяток ценнейших книг, вытащенных из других сейфов. Норман даже поморщился при мысли о том, какой ущерб нанесен библиотечным сокровищам.

Внезапно дрель замолкла. Норман увидел, как один из взломщиков положил ее на пол и потянул на себя дверцу сейфа. Второй торопливо сунул туда руку и извлек толстенный том в коричневой обложке, весивший, должно быть, не меньше сорока фунтов. И тут же, поняв, что это не то, злобно швырнул его на пол.

Дрель взвыла снова.

Норман опустился на колени, вполз в освещенный квадрат перед открытой дверью и, не медля ни секунды, схватил отрубленную руку доктора Уинтера. Во время этого броска, достойного лучшего представителя ВМФ, он совершенно не колебался. Его заботило другое: как бы убраться отсюда, оставшись незамеченным. Но едва он скрылся в тени, как к горлу подкатила тошнота.

Звук дрели стих.

— Ты что это делаешь? — крикнул один из федералов.

Тошнота тут же сменилась страхом. Норман вскочил и сломя голову бросился наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Он слышал за спиной топот ног — взломщики кинулись вдогонку. А потом ему в лицо полетели куски отколовшейся штукатурки — это один из преследователей открыл огонь. К счастью, пули угодили в стену.

Норман пересек площадку и метнулся ко второй лестнице.

— Лови! — крикнул он Эйприл и швырнул ей отрубленную руку доктора Уинтера.

Эйприл взвизгнула, ужасный предмет отлетел от ее протянутых рук.

— Ты чего?!

— Открой дверь! — крикнул Норман, продолжая бежать по лестнице. — За нами гонятся!

Эйприл послушно подобрала руку с пола и приложила ее к светящейся панели. Дверь начала отворяться как раз в тот момент, когда Норман добежал до площадки, и оба они нырнули в образовавшуюся щель.

Тут же от пола за дверью скрикошетило несколько пуль.

— Да закрывай же! — заорал Норман.

Эйприл уже жала на кнопку, как вдруг Норман понял, что она совершила роковую ошибку. Рука доктора Уинтера по-прежнему валялась на полу в коридоре.

— Да оставь ты ее!

Но Норман растянулся на полу и успел буквально в последнюю секунду выхватить руку доктора Уинтера из закрывающейся двери.

Пули с визгом ударили в металлическую дверную панель, а через несколько секунд послышались страшные ругательства.

— Не уверена, что дверь долго продержится, — заметила Эйприл. — Нам лучше поспешить.

Подбежав к противоположной стене, она запустила пальцы за воротник блейзера и достала тонкую цепочку с ключом. Она вставила его в замок и стала поворачивать по часовой стрелке до тех пор, пока не послышался тихий щелчок.

В дверь с грохотом били кулаками.

Эйприл улыбнулась.

— Мы с тобой, можно сказать, везунчики.

Норман сунул руку доктора Уинтера в карман пиджака.

— Отрезанные руки, за нами гонятся и стреляют из пистолетов какие-то типы... Это ты называешь везением?

— Дело в том, что они, судя по всему, видели лишь план здания Джефферсона, а это только часть Библиотеки Конгресса.

Она запустила руку в открытый сейф и достала большой деревянный ящик. Он был сделан из гладко отполированного дерева и блестел, точно омытый водой камень. Эйприл развязала тонкий кожаный шнур и приподняла крышку — в ящике лежала чудесная Библия Гутенберга, целая и невредимая, точно хранилась здесь все пять столетий своего существования.

— Если б они просмотрели планы зданий Адамса или Мэдисона, то поняли бы, что подземные туннели связывают их со зданием Джефферсона и туда можно попасть через это хранилище, — сказала Эйприл.

Она вынула Библию Гутенберга из обитого бархатом ящика и положила на один из стальных столов. Потом расстегнула блейзер, сняла его, бережно обернула Библию мягкой тканью и завязала узлом рукава.

— Кто-то активно посещает тренажерный зал, — заметил Норман.

Он впервые видел Эйприл в обтягивающей футболке и не мог не отметить, насколько стройная и крепкая у нее фигура.

Эйприл покраснела.

— Нет, это пример того, что значит быть хорошей мамочкой, — сказала она. — Иногда я называю сына своим личным тренером.

Она взглянула на завернутую в блейзер Библию. Ткань туго натянулась и едва прикрывала драгоценную книгу.

— Мне понадобится твоя рубашка.

Норман снял пиджак, расстегнул пуговицы, снял рубашку и протянул ей.

— Ты тоже в неплохой форме, — улыбнулась Эйприл.

Она разорвала рубашку пополам и обернула Библию с противоположных углов.

— Рад стараться, — пробормотал в ответ Норман и надел пиджак прямо на майку с темной полосой пота по середине.

Стук в дверь становился все громче и настойчивей. Теперь федералы использовали какой-то тяжелый предмет — скорее всего, огнетушитель, подумал Норман. И на верняка привели его в полную негодность.

Эйприл осторожно взяла узел с Библией и перебросила через плечо. Потом она отодвинула стол — в полу под ним оказался люк.

— Даже у тайных ходов есть свои самые потайные тропы, — шутливо заметил Норман.

— До изобретения всех этих ультрасовременных и высокотехнологичных средств защиты потайные коридоры и проходы служили основной линией обороны, — ответила Эйприл.

Они приподняли тяже тую крышку люка и скользнули вниз. Эйприл первой залезла в почти вертикальный туннель и начала спускаться, цепляясь за металлические скобы. Она старалась двигаться как можно быстрее. Норман отправился следом, предварительно опустив за собой крышку люка. Он все еще слышал, как колотят в дверь. А потом раздался новый звук — визг дрели.

— Живее! — крикнул Норман.

— Я уже почти внизу, — откликнулась Эйприл.

— Тут глубоко? Ни черта не видно!

— Давай спускайся. Уже близко.

Норману оставалось всего несколько ярдов до дна колодца, когда узкую шахту неожиданно залил свет. Спер-

ва он обрадовался, что можно оглядеться, но затем услышал, как над головой засвистели пули, и радость сменилась страхом. Увидев, что находится почти у самого пола, он тяжело спрыгнул и перекатился на бок.

— Ты в порядке? — Эйприл подбежала и стала вытаскивать его из-под огня.

Перед глазами у Нормана плыли круги.

— В полном, — пробормотал он и потряхнул головой. — Ты беги. Не задерживайся из-за меня.

Они бросились по длинному извилистому коридору и через несколько сотен ярдов увидели, что он кончается тупиком, упираясь в сплошную бетонную стену.

— Ты уверена, что выбрала правильное направление? — спросил Норман.

Он снял с пояса фонарик и начал осматривать преграду.

Подошла Эйприл, постучала кулачком по стене.

— Туннель должен продолжаться по ту сторону.

— Должен? Ты что, никогда здесь не была?..

— Смеешься? Зачем девушке лазить в такое жуткое место?

Она простукивала стену до тех пор, пока звук не изменился. Эйприл нажала на эту точку ладонью, кусок стены сдвинулся, и за ним открылась очередная светящаяся панель-сканер. Норман сразу все понял и, достав из кармана руку доктора Уинтера, приложил ее к панели. Сканер замигал, в стене открылся выход, и куски бетона осыпались на пол.

Позади в проходе послышались гулкие шаги.

— Куда ведет эта дверь? — спросил он, не слишком, впрочем, стремясь получить ответ, поскольку по пятам их преследовали парни, готовые стрелять на поражение.

— Точно не знаю, — неуверенно ответила Эйприл и заглянула в отверстие.

Потянуло сквозняком, послышался нарастающий грохот, и ответ стал ясен. Мимо, сверкая огнями, промчался поезд метро.

— Это не называется тщательным планированием, — кисло заметил Норман.

— Возможно, сто лет назад этот туннель был пуст.

— Но не сейчас.

— Нет, — согласилась Эйприл. — Не сейчас.

Шаги за спиной становились все громче. Еще несколько секунд — и на них набросятся двое вооруженных мужчин.

Мимо прогремел последний вагон. Эйприл просунула ноги в отверстие, встала на узенький выступ. Мешок с Библией лишил ее равновесия, она покачнулась, нога скользнула вниз... Секунда, и она упала бы на рельсы, но Норман успел ухватить ее за ворот.

— Да осторожней ты, черт возьми! — И он, придерживаясь за стену, помог ей встать на обе ноги.

Впереди, виляя и изгибаясь, тянулась сюрреалистическая паутина туннелей, напоминавшая кадры из научно-фантастических фильмов восьмидесятых. В отдалении туннель расширялся. Станция, наверное. Всего в одном квартале.

— Смотри! — воскликнула Эйприл, указывая на свет впереди. — Мне кажется, это «Кэпитол саус».

— Не двигаться! — грянул позади чей-то голос.

Норман обернулся и увидел две рассерженные мужские физиономии.

Эйприл схватила Нормана за руку и потянула вниз, за собой. Они спрыгнули на пути. Морщась от боли в лодыжке, которую подвернул при прыжке, Норман побежал следом за Эйприл.

Тут подземелье содрогнулось от нарастающего грохота.

— Я думала, у нас больше времени, — пробормотала Эйприл.

— Мне не успеть, — выдохнул хромающий Норман.

Эйприл схватила его за руку и потащила за собой.

— Скорей! Иначе больше не увидишь своих внуков!

— Они меня достали, — тихо ответил Норман и вырвал руку.

Позади раздался шум — двое их преследователей спрыгнули на выступ. Но выстрелов не последовало. Наверное, они с трудом удерживали равновесие и не могли прицелиться.

Поезд быстро приближался, Норман видел впереди собственную тень — яркие фары выхватывали его фигуру из тьмы.

Он собрал в кулак всю волю, все силы, страх гнал его вперед, к спасительной платформе станции. Несколько пассажиров уже заметили их, бросились вытаскивать Эйприл на платформу. Затем он услышал пронзительные вопли своих преследователей — на них налетел поезд — и крики шокированных свидетелей. Наконец раздался визг тормозов, но моментально огромному поезду не остановиться... Слишком поздно...

Эйприл уже тянула руку в надежде, что кто-то успеет вытащить ее, но ухватиться не могла.

— Давай! Быстрее! — прозвучал пронзительный голос из группы столпившихся у края платформы зевак. — Вперед! Вперед!

На секунду Эйприл показалось, что она находится на спортивном мероприятии и это болельщики подбадривают своих любимцев.

Внезапно ее схватили за руку и одним мощным рывком выбросили на платформу. Там, где только что находились ее ноги, промчался первый вагон. За ним после-

довала еще дюжина, поезд сбросил скорость и наконец остановился. Открылись двери, на платформу хлынул поток пассажиров.

— Норман! — закричала Эйприл, всматриваясь в незнакомые лица.

Сквозь толпу зевак к ней пробрался офицер полиции метрополитена.

— Пройдемте со мной, — сказал он Эйприл. — Находиться на путях противозаконно. Вы могли погибнуть!

— Где Норман? — с дрожью спросила Эйприл.

— Кто такой Норман? — удивился полицейский.

— Он бежал за мной. — Она обернулась к толпе. — Кто-нибудь помог ему?

Ответа не последовало.

— Кажется, я видел, как он упал под поезд, — прозвучал чей-то голос.

Эйприл побелела.

— Нет! Он был прямо за моей спиной!

Она побежала вдоль платформы, заглядывая под нее.

— Можно задержать отправку поезда? — спросила она офицера полиции.

— Задержать? Но не думаете же вы...

— Можно или нет?

Двери вагонов начали закрываться. Эйприл бросилась вперед, встала в дверях, и они послушно раздвинулись. Какой-то молодой человек из пассажиров крикнул ей, чтобы убиралась прочь. Из громкоговорителя слышался строгий голос, требующий отойти от дверей.

— Остановите поезд! — взмолилась Эйприл.

— Леди, вы должны выйти на платформу.

— А если он там, внизу? Живой?

— Знаете что, — сказал офицер, — лично мне кажется, что вы сбежали из сумасшедшего дома и теперь ищете приключений.

Он подошел, обнял ее за плечи и стал оттаскивать от поезда.

— Лучше пройдемте со мной, иначе вам светят нешуточные неприятности.

Но тут к Эйприл присоединилось еще несколько человек. Они молча встали и блокировали двери.

Из толпы с решительным видом вышел мужчина.

— Вы должны проверить, — заявил он полицейскому. — Что, если она права?

Офицер, по-видимому, потерял терпение.

— А ну, прочь с дороги! Разойдись!

Но никто и не подумал сдвинуться с места.

— Я сама его видела! — раздался крик.

К ним подбежала женщина в форме сотрудника метрополитена.

— Подождите, подождите! — запыхавшись, выпалила она. — Я все видела. Это ужасно! Двое погибли. А третий мужчина, постарше, упал под поезд.

Она указала на Эйприл.

— Только ей удалось спастись.

— Погодите. — Офицер достал рацию и бросил несколько слов в микрофон. Потом обернулся к Эйприл: — Только никуда не уходите. Ясно?

Эйприл кивнула.

— Я его вижу! — крикнул какой-то мужчина, стоявший ближе к концу платформы. — Я вижу этого парня!

Эйприл бросилась к группе людей, столпившихся у края платформы, и сумела разглядеть внизу Нормана. Он лежал на спине.

— Не верю, что ты жив, — прошептала она.

— Жив?.. — Он закашлялся. — Знаешь, моя жена будет разочарована. Она получила бы колоссальную страховку, до конца жизни хватило бы.

— Что ж, ей придется подождать несколько лет, — сказала Эйприл, плача и смеясь одновременно.

Находившийся между двумя вагонами Норман поднял руку.

— Вот, возьми. — Он протянул ей какой-то предмет.

Эйприл наклонилась и увидела кисть доктора Уинтера.

— Я тебя не оставлю, — заявила она.

— Со мной все будет в порядке, — успокоил он ее. — А у тебя есть более важные дела, чем возиться со стариком, застрявшим под поездом.

За спиной Эйприл слышался сердитый голос полицейского.

— Ладно, скоро увидимся, — пообещала она Норману. Тот усмехнулся.

— Хотелось бы верить.

Эйприл перехватила мешок с Библией Гутенберга, перекинула его через плечо и зашагала прочь от края платформы и нарастающего гула возбужденных голосов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Чарли отлетел назад, резко распахнувшаяся дверь ударила его прямо в грудь. Цепочка выдержала — просто удивительно, учитывая силу толчка. В щель просунулась рука и сгребла Чарли за воротник. Слесарь по имени Стэнли, если верить нагрудному бейджу, мертвой хваткой держал Чарли, подтаскивая его к щели. Прижав ребенка к дверному косяку, он наклонился и, глядя ему в глаза, начал медленно сдавливать горло.

— Сейчас я закрою дверь, чтобы ты мог снять цепочку. Ясно?

Чарли закивал, по щекам катились слезы.

Дверь затворилась почти до конца, упершись в запястье Стэнли, которое тот предусмотрительно не убрал. И Чарли, привстав на цыпочки, потянул за конец цепочки, чтобы вынуть ее из гнезда.

— А ну-ка, стоп, малыш, — прошептал над ухом голос Джо.

Он, пригнувшись, стоял между окном и дверью, с той стороны, где располагались петли. Джо начал медленно выпрямляться, но так, чтобы его не заметили в окне.

— Смотри, не высовывайся.

Чарли беззвучно шевелил губами, цепочка в руке дрожала.

— А ну, открывай! — сказал из-за двери Стэнли и еще туже затянул воротник вокруг горла Чарли.

И тут Джо всем телом навалился на дверь. Сначала послышался хруст — треснула одна из костей запястья Стэнли. Еще усилие, и она сломалась пополам, точно сухая ветка. Стэнли взвизгнул и выдернул поврежденную руку.

Джо плотно захлопнул дверь и бросился вслед за Чарли. Тот сидел в гостиной возле бабушки Роуз. Джо достал пистолет.

— Это коп? Удостоверение видел?

— Он сказал, что слесарь, — произнес Чарли сдавленным голосом. — И на бейдж у него написано «Стэнли».

Чарли поднес ингалятор ко рту, прыснул.

— Успокойся, — сказал Джо и взвел курок.

— Что ему нужно? — спросил Чарли.

— Возможно, то же, что и мне. Не знаю.

Джо не сводил глаз с входной двери. Почему парень пытался выбить ее?..

— Где у вас задняя дверь?

— На кухне, — ответил Чарли.

— Оставайся здесь.

Чарли кивнул.

Джо, пригибаясь, прокрался в кухню. Там он лег на пол и пополз, не отрывая взгляд от стеклянных панелей задней двери. Может, он ошибается. Может, тот тип давно ушел. Как-никак у него сломано запястье, а это серьезная травма. Может, он сдался.

Оконное стекло на кухне было выбито, повсюду валялись осколки. Джо сразу понял, чем его выбили — небольшим серебристым баллончиком. Он отскочил от холодильника и лежал на полу посреди кухни.

— О господи, — еле слышно простонал Джо.

Он развернулся и выбежал из кухни. За спиной раздался хлопок, помещение начало завлакивать белым дымом.

— Слезоточивый газ! — крикнул он Чарли. — Быстро наверх!

— А как же бабушка Роуз? — спросил Чарли, когда Джо начал подталкивать его к лестнице.

— Я о ней позабочусь, — ответил Джо.

Он наклонился и сгреб женщину в охапку, чтобы потом перекинуть через плечо. Она оказалась тяжелей, чем он ожидал, но при таком выбросе адреналина он не сомневался, что донесет старушку.

— Давай! Быстрее! — поторопил он Чарли.

Белый дым полз прямо на них, и глаза у Джо защипали. Чарли мчался наверх, перепрыгивая через две ступеньки, Джо поднимался следом, стараясь не отставать. Они добрались до второго этажа и вбежали в комнату Чарли. Джо опустил бабушку на кровать и выдернул из-под нее покрывало. Он плотно затворил дверь и стал затыкать покрывалом щель между дверью и полом.

— Липкая лента есть? — спросил он Чарли.

— Есть. Изоляционная, — ответил мальчик. — Использую ее для починки игрушек.

— Не время хвастаться игрушками, малыш. Тащи ее сюда, и быстро!

От нетерпения Джо даже прищелкнул пальцами. Он видел, как в комнату начали просачиваться тоненькие струйки дыма.

Чарли лихорадочно рылся в ящиках стола, пытаясь отыскать серебристый моток изоленды.

— Она точно где-то здесь! — воскликнул он в отчаянии и вывалил все содержимое ящика на пол.

В разные стороны разлетелись шарики, разрисованные под глазные яблоки, скрепки всех цветов радуги, тупые карандаши, батарейки, винтики и тысяча других мелочей. Изоленды не было.

— Быстрее! — крикнул Джо.

— Что происходит? — спросила бабушка Роуз и села на постели.

Джо и Чарли изумленно уставились на нее. Они никак не ожидали, что бабушка очнется.

— Я сказал, быстрее!

— Да ищущу я, ищущу!

— Кто-нибудь скажет мне, из-за чего весь этот переполох?

— Нашел! — воскликнул Чарли, вскинув руку с зажатым мотком изоленды.

— Кидай!

Джо поймал моток и начал со всех сторон обклеивать дверь. Лента кончилась, а он дошел только до середины правой стороны.

— Нужно еще!

Чарли порывлся в рассыпанных на полу вещах и извлек широкий деревянный меч, весь обмотанный серебряной лентой.

— Это все, что есть, — пробормотал он.

Ему явно было жаль расставаться с самодельной игрушкой.

— Давай сюда.

— Ты уверен?..

Джо вырвал игрушку у него из рук и начал срывать с нее ленту.

— Я целую неделю с ним возился, — жалобно пробормотал Чарли. — Точная копия того меча, что был в мультфильме у...

— Вот что, парень, я куплю тебе настоящий меч, если удастся выбраться из этой передраги! — сказал Джо и начал заклеивать оставшиеся щели.

— Обещаешь?

Джо не ответил. Он закончил работу над дверью и достал мобильный телефон.

— Да?..

— Ксандра, это Джо.

— Слышу. Зачем названиваешь, делать больше нечего?

— Здесь, в доме, кто-то есть.

Последовала секундная пауза. Затем Ксандра спросила:

— Кто?

— Понятия не имею. Но точно не из полиции.

— Должно быть, из ордена дракона, — предположила Ксандра, и удивление в ее голосе смешивалось с восхищением. — И сколько их?

— Один парень, — ответил Джо. — Но ведет себя не лучшим образом. Хотел уморить нас слезоточивым газом. Мы спрятались наверху, в спальне мальчишки.

— Идиот. Почему вы не ушли из дома?

Джо предвидел этот вопрос.

— Он не дал. Застиг нас во время бегства.

— Надеюсь, все живы? — спросила Ксандра.

— Пока да, — прошептал в ответ Джо и покосился на Чарли: тот утешал свою бабушку.

Только тут он впервые заметил, как похож мальчишка на младшего сына сестры. А бабушка... Кого она ему напоминает?.. Тетю?..

— Смотри, сохранить им жизнь в твоих интересах, — строго заметила Ксандра. — Особенно мальчишке. Родители парня готовы буквально на все, лишь бы спасти его.

— Что там у вас в самолете?

— Не лезь куда не просят, — огрызнулась Ксандра. — Делай то, за что тебе платят, и все будет о'кей. — И она отключилась.

Джо убрал мобильный.

— Тсс,— сказал он Чарли и бабушке Роуз, хотя те и не думали шуметь.

Он закрыл глаза и прислушался. В доме стояла мертвая тишина. Он надеялся услышать скрип половиц, тихое шарканье ботинок, щелчок взводимого курка. Ничего.

— Скажет мне кто-нибудь наконец, что происходит? — грозно спросила бабушка Роуз.

Джо подошел к постели и присел на край.

— Вы думаете, что я плохой парень? Вы ошибаетесь. Там, за дверью, парень, который гораздо хуже меня. Опаснее. И если он сюда ворвется, то поубивает нас всех.

— Но зачем кому-то убивать нас? — недоуменно спросил Чарли и взял в руки ободранный меч. — Разве я в чем-то виноват?

— Ты здесь ни при чем,— ответил Джо. — Все дело в твоих родителях.

— Это из-за того, что они развелись?

Бабушка Роуз притянула Чарли к себе.

— Нет, дорогой,— сказала она. — Это из-за того, что твой отец задолжал разным людям много денег.

Джо покачал головой.

— Ничего подобного! Зачем вы так говорите?

— Да затем, что это единственное разумное объяснение! — воскликнула бабушка Роуз. — А вот моя дочь здесь совершенно ни при чем. Она работает в библиотеке, сами понимаете!

— Может, ваша дочь не такая уж и невинная овечка,— заметил Джо.

— Не знаю, о чем вы,— отрезала бабушка Роуз. — Вы даже не заслуживаете того, чтоб... Впрочем, ладно, неважно. — Она зажала ладонями уши внука. — Не слушай его, Чарли!

— Думайте, что хотите, ваше право, — сказал Джо. В этот момент из-за двери донесся еле слышный скрип. Кто-то поднимался по лестнице.

— Это он? — шепотом спросил Чарли и задрожал всем телом.

— Тсс! — хором шикнули на него Джо и бабушка Роуз.

— Что же нам делать? — прошептала бабушка.

— Надо спрятаться. На чердаке, — ответил Джо. — Верно, Чарли?

Тот улыбнулся.

Запястье у Стэнли пульсировало от боли. Он соорудил самодельную шину из деревянных ложек и изоляционной ленты. Этот непредвиденный инцидент значительно осложнил его работу, сделал задачу трудной, зато более занимательной.

Держа в здоровой руке моток изолянт, он глядел на дверь через прорези в маске, которую надел для защиты от слезоточивого газа. Дверь сплошь покрывали наклейки с динозаврами, планетами, лунами и месяцами, пиратами, космическими кораблями — словом, обычный набор мальчишеских предметов поклонения. Разница лишь в деталях: картинки испещряли дюжины стрелок, под каждой — отдельный параграф с объяснениями. К примеру, о четырех динозаврах было написано, что они принадлежат к семейству орнитихий и что у них у всех одинаковое строение костей таза, а именно: подвздошной, седалищной и лобковой. Стэнли почувствовал сильнейшее искушение сорвать эти наклейки, чтобы завтра у него было что интересенького почитать за утренним соком в «Джамбе».

Одного удара оказалось достаточно, чтобы вышибить дверь. В комнате ни души. Что ж, неудивительно. Он знал,

они где-то здесь, в доме. Сам видел, как они мчались вверх по лестнице, перепуганные, точно котята на пожаре.

Не опуская ствол, он осмотрел комнату, заглянул под одеяло, потом — под кровать. Поискал за письменным столом и в стенном шкафу. Словом, во всех обычных местах. Люди глупы и часто прячутся именно там. Впрочем, эти более сообразительны. Но ненамного.

Тот факт, что их оказалось трое, мало его беспокоил. Первым надо прикончить взрослого мужчину, остальные двое — легкая добыча. Мальчишка и бабка? Подумаешь! Не проблема, даже со сломанным запястьем.

Проверив и убедившись, что комната пуста, Стэнли стянул маску — слезоточивый газ к тому времени полностью рассеялся. Затем он вышел в коридор и распахнул дверь напротив. Игровая комната.

Ничего себе игровая. Длинная и узкая, всю стену слева занимают битком набитые книжные шкафы. Приглядевшись, Стэнли заметил, что все книги пронумерованы. Сверху и слева направо. На каждом корешке порядковый номер: один, два, три и так далее. Вначале шли простые детские книжки с картинками. Но по мере возрастания нумерации возрастала и сложность. Тут стояли все книги о Гарри Поттере, трилогия «Властелин колец», трилогия «Хроники Нарнии», и остальные полки в шкафу были сплошь уставлены научно-фантастическими произведениями, каждое — пронумеровано. Да, не даром мать мальчишки работала в библиотеке.

Деревянный пол покрывал разноцветный ковер. Рисунки и цифры на нем подразумевали, что он используется в какой-то игре, хотя Стэнли даже приблизительно не мог определить, в какой именно. Вообще вся комната напоминала лавку детских книг и игрушек, вернее, склад. У дальней стены стояло два больших сундука под

игрушки, справа от них до потолка высилась гора коробок и ящичков. Стэнли решил, что там находятся пробирки и прочие приспособления для опытов, но еще они могли служить отличным укрытием.

Однако особенно его заинтересовал объект в центре комнаты, а именно лестница, ведущая на чердак. Стэнли даже ощутил нечто похожее на разочарование — надо же, погоня, едва успев начаться, закончилась. Очевидная ловушка. И человек, подстроивший ее, туп как пробка.

Стэнли начал медленно подниматься по лестнице. Скрип ступеней, несомненно, привлечет их внимание. Да они наверняка считают ступеньки, ждут, когда он войдет в темноту чердака. Стэнли нарочно скрипнул одной ступенькой дважды, чтоб сбить их с толку. Он любил пошутить.

Вот он оказался на верхней ступени, вровень с полом чердака. Остановился. Подождал. А потом крикнул в темноту:

— Сдавайтесь! У вас нет другого выхода! — Он с трудом сдерживал смех, произнося эти слова.

Минуту спустя он услышал, как скрипнула крышка сундука и раздался топот маленьких ног. Стэнли не видел мальчишку, стоя к нему спиной, но не сомневался, что тот подкрадывается, чтобы захлопнуть ловушку. Вот лестницу толкнули, но она устояла благодаря его, Стэнли, весу. А затем, к его удивлению, мальчишка обошел лестницу, ухватился за нижнюю ее часть и попытался опрокинуть. Видимо, он не сразу заметил, что на верхних ступеньках стоит человек.

— Привет, — вежливо сказал Стэнли. — Страшно не хотелось делать это, но... — Он поднял пистолет и прицелился в Чарли.

Внезапно он заметил, что мальчик смотрит куда-то ему за плечо. Скрипнули половицы.

Стэнли извернулся и, не выпуская из руки пистолет, резко ударил Джо по лодыжкам. Оба они полетели на пол. Стэнли согнул ноги в коленях и припечатал ими Джо с такой силой, что тот отлетел, врезался в шкаф и сверху на него посыпались книги. Джо попытался дотянуться до своего пистолета, который обронил во время падения. Стэнли поставил на него ногу.

— Только дернись, — предупредил он.

В комнате стояла мертвая тишина.

Стэнли поднял ствол и прицелился в голову Джо.

— Где бабка?

Джо медленно подошел к одному из сундуков и приоткрыл крышку. Бабушка Роуз лежала внутри в позе эмбриона.

Стэнли бросил Джо рулон изоленты.

— На, свяжи ее. Потом мальчишку.

Джо не стал спорить.

Вскоре посреди комнаты появилось два серебристых кокона.

— А теперь свяжи себя, — приказал Стэнли.

Джо озадаченно посмотрел на него.

— Не получится, — тихо ответил он.

— Тогда, наверное, придется самому, — сказал Стэнли.

Он шагнул к Джо, размахнулся и с силой ударил его по голове.

В глазах у Джо потемнело. Он упал. Бабушка Роуз и Чарли дружно вскрикнули. Стэнли поморщился — он терпеть не мог, когда верещат. Он взял две полоски ленты и залепил им рты, потом отмотал еще несколько ярдов и умело связал Джо. Наконец он по одному стащил пленников на первый этаж.

Секунду-другую он любовался беспомощностью своих жертв. Затем достал пару новеньких резиновых перчаток и надел маску с прозрачным щитком, чтобы не забрызгаться. И почувствовал, как учащенно забилося сердце в предвкушении того ужасного, что предстояло совершить.

Стэнли улыбнулся. Пришла пора отрабатывать денежки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Пробираясь в багажное отделение, Август не учел одно обстоятельство. Там оказалось холодно. Просто ужас как холодно. Можно было догадаться с самого начала. Вряд ли найдется на свете еще один тупица, осмелившийся сунуться в багажный отсек во время полета на огромной высоте.

Потом, тут было страшно темно. Единственное, чем он мог воспользоваться, чтобы хоть что-то разглядеть, это тоненьким, как карандаш, фонариком из аптечки, который Август автоматически сунул в карман после того, как помог дедушке Клейтона.

Надежда его меркла по мере того, как он пробирался через нагромождения багажа. Он изо всех сил старался сосредоточиться, внушить себе, что должен найти Библию Гутенберга, расшифровать рисунки и выбраться из этой клетки до истечения назначенного Ксандрой срока.

Груды сумок. Просто горы. Как найти Библию? Август пытался вспомнить какие-нибудь приметы, отличающие его сумку от остальных. Но ведь он специально поместил Гутенберга в самую неприметную упаковку, чтобы та смешалась с миллионом точно таких же, затерялась в бесконечном потоке сумок, сумок, сумок... Чтобы не привлекала внимания. Пристального внимания лучше избегать, этому давно научила его жизнь.

Инстинкт этот выработался благодаря частому общению с редкими книгами. Владельцы большинства Библий Гутенберга хранили их в строжайшей тайне. Те немногие университеты, которым повезло стать обладателями редких книг, держали их под замком, и, как правило, их в глаза не видели даже самые знаменитые и уважаемые профессора. То же можно было сказать и о горстке библиотек, заполучивших в свои фонды драгоценные экземпляры. Опасно доводить до сведения людей тот факт, что где-то поблизости находится предмет величайшей ценности. Только на неприятности нарываться.

Подобно университетам и библиотекам, Август изо всех сил старался избегать неприятностей. Но они его тем не менее настигли. И теперь единственное, что его заботило, это постараться избежать катастрофических последствий.

Пару секунд он размышлял о причине своей уязвимости. Чарли... Да, теперь это очевидно. Чарли — его сын. Его плоть и кровь. Но Эйприл?.. Она доставила ему немало неприятных минут. Часто проявляла себя с самой подлой стороны. Неужели она до сих пор что-то значит для него? Ладно. У него еще будет время подумать об этом. Позже.

Он перебрался через следующую грудку сумок. Думай! Если не поменять тактику, его поиски ни к чему не приведут. Должен быть какой-то способ...

Август выключил фонарик.

Закрыв глаза.

Да!..

Это то, что надо.

Он начал рыться в багаже с закрытыми глазами. Хотя с виду тряпичная сумка с Библией Гутенберга ничем не отличалась от других, у нее существовала одна особенность. В синтетические волокна была вплетена металли-

ческая нить, делающая ткань влагонепроницаемой и почти пуленепробиваемой. Такая сумка способна вынести немало испытаний, и Август специально приобрел ее с учетом того, как небрежно обращаются работники аэропортов с багажом.

Не она.

Не она.

Не она.

Он перерывал горы сумок, руки лихорадочно шарили во всех направлениях, пытаясь нащупать нужную ткань, ощутить прикосновение к стальным нитям.

Не то.

Не то.

Не... так, стоп!..

Август открыл глаза. Посветил фонариком. Есть, нашел! Он ухватился за ручку и вытянул сумку. Подумают, что сюда пробралась обезьяна и устроила весь этот бардак, сказал он себе.

Он составил вместе несколько чемоданов наподобие стола. Положив сверху сумку с Библией, он отпер замок и раздернул молнию. Узкий луч фонарика высветил книгу изумительной красоты. Он наклонился над ней и ощутил волшебный запах древних страниц. Трудно было подобрать ему название. Плесень? Нет, не совсем. И не затхлость, нет. Казалось, книга дышит. Запах старины. Да, именно. От нее пахло стариной. Той, что предполагает терпение и мудрость, качества, необходимые, чтобы пережить столетия.

Он вынул Библию Гутенберга из специального контейнера, сорвал с нее пластиковую пленку и завернул драгоценный том в свитер с эмблемой Лос-Анджелесского университета, который извлек из чужой сумки. На миг Август испытал искушение оставить записку с адресом и обещанием непременно вернуть позаимствованный на

время предмет гардероба, но решил, что не стоит. Слишком уж много на нем обязательств. Одному человеку он уже должен тигровую акулу.

Подойдя к люку, он осмотрел его, прикидывая, удастся ли вернуться тем же путем. Похоже, что нет. Но где другие выходы? Он огляделся по сторонам и ничего не обнаружил, кроме люка, через который в самолет загружается багаж. Нет, не годится. Не может же он вылезти наружу, а затем пробраться на свое место. Такое бывает только в кино.

И все равно Август не сводил глаз с люка.

Есть идея!

Он перебрался через сумки, ухватился за ручку люка и потянул на себя.

Тед почувствовал, как его похлопали по плечу.

— Да?

— В багажном отделении проблемы. Сходи и проверь, — сказала Дженис.

Лицо ее казалось встревоженным.

— А что случилось?

— Меня вызвал капитан, сказал, дверь в багажное отделение открыта.

— Дверь?..

— Ну, люк.

— Но как он мог открыться?

Дженис улыбнулась, стараясь скрыть беспокойство.

— Поэтому и нужно, чтоб ты сходил и проверил.

Они вместе отправились в хвостовой отсек самолета, не обращая внимания на многочисленные просьбы пассажиров, мимо которых проходили.

— Что происходит? — поинтересовалась одна из стюардесс, когда Тед скрылся за шторкой.

— Дженис думает, кто-то открыл люк багажного отделения, — ответил Тед, тоном давая понять, что считает ее предположение совершенно абсурдным.

— Капитан говорит, что его открыли, — с нажимом на первое слово пояснила Дженис.

— О...

— Поможете мне спуститься? — спросил Тед.

— Конечно, — ответила стюардесса и хихикнула.

Дурацкое бессмысленное задание, работа, которую поручают только новичку, занимающему самую низкую степень в иерархии обслуживающего персонала лайнера.

И вот коврик сняли, люк открыли, и все остальные стюарды и стюардессы отправились разносить пассажирам пледы, подушки и напитки.

— Дай знать, когда закончишь, — сказала последняя стюардесса и скрылась за шторкой.

Тед скользнул вниз и нащупал узкую металлическую лесенку, встроенную в стену. Он спустился, достал из кармана фонарик и посветил в разных направлениях.

Полный разгром! Что здесь произошло?

Он направил луч на люк багажного отделения. Закрыт... В рокоте моторов удалось расслышать тихое попискивание. Сигнал означал, что ручка люка не закреплена должным образом. Может, виной всему сильная турбулентность?

За спиной послышался какой-то шум. Тед резко вернулся на каблуках.

— Кто здесь? — громко спросил он, от души надеясь, что ответа не последует.

Действительно, тишина. Он подкрутил фонарик — луч стал шире — и принялся водить им из стороны в сторону, стараясь осветить как можно большее пространство.

Самолет содрогнулся. Откуда-то сверху свалилось несколько сумок. Тед почувствовал, как быстро и тревожно забилося сердце. Он осторожно приблизился к люку и закрепил ручку, опасаясь, что дверной механизм испорчен, люк неожиданно распахнется и он вылетит наружу. Но ничего подобного не произошло. Как только рукоятка встала на место, писк прекратился. Но тут в равномерном гуле моторов он различил новый звук — тихое царапанье — у себя за спиной.

— Если здесь кто-то есть, вы должны немедленно выйти! Слышите? Выходите! — крикнул он и развернулся, готовый лицом к лицу встретиться с монстром, случайно забредшим в багажное отделение.

Он слышал немало историй о животных, которым удавалось выбраться из клеток, — кошках, собаках, змеях. Один стюард даже рассказывал, будто бы из клетки освободился маленький черный медвежонок гризли и изорвал в клочья все сумки и чемоданы вокруг.

Вранье, сказал себе Тед. Обыкновенные выдумки. Вот только непонятно, почему луч фонарика мечется из стороны в сторону. Тут он заметил, как дрожат у него руки. Вранье! Ничего... никого тут нет!

Он пытался вспомнить, чему его учили на специальных курсах, которые он посещал несколько лет назад, чтоб преодолеть страх перед полетами. Смотри своим страхам в лицо, учили его. Встречай их с высоко поднятой головой. Беги навстречу своим страхам! Обними их, слейся с ними воедино! И он старался следовать этим советам. На следующий же день он подал заявление в школу стюардов.

Смотри страху в лицо!

Он так и видел свекольно-красную физиономию инструктора, который орал ему эти слова. Тед схватил фонарик обеими руками и ринулся в лабиринт багажа. Стран-

ный звук исходил откуда-то спереди и справа. Он явно приближался. Тед, щурясь, всматривался в темноту. А потом наклонился, ухватил чемодан за ручку и выставил его перед собой, точно щит.

После чего уронил чемодан, взвизгнул, как девчонка, и упал в обморок.

Ксандра пыталась сосредоточиться на книге, которая лежала у нее на коленях, и никак не могла избавиться от страха, охватывавшего ее при мысли о том, что будет, если Август не вернется. Что ей делать? Нет, такого просто не может быть. Он обязательно вернется. Не надо думать об этом.

Зазвонил телефон. Корнелиус. Она, наверное, в пятый раз взглянула в проход между креслами. Где же Август? Нет, она не может ответить на звонок, пока не будет точно знать, как складывается ситуация. Ксандра крепко сжала мобильный в руке, точно пытаясь выдавить из него жизнь. Наконец звонки прекратились.

Корнелиусу придется подождать. Он, конечно, будет недоволен, но она как-нибудь переживет это. Она могла справиться с любым мужчиной. Ведь в конечном счете ни один из них не был страшнее отца.

Ее отец.

Она была рада, что он умер. Ужасно, конечно, когда человек думает так о ком-то, особенно о родителях, но без него мир стал значительно лучше. Да Корнелиус просто святой в сравнении с отцом! Она часто задумывалась о том, почему из него получилось такое чудовище. Бежав из родительского дома, Ксандра ощутила прилив счастья. И до сих пор часто перебирала в памяти эпизоды из детства.

Трапезы проходили в тишине. Отец сидел во главе стола, они с сестрой — по обе стороны от него. Сидели и смот-

рели, как он подливает себе виски из фляги, запивая им большие куски жареного мяса. «Чего вылупились?» — кричал он, когда действие алкоголя начинало сказываться. И этот вопрос всегда являлся у него прелюдией к неконтролируемой вспышке гнева. Так и сыпались злобные упреки. В доме грязно. Еда отвратительная. Постоянно исчезают деньги. И во всем виноваты они с сестрой. Они за это заплатят!

На протяжении многих лет Ксандра старалась не винить отца. Во всяком случае, прямо, а не косвенно. Ведь он тоже страдал. Мать умерла от рака, оставив его с двумя маленькими девочками, которых надо было растить. Девочкам страшно не хватало матери. Но разве мог он возместить им эту потерю? Конечно не мог. Он очень старался, но не получалось. В результате Ксандра с сестрой отделились от него. Больше всего на свете отец страшился одиночества, вот и стал преследовать и донимать дочек, накладывая все новые запреты. Иногда им неделями не разрешалось выходить из дома. Они перестали посещать школу. И вскоре поняли, что опереться больше не на кого.

Тут и начались самые страшные их страдания.

Религия всегда играла в жизни отца важную роль. Но в сочетании с алкоголем вера превратилась в нечто чудовищное. Стала воплощенным злом. Отец бесконечно рассуждал, что Бог создал женщину, чтобы она служила и подчинялась мужчине. И если обе его дочери не научатся служить ему, рая им не видать как своих ушей. Их ждет страшная кара Господня. Угроза следовала за угрозой, и никакой святостью тут и не пахло.

Как-то раз поздно ночью Ксандра услышала из комнаты сестры громкие крики, но не бросилась ей на помощь. Она спряталась под одеяло и накрыла голову подушкой, чтобы не слышать, как ее зовут. Что она могла

сделать? Ведь отец был значительно сильнее. Даже когда он был пьяный, Ксандра не смогла бы с ним справиться. Сестра продолжала кричать. Тогда Ксандра поднялась с постели и приотворила дверь в коридор. Спальня сестры находилась напротив. Дверь оставили незакрытой. От звуков, сопровождавших вопли сестры, Ксандру затошнило.

— Помоги!.. — молила девочка. — Пожалуйста...

Ксандра взглянула на шрамы на руках, ногах, груди. Казалось, все тело пронзала жгучая боль. А потом она снова услышала жалобный голос сестры, совсем уже тихий:

— Ксандра...

Она вернулась в спальню и плотно затворила дверь. Сползла на пол, села спиной к двери и разрыдалась. А несколько минут спустя услышала тяжелые шаги отца — тот спускался вниз, на кухню. Наверняка станет искать что-нибудь, в чем можно утопить горе. Убедившись, что его нет поблизости и что возвращаться он пока не собирается, Ксандра распахнула дверь, быстро пробежала по коридору и проскользнула в спальню к сестре. То, что она увидела там, будет мучить ее до конца жизни.

— Простите, у вас не занято? — раздался над головой мужской голос.

Ксандра подняла глаза. В проходе стоял Август с тяжелым свертком в руках. Вид у него был страшно довольный.

Ксандра вздрогнула.

— Тебе удалось...

— Похоже, ты не слишком удивлена, — сказал Август и пробрался на свое место. — Известно ли тебе, что в багажных отделениях перевозят домашних животных? Видел черного кота размером с лошадь.

— У тебя осталось тридцать минут.

Ясно. Значит, счетчик включен и до сих пор работает. Август развернул свитер и протянул ей Библию Гутенберга.

— А что мы, собственно, ищем? — спросил он и достал блокнот с записями о рисунках из предыдущей Библии.

Ксандра открыла дневник в красной обложке.

— Судьи, Иоанн и Даниил.

— Прости меня, — сказал Август, обращаясь к книге и осторожно перелистывая страницы. — Прежде никогда не прикасался к Гутенбергу без перчаток, — объяснил он.

— Будь аккуратен.

— Уж поверь мне, постараюсь, — ответил Август и вернулся на несколько страниц назад. — Ага. Вот оно. Судьи... Ну, что подскажет нам Гутенберг?

— Это уж твоя задача выяснить что. — И Ксандра вновь взялась за свою книжку.

Август прикрыл ладонями уши, чтобы не мешал шум, и постарался сосредоточиться на иллюстрации. Действительно, довольно странная картинка.

Основой для миниатюры служила заглавная буква «А». Фигура была выписана синими красками на золотом фоне. Сама готическая заглавная буква в розовых и темно-красных тонах представляла собой изогнутую рыбу, кусающую собственный хвост. С левой стороны от нее тянулись виноградные лозы, тоже в синих тонах, украшенные на концах пышными зелеными, красными и золотыми цветами.

Но больше всего заинтриговали Августа фигуры, из которых состояли основные линии этой заглавной буквы. Вертикальная являла собой мужчину, полностью раскрашенного синим, за исключением белых линий, с

помощью которых художник изобразил бороду, довольно длинные волнистые волосы и два похожих на бусинки глаза. Смотрели они пронзительно. И еще очень странным показалось Августу голубоватое, как у призрака, лицо, выглядывающее у фигуры между ног. Венчало этот загадочный рисунок изображение хищного на вид голубого лебедя, располагавшееся в самом верху, — бородатый мужчина придерживал его обеими руками.

Иллюстрация сразу вызывала тысячу вопросов, на которые нужно было дать один точный ответ. Как же подобрать ключ? Август взял ручку и записал в блокноте:

Четыре. Синий мужчина и лебедь

— Что-то не так с этим лебедем, — пробормотал Август, не сводя глаз со странного изображения. — Перья, шея, верхняя часть головы — вроде бы ничего особенного. Но взгляни-ка на его пасть.

Ксандра присмотрелась.

— Да у него зубы!

— Вот именно, — кивнул Август. — Что же хотел сказать этим художник?

Ксандра закрыла книгу.

— А в «Бестиарии» есть описание диковинных лебедей? Значение этого символа?

— Разумеется. Причем вполне определенное. Птицы были любимым объектом изображения иллюстраторов тех времен, обычно они отражали войны и противоречия внутри церкви. А лебедь чаще всего символизиро-

вал мученика или страдальца. Сперва лебединая песнь, затем — смерть.

— Лебединая песнь...

— Да.

— Тогда зачем зубы?

Август присмотрелся к изображению.

— Эти зубы... Они подозрительно похожи на зубы собаки, которую мы видели до того. Может, существует какая-то связь?

Ксандра достала ноутбук и нашла изображение двух сражающихся драконов.

— А знаешь, похоже, ты прав. Получается, что новая иллюстрация наделена тем же значением, что и эта?

— Нет, — ответил Август. — Роднит их лишь отсылка на дракона. Здесь есть нечто новое. То, с чем мы не сталкивались прежде.

Он взял ноутбук и запустил справочно-поисковую систему Интернета.

— Что ты делаешь?

— Ищу средневековые фракции церкви, которые использовали в качестве главного символа дракона, — ответил Август.

Он зацелкал мышкой, просмотрел несколько веб-сайтов, пока наконец не наткнулся на изображение дракона в круге, причем хвост его изгибался и заворачивался вокруг собственной шеи. Пару сложенных на спине чешуйчатых крыльев разделял ровно посередине знак, который, насколько помнил Август, являлся красным крестом святого Георгия. Он увеличил изображение на экране и придвинул к монитору раскрытую Библию.

— Сходство налицо, и оно носит жутковатый характер, — заметил он. — Кому принадлежит этот символ?

— Ордену дракона, — прошептала Ксандра.

Август кивнул, подтверждая тем самым правильность ее слов.

— Откуда ты знаешь?

— Они были ассасинами, карающим мечом Священной Римской империи, — ответила Ксандра. — В начале пятнадцатого века они едва не уничтожили «Сирот».

— И что же, орден дракона до сих пор существует?

— И да, и нет. Есть люди, претендующие на членство в этом ордене, но по большей части они являются поклонниками Дракулы.

— Дракулы?..

— Влад Второй Дракул, или Дракула, как его называют обычно, был одним из первых членов ордена дракона. А его сыном был тот самый знаменитый кровопийца, Влад Третий.

— И все же я не понял, настоящий орден дракона до сих пор существует?

Ксандра кивнула и разгладила складки на юбке.

— Мне говорили, будто почти в каждом западном правительстве есть члены этого ордена.

— Ну, знаешь ли, звучит как-то неубедительно...

Она накрыла ладонью его руку.

— Это говорит человек, разыскивающий в древней книге мистические ключи.

— Тушэ, — признал Август, выдернул руку и вернулся к иллюстрации. — Есть здесь кое-что, чего я никогда не видел прежде, — заметил он и указал на раскрытую пасть лебедя-дракона. — Он нападает на этого синего мужчину. Сжирает его заживо. Возможно, это намек на то, что орден дракона набирает силы, пытаясь отомстить.

— Но почему образ дракона сплетается с образом лебедя? В ордене полно темных властелинов, а отнюдь не святых.

— Возможно, что в рядах «Сирот» завелся предатель, тайно работавший на орден дракона, — предположил Ав-

густ. — Вообще-то очень похоже. Посмотри сама. Лебедь выплывает из-под руки синего человека, а затем оборачивается, чтоб укусить его! Здесь подразумевается также, что орден этот есть зло в понимании художника. Сами-то члены ордена наверняка считали себя святыми.

— Ну а призрак, лицо которого выглядывает снизу, между ног?

— Возможно, новые силы? Нечто, родившееся в результате войны между орденами «Сирот» и дракона? — сказал Август и записал эти слова в блокнот.

Тут их разговор прервала стюардесса.

— Не желаете ли... Ого! Вот это да! Что за книга? На вид такая древняя...

Ксандра сверлила Августа ледяными голубыми глазами.

— Да, люди часто принимают ее за старинную, — с улыбкой ответил Август. — Но на самом деле это лишь копия. Репринт. Ведь настоящая такая книга стоит миллионы долларов.

— И все равно, уверена, вам не хочется пролить на нее кока-колу, — заметила стюардесса.

— Наверное, нет, — ответил Август. — Может, в следующий раз?

— А вам что-нибудь, мэм? — обратилась девушка к Ксандре.

— Нет, спасибо.

— Желаете подушку?

— Нет.

— Плед?

— Спасибо, не надо.

Стюардесса отошла. Август начал перелистывать книгу в поисках следующей иллюстрации.

— Матвей, Марк, Лука и, наконец, Иоанн, — пробормотал он, найдя нужную страницу.

Он уставился на изображение в нижнем углу, причем рисунок был куда проще, примитивнее предыдущего. Так, во всяком случае, ему показалось.

Основой для рисунка служила заглавная буква «N» в красных тонах. Окружали ее, как и в первом случае, мазки золотой и зеленой краски,

а внутри заключалась царственная фигура: коричневый орел, устремивший мужественный взгляд к небесам. Вокруг его головы светился золотой нимб, а из клюва спустился белый свиток с какой-то надписью. Орел придерживал его левой лапой с длинными когтями.

— И снова Гутенберг преподносит нам птицу, — сказал Август.

— Не смешно.

— Я не шучу, — заметил Август. — Как и лебедь, орел всегда являлся классическим религиозным символом.

Он взял блокнот и записал:

Пять. Орел со свитком

— Когда-нибудь слышала о книге Спенсера «Королева фей»? — спросил он Ксандру, продолжая что-то записывать в блокнот.

— Ты и свою жену донимал такими вопросами?

— Нет. Скорее, она меня донимала.

— Ужас какой!..

— Это воспринималось как своего рода игра, — сказал Август, перебирая в уме наиболее занимательные споры с женой. — Мы оба любили книги. Это было неким соревнованием с целью определить, кто любит их больше.

— Веселенькая жизнь у вас была, как я посмотрю, — с иронией протянула Ксандра. — Так что там с этой «Королевой»?

— В середине шестнадцатого века автор «Королевы фей» Эдмунд Спенсер служил в Ирландии в британских войсках. Он написал это произведение, желая заполучить место при дворе. Однако он страшно рассердил секретаря ее величества, лорда Бергли, и в результате ему не заплатили ни гроша. Чтобы как-то исправить ситуацию, королева приказала выдать Спенсеру сто фунтов — сумма по тем временам огромная. Говорят, что, узнав о щедрости королевы, лорд Бергли воскликнул: «Неужели, и все это за какую-то песенку!»

Уголки рта Ксандры слегка приподнялись.

— Моя тетушка говорила то же самое всякий раз, когда открывала подарок. А я и не знала, откуда пошло это выражение, — добавила она. — И все же, что там насчет орла?

— В «Королеве фей» Спенсера упомянута легенда или сказка о возрождении из пепла орла, сходная с мифами о фениксе. Все выглядело примерно так. Орел стареет и летит к солнцу, подлетая так близко, что крылья у него обгорают. Тогда он поворачивает к морю, ныряет в воду три раза подряд и выходит из воды, словно родившийся заново.

— Стало быть, орел — тоже христианский символ. Здесь явно прослеживается аллюзия с Христом, — сказала Ксандра.

— Да, как и заяц, в каком-то смысле, — кивнул Август. — Но стяг, который держит орел, несколько искажает это значение.

Август взял блокнот и переписал два слова со знамени: «REX ROMANORUM».

— Латынь никогда не была моей сильной стороной, но это перевести несложно. Эти два слова означают «Царь римлян».

— Еще один намек на Священную Римскую империю?

— Совершенно верно, — ответил Август. — Помнишь изображение императора Сигизмунда?

— Да.

— Рисунок этот не так прост, как кажется, тут есть один фокус. Тогда мы не обратили на это внимания. Но сейчас мы видим лишь половину. — Август вызвал на экран компьютера изображение Сигизмунда, растянул его, и перед ними возникла совершенно новая картина.

— Это Карл Великий, — пояснил Август, указывая на величественную фигуру напротив Сигизмунда.

Карл Великий был на целый фут выше ростом и казался куда более царственным и импозантным в сравнении с согбенной фигуркой Сигизмунда. Чтоб подчеркнуть его явное превосходство, художник вложил в руки Карла огромный меч, в то время как Сигизмунд сжимал один лишь скипетр.

— Раньше мне этот Сигизмунд казался более величественным, — заметила Ксандра. — А здесь он выглядит жалким.

— Возможно, художнику было важно принизить Сигизмунда перед Карлом, — сказал Август. — Он счел, что Карл Великий заслуживает более лестного изображения как первый «Рекс романорум». Что вновь возвращает нас к орлу. Как ты убедилась, Священная Римская империя выбрала своим символом орла.

Над головами Сигизмунда и Карла Великого висели щиты, украшенные изображениями орлов. В точности таких же, как орел на рисунке.

— Получается, что Гутенберг хотел объединить все и вся, — задумчиво протянул Август. — На рисунках изоб-

ражены правители, Священная Римская империя... а также «Сироты» и орден дракона.

— Но ты так и не сказал, каким образом все они связаны между собой, — заметила Ксандра.

— Возможно, следующая иллюстрация прольет на это свет, — пожал плечами Август.

— Осталось десять минут.

— Этого явно недостаточно.

— Времени всегда не хватает.

Август осторожно перелистывал страницы Библии до тех пор, пока не дошел до Книги пророка Даниила. У него оставалось всего десять минут. Возможно, уже меньше — девять. По крайней мере, это изображение было понятным. И он записал:

Шесть. Львиная клетка

В заглавной букве «А» изображалась следующая сцена: мужчина, по всей видимости Даниил, зажатый между двумя рычащими львами.

— Что ж, по крайней мере, здесь все ясно, — пробормотал Август. — Не вижу ничего странного или из ряда вон выходящего.

И он, глядя на львиную клетку, начал прокручивать в памяти историю пророка Даниила, ища ключ к рисунку. Насколько он помнил, Бог закрыл пасти львам, чтобы защитить Даниила. Он снова взглянул на иллюстрацию. Да, действительно, пасти у львов закрыты.

Тогда почему Даниил смотрит так испуганно? Да это же совершенно очевидно — Даниил на рисунке чего-то боится. Прикрывает ладонью рот и с ужасом глядит на окруживших его львов. Это Даниил, в котором нет веры... Интересно, однако это определенно не та информация, которую он ищет.

— Пять минут...

— Знаю, знаю, — пробормотал Август.

Внезапно его осенило.

— Просто поразительно! Знаешь, разгадка снова в животных.

Ксандра принялась разглядывать иллюстрацию.

— Львы? Да, вижу.

— Нет. Нечто другое. Попробуй отвлечься от очевидного.

Она снова взглянула на изображение. Фигурка Даниила и львы находились в нижней части заглавной буквы «А», под изогнутым сводом желто-зеленой арки с ответвлениями в виде виноградных лоз и пышных пурпурных и голубых цветов. Август указал на золотое пятнышко, служившее началом еще одного изображения на зеленом фоне: старик держит в руках маленькое создание с плоским носиком и крохотными заостренными ушками.

— Что это?

— Ежик. Еще один средневековый символ порока. Легенда гласит, что ежи сбивали с виноградных лоз ягоды и уносили к себе в нору на иглах. Было принято считать, что в точности так же поступал дьявол с человеческими душами.

— Так старик держит в руках ежа?

— Заметь, это человек с бородой и в плаще, следовательно, он мудр и могуществен. Интересно то, что он вовсе не держит ежа. Напротив, он его отпускает. Вот почему так напуган Даниил. Его пугают вовсе не львы. Его пугает зло, которое вот-вот выпустят в мир.

— Неплохой анализ. Скверно лишь одно: ты опоздал на целую минуту, — заметила Ксандра, многозначительно постукивая пальцем по циферблату.

— Не станешь ведь ты убивать из-за того, что я опоздал на минуту.

— Правила есть правила, — сказала Ксандра. — Без них мы бы до сих пор жили в хижинах и обменивали бы зерно на медвежьи шкуры. Неважно, насколько опоздал человек, на минуту или на час. Главное — опоздал.

— Пожалуйста, умоляю! Я сделаю для тебя все!

— О драгоценной жизни членов своей бывшей семьи можешь не беспокоиться, — насмешливо произнесла Ксандра. — Я придумала кое-что пострашнее.

Она протянула руку и вырвала страницу с цветной иллюстрацией из Библии Гутенберга.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Эйприл следила за тем, как уходит время — просачивается, словно вода в рыхлый песок.

— Нельзя ли ехать побыстрее? — нервно спросила она у водителя такси.

Машина еле ползла по освещенной фонарями улице. Они уже давно должны были добраться до доктора Уинтера.

— Послушайте, леди, вы что, в первый раз в округе Колумбия? Здесь убийственное движение! И убийства — убийственные, — добавил он после паузы.

— Что?

— Ну, уровень преступности очень высок... Старая вашингтонская шутка, — объяснил водитель.

«Убийства?»

Эйприл покосилась на руку доктора Уинтера в высоком пластиковом стакане, купленном возле станции метро у торговца прохладительными напитками и набитом льдом.

— Далеко отсюда до больницы?

— Кварталов шесть-семь.

Эйприл подняла руку с часами и всмотрелась в циферблат.

— Надо ехать быстрее. Что, если я добавлю вам еще двадцать долларов? Может, будете жать на клаксон и объедете все машины?

Водитель погудел. Всего один раз.

— Сгодится?

Эйприл опустила стекло и оглядела улицу.

— Должно быть, на мосту авария.

— Вполне возможно.

— Нет, это слишком долго. Давайте я выйду. — И с этими словами она протянула водителю пачку купюр.

— Моя двадцатка здесь?

— Само собой, — ответила Эйприл и вылезла из машины. — Но делаю я это лишь потому, что увидела у вас под ветровым стеклом фотографию жены и детишек.

— Да, правда, это мои... Огромное вам спасибо! Они будут так рады, так рады!

Эйприл захлопнула дверцу и припустила по тротуару чуть ли не бегом, не выпуская из рук свертка с Библией и стаканчика с отрубленной рукой.

Несколько минут спустя она уже входила в приемный покой отделения скорой помощи, прекрасно осознавая при этом, как чудовищно выглядит: одежда грязная, волосы встрепаны, косметика размазалась по лицу. В ярком свете неоновых ламп это сразу бросалось в глаза. Она уже хотела окликнуть женщину за стойкой регистратуры, как вдруг та сама обратилась к ней, не глядя на ужасный внешний вид Эйприл.

— Придется подождать. Минимум минут тридцать, — сказала она, протягивая Эйприл номерок.

— Я пришла проведать друга, — сказала Эйприл, отдавая номерок обратно. — Доктор Уинтер у вас?

Ей назвали номер палаты, и Эйприл бросилась к лифтам. Шагнув в кабину, она обнаружила, что оказалась в компании двух молодых симпатичных врачей.

— Вам уже оказали помощь? — вежливо осведомился один из них.

— Да, — ответила Эйприл. — Я в полном порядке.

— Вы ранены? — спросил второй врач, указывая на забрызганный кровью стаканчик.

— Я... э-э... нет, что вы. Это вишневый сок, — пробормотала она. — Вот, видите, расплескала немного.

Двери раскрылись, Эйприл пулей выскочила из кабины, оставив сконфуженных врачей в лифте. Буквально через несколько секунд она очутилась возле палаты доктора Уинтера. Она распахнула дверь и с облегчением отметила, что доктор Уинтер лежит на кровати за ширмой. Это дало Эйприл возможность быстренько спрятать Библию Гутенберга под стул у входа.

— Доктор Уинтер? — окликнула она.

— Да? — ответил голос.

По спине Эйприл пробежали мурашки. Это был, несомненно, голос доктора Уинтера, густой бархатистый баритон, пусть и звучал он сейчас совсем слабо. Ей хотелось развернуться и выбежать в коридор, но жизнь Чарли находилась под угрозой. А может, и ее матери тоже.

— Как вы, в порядке? — робко спросила Эйприл.

Глупый вопрос, совершенно бессмысленный. О каком «порядке» может идти речь? Человек лишился руки.

— Эйприл, это вы?

— Да, — ответила она и на цыпочках двинулась к ширме.

Эйприл обошла ее и тут же тихо ахнула, увидев, что доктор Уинтер сидит на постели и что он весь в бинтах — правая рука, грудь... даже глаза закрывает повязка.

— Рад, что вы здесь, — приветствовал ее доктор Уинтер. — А я боялся, что они и до вас добрались.

— Кто?

— Члены ордена дракона.

— А я считала... что вы один из них.

Доктор Уинтер рассмеялся, потом поморщился и схватился за бок.

— Нет, — ответил он. — Входить в ряды носителей зла — это не по мне.

— Тогда вы из «Сирот»?

— Откуда вам известно это название?

— Меня похитил человек, считающий, что я вхожу в орден «Сирот».

— Сочувствую, — сказал доктор Уинтер. — Но рук они вам не отрубали?

— Нет.

— Что ж, и то слава богу.

— Боль, наверное, просто невыносимая.

— Да уж. Но благодаря добрым докторам я пребываю в отличном настроении. — Он указал на капельницу возле кровати. — Можете сделать для меня кое-что?

— Конечно!

— Снимите бинты с лица.

Эйприл протянула руку и тут же испуганно отдернула ее.

— Они что же... и глаза вам вырезали? — Она сожалела, что ей пришлось задать подобный вопрос, но меры безопасности, принятые в Библиотеке Конгресса, предполагали сканирование сетчатки глаза.

— Нет, здесь они проявили толику милосердия, — ответил он.

Эйприл сняла повязку и ахнула.

— Забрали только один глаз, — пояснил доктор Уинтер и опустил веко, прикрыв пустую левую глазницу.

Потом он поднял здоровый глаз и увидел, что в руках у Эйприл высокий пластиковый стакан.

— Что это?

— Ваша рука, — ответила она. — Я положила ее в лед. Еще не поздно пришить, я думаю.

Доктор Уинтер криво улыбнулся.

— Тогда, может, вызовете врача?

— Обязательно. Но лишь после того, как вы ответите на несколько вопросов, — тихо сказала Эйприл.

Улыбка не сходила с лица доктора Уинтера.

— Зависит от того, что за вопросы.

— А знаете, возможно, она вам не так уж и нужна, — заметила Эйприл и встряхнула стакан. — Слышала, сейчас ставят приличные протезы.

— Ну, довольно, — оборвал доктор Уинтер. — Что вы хотите знать?

— Вы член ордена «Сирот»?

— Да.

Глаза Эйприл тут же наполнились слезами.

— Тогда, получается, вы знали, что моего сына собираются похитить, обменять его жизнь на Библию Гутенберга?

Доктор Уинтер закрыл единственный глаз.

— Я отдал этот приказ.

— Но как вы могли?

— Это следовало сделать! — громко провозгласил он. — Но клянусь, вашему сыну никто не желал зла!

— Не понимаю. Ведь у вас был свободный доступ к Библии. Вы могли просто войти в хранилище, взять ее и вынести.

— Все сложнее, чем кажется. Эта Библия Гутенберга должна быть уничтожена. И мое отношение к похищению... о нем тоже никто не должен знать. Вину за Гутенберга следует возложить на кого-то другого. На кого угодно, только не на меня, — сказал доктор Уинтер. — И мне очень жаль, что пострадавшей стали вы.

— Мне тоже жаль.

— Должно быть, понять это непросто, но в данном случае я действую в качестве хранителя Библиотеки Кон-

гресса. Там сотни книг, содержащих тайны вековой давности. Кто знает, какие сокровища еще обнаружатся? Эта библиотека страшно важна для процветания ордена «Сирот»!

— Она также важна и для ордена дракона. Именно его люди забрали Библию Гутенберга из Большого зала.

— Нет!

— И украли вторую из хранилища! — добавила Эйприл, от души надеясь, что доктор Уинтер поверит ей.

Лгать она никогда не умела, но решила воспользоваться ситуацией на тот случай, если позже ей вдруг придется использовать Библию в качестве предмета торга.

— Я не верю! — воскликнул доктор Уинтер. — Наверное, это моя ошибка. Надо было сразу предложить вам вступить в орден «Сирот», и тогда бы этого не случилось.

— Я никогда бы не вошла в организацию, зная, что она жертвует жизнями людей во имя своих целей, — сказала Эйприл.

— Это потому, что вы недопонимаете ситуацию, — возразил доктор Уинтер. — Перестаньте, Эйприл. Вы же хорошо знаете историю. Моя жизнь, ваша, жизнь вашего сына... все это ничто в контексте истории.

— Зато для меня это все, — ответила Эйприл и сунула пластиковый стакан под нос доктору Уинтеру. — И прекратите свои игры. Лучше скажите, что я должна сделать для спасения сына.

— Что ж, хорошо, — вздохнул доктор Уинтер. — Полагаю, вы знаете, кто такие «Сироты»?

— Знаю, что в начале пятнадцатого века они были воинствующими монахами.

— Воинствующие монахи? Забавное определение, — заметил доктор Уинтер. — Что ж, отчасти вы правы. В ту

пору «Сироты» были вооруженным отрядом, при доспехах, мечах и прочей атрибутике. Но это лишь малая часть их истинного облика. Они защищали большую тайну. Тайну, которой при этом не владели.

— Какую еще тайну?

— Но ведь если я вам скажу, она уже перестанет быть тайной?

Эйприл встряхнула стаканчик с рукой.

— А я не забыла сказать, что это правая рука? Вы же были правой?

— Ладно. Скажу, что знаю, — поморщился доктор Уинтер. — Тайна имеет прямое отношение к ордену дракона. Говорят, будто бы члены ордена владели неким предметом, настолько могущественным, что вся Священная Римская империя плясала под их дудку.

— И что это за предмет?

— Об этом знал лишь Гутенберг. Еще в юности у него состоялась судьбоносная встреча с Яном Гусом — отцом «Сирот». Гуса вели по улицам города на казнь, его должны были сжечь на площади. И он отдал Гутенбергу свой талисман, древнюю монету, которая впоследствии перевернула жизнь молодого человека. И с того самого момента Гутенберг дал клятву вечной верности «Сиротам».

Он умолк.

— Что же он сделал для них? — спросила Эйприл.

— Работа Гутенберга по развитию книгопечатания стала главной среди планов, вынашиваемых «Сиротами». Они понимали, что если дать Библию в руки простому человеку, это вызовет радикальные социальные изменения. И оказались правы. Распространение печатной Библии привело не только к Реформации, но и затем к Ренессансу.

— Я бы попросила ближе к делу, — раздраженно заметила Эйприл. — Каким образом в этой игре замешан орден дракона?

— Поначалу он назывался орденом дракона святого Георгия и был создан для отражения атак Османской империи. У каждого из двенадцати его членов красовалось на шлеме изображение дракона. Они считались самыми жестокими и неумолимыми воинами. Они сражались до последней капли крови, и вот постепенно их всех перебили, остался только один: сербский принц Стефан Лазаревич. Организацию распустили, а затем, уже в тысяча четыреста восьмом году, император Сигизмунд возродил ее под новым знаменем.

— Орден дракона, — почти неосознанно прошептала Эйприл.

— Именно. По-латыни организация называлась «Societas Draconistratum», отсюда и термин — «драконист»...

— Драконист? Разве есть такое слово?

— Так называли себя члены ордена. В словаре его, конечно, не найдешь, но своим плачевным нынешним состоянием я обязан именно им. Впервые этот термин использовал сам император Сигизмунд. Принц Стефан пользовался большой популярностью, именно его первым и приняли в орден. Это убедило вступить в ряды драконистов целый ряд весьма влиятельных личностей, в том числе и Влада Второго Дракула из Валахии.

— Того самого Дракулу?

— Отца того самого Дракулы. Он поклялся в верности ордену дракона, поклялся продолжить борьбу против Османской империи.

— Знаете, я совсем запуталась. Судя по вашим словам, орден дракона пытался защищать интересы Священной Римской империи. Но с другой стороны, вы го-

ворили о них как о людях с некими тайными и малопонятными замыслами. А потому я вынуждена задать примитивный вопрос: члены ордена дракона, они хорошие или плохие?

— Ну что за вопрос? — возмутился доктор Уинтер. — Кажется, еще Наполеон говорил: «История есть версия событий, состоявшихся в прошлом, на которой решили остановиться люди». А уж хорош орден дракона или плох, определится нынешней ночью, в зависимости от того, преуспеют члены ордена или нет.

— Преуспеют или нет — в чем?

— В раскрытии тайны! — торжественно заявил доктор Уинтер. — И для этого им нужна Библия Гутенберга. Дело в том, что сам Гутенберг действовал среди королей и принцев тех времен как шпион. Он был вхож в королевские дворы тогдашней Европы. Он слышал их разговоры, знал об их планах, и все потому, что печатал для них произведения искусства: Библии.

— Иллюстрированные Библии!

— Да. Как вы знаете, простые люди никогда не могли позволить себе такую дорогую книгу. Только одни чернила стоили целое состояние, а работа над рисунками занимала месяцы, иногда даже годы. Гутенберг прекрасно понимал, какая уникальная возможность представилась ему, и использовал ее, чтоб узнать о секретах, которыми владел орден. Мало того, это был прекрасный способ надежно спрятать все свидетельства и доказательства. Он прятал их в иллюстрациях, в Библиях, которые заказывал ему орден. Надежный и безопасный способ, поскольку у простого человека Библия могла пропасть, затеряться, испортиться. Но с Библиями, поступавшими во владение ордена, обращались как с драгоценными произведениями искусства, которыми они, по сути, и являлись.

— Так значит, Гутенберг выводывал тайны ордена и хранил их прямо под носом у его членов! Блестящая мысль!

— Блестящая, если бы не одно «но». Орден «Сирот» был уничтожен. А вместе с ним и знание, какие именно тайны удалось спрятать Гутенбергу в иллюстрациях.

— Так орден «Сирот» погиб? Мне казалось, прежде вы говорили, что эта участь постигла лишь часть его членов.

— Дело в том, что «Сироты» вновь возникли в годы Второй мировой войны, когда орден дракона опять пришел к власти.

— Гитлер был «драконом»?

— Когда-нибудь слышали о тайном обществе «Туле»?*

— Знакомое название.

— Позже, когда Гитлер пришел к власти, они стали известны как нацистская партия. В общество «Туле» входило немало людей, занимавшихся оккультными науками, и основано оно было на тех же базовых принципах, что и орден дракона. Лишь название изменилось, а философия осталась прежней.

Эйприл продолжала играть с пластиковым стаканом, теперь она барабанила по нему пальцами.

— Так, давайте убедимся, что я правильно вас поняла. На протяжении нескольких сотен лет «Сироты» стремились завладеть тайным знанием Гутенберга об ордене. И неким непонятным пока образом моя ни в чем не повинная семья и я оказались впутанными в эту неразбериху.

— Называть это неразберихой... вульгарно. Особенно с учетом всей значимости ситуации, но ответ будет

* «Туле» — немецкое оккультное и политическое общество, основанное в Мюнхене в 1918 году.

простым: да. Только с самого начала все пошло не так, как планировалось. Члены ордена дракона не должны были знать, что затевают «Сироты».

— Я говорю вам все это лишь потому, что хочу спасти сына, — осторожно начала Эйприл. — Те мужчины в библиотеке были агентами ФБР. Это возможно?

— Вполне, — ответил доктор Уинтер. — Орден дракона всегда существовал под прикрытием ничего не подозревающих правительственных структур. Император Сигизмунд учредил орден в самом сердце Римской империи. Гитлер вывел орден дракона в качестве ядра нацистской партии. Поэтому меня ничуть не удивляет, что сегодня прикрытием для членов ордена стало ФБР. Они всегда находились при власти. И всегда были готовы на все.

— В том числе и на ограбление Библиотеки Конгресса?

— Именно.

— Так что с моим сыном? — спросила Эйприл. — С матерью? И что с Августом? Неужели мы не можем помочь им сейчас, когда планы «Сирот» провалились?

— Еще есть время вырвать тайны Гутенберга из рук членов ордена, — ответил доктор Уинтер.

— Меня в данный момент больше всего волнует семья, — сказала Эйприл. — Если в ордене знали о плане привлечь меня, тогда, возможно, им известно и все остальное. И моей семье угрожает ужасная опасность. — Она поставила пластиковый стакан на тумбочку и достала мобильный телефон. — Позвоните и дайте отбой.

— Не могу.

— Можете. И сделаете.

— Нет. Дело в том, что члены ордена разбросаны по всему миру. Я был во главе, но в дело могли вмешаться

и другие. Люди, которые, возможно, заняли мое место, чтобы довести план до победного конца.

— Все равно уже слишком поздно. Я же говорила вам, члены ордена забрали из библиотеки обе Библии Гутенберга!

— Я больше ничего не решаю.

Эйприл держала телефон в руке.

— Мне плевать, — решительно заявила она. — Хочу, чтоб вы поговорили с человеком, удерживающим в заложниках моего сына.

Доктор Уинтер продиктовал ей номер Джо Рэдфорда. Эйприл набрала его. Ответил мужской голос, и тогда она включила громкую связь и поднесла мобильный поближе к доктору Уинтеру.

— Алло?

— Джо? Это доктор Уинтер. Наши планы сорваны. Задание отменяется.

— Сэр?..

— Вы слышали, что я сказал? Задание отменяется. — Доктор Уинтер поднял глаза на Эйприл, покачал головой.

Похоже, что не сработает.

— Я ухожу. Прямо сейчас, — ответил мужской голос. Эйприл убрала телефон.

— Похоже, власти у вас больше, чем вы утверждаете.

— Да ничего подобного! — Лицо доктора Уинтера болезненно исказилось. — Тут что-то не так. Обычно он не следует подобным приказам вслепую.

— Хорошо. Тогда поговорите с той женщиной в самолете.

— С Ксандрой, — пробормотал доктор Уинтер.

Он продолжал бормотать себе под нос, а Эйприл тем временем нашла номер, с которого звонил ей Август, и,

прежде чем набрать его, ввела код, чтобы нельзя было установить личность звонившего. Женский голос ответил после третьего гудка.

— Кто это? — спросила Ксандра, и в голосе ее звучали металлические нотки.

Эйприл поднесла телефон к доктору Уинтеру, тот медлил, собираясь с мыслями.

— Это я, — произнес он после долгой паузы. — Просто мне пришлось воспользоваться другим телефоном, так что извиняюсь.

— А что случилось с вашим?

Доктор Уинтер покосился на Эйприл, он явно растерялся и не знал, что ответить. Эйприл состроила гримасу, изображая умирающее животное, — высунула язык и склонила голову набок.

— Он вырубился, — сказал доктор Уинтер. — Возможно, аккумулятор старый, не знаю.

Ксандра не стала заострять внимание на этой теме.

— Мы только что расшифровали второй набор иллюстраций. Ждем поступления третьего.

— Тут... э-э... планы несколько изменились, — пробормотал доктор Уинтер. — Боюсь, мне придется отменить задание.

— Это почему?

— Вы не получите третий набор. Мы не обладаем нужными рисунками.

— У Эйприл не получилось?

— Орден добрался до Библии первым.

Из телефона донесся треск. Помехи.

— Скверная новость, — заметила после паузы Ксандра. — Так что мне теперь делать?

— Как только самолет приземлится, уходите. Немедленно распрощайтесь с Августом. Мне неважно, как вы это сделаете, но план отменяется.

— А мы были так близки... — прошептала Ксандра и отключилась.

Эйприл убрала мобильный в карман.

— Вы огорчились? Ведь вы самолично положили конец всему этому безумию.

— Боюсь, что это не конец, а только начало, — сказал доктор Уинтер. — Нет, тут явно замешаны еще какие-то силы. И я согласился отменить задание лишь по той причине, что твердо знал: всеми моими приказами пренебрегут. Но они ответили согласием. Сказали, что уходят. А это может означать только одно.

— Что?

Доктор Уинтер пристально посмотрел на Эйприл, его и без того неправильные черты искажал неподдельный страх, который подчеркивала ужасная, пустая, залитая кровью глазница.

— Что вы теперь в руках ордена.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Стэнли отшвырнул телефон Джо в сторону, раскрыл молнию на сумке и осмотрел ее содержимое: хирургическая пила, долото, трехдюймовые гвозди, ручная дрель с алмазным сверлом, другие занятные игрушки и тряпки. Целая куча специальных тряпочек, хорошо впитывающих жидкость.

Он взглянул вниз, на своих подопечных, которые лежали на ковре в гостиной, спеленатые по рукам и ногам, — так, словно прикидывал, с кого лучше начать. Джо, Чарли и бабушка Роуз, превращенные в серебристые коконы из липкой ленты, не подавали признаков жизни.

Стэнли всегда нравилось сохранять — если, конечно, позволяло время — сувениры на память о своих жертвах. Глазные зубы. У него уже набралось целое ожерелье. Оно натирало кожу на шее, но Стэнли продолжал носить украшение. Для него это служило своего рода самобичеванием, и ожерелье он не снимал, невзирая на боль.

— Кто из вас застрелил Бена? — спросил Стэнли, по очереди сдирая пленку, залеплявшую рты его жертв.

Он склонился над бабушкой Роуз.

— Неужели ты? А с виду такая милая старушка.

— Отойди от меня, — буркнула в ответ бабушка Роуз.

Стэнли взял щипчики и пощелкал у нее перед носом.

— А Бен, в отличие от меня, был хорошим парнем и, возможно, сохранил бы тебе жизнь. Думаю, поэтому он и погиб. Нельзя быть слишком хорошим в этом поганом мире.

— А мне-то казалось, что орден дракона — священный орден, — заметил Джо.

— Так и есть! — воскликнул Стэнли и подошел к Джо. — Ты слышал о проповедях Распутина?

— Распутин был антихристом, — сказал Джо.

— Нет, Распутин был русский старец, целитель и проповедник, — возразил Стэнли. — Он понимал, что наша порочность проистекает из тесной связи с Господом, и чем больше и страшней мы будем грешить, тем ближе станем к Создателю. Чем ужаснее преступление, тем тесней эта связь.

— Да ты совсем из ума выжил, — покачал головой Джо. — И твой дружок Бен — тоже. Лично я доволен, что отправил его прямиком в ад.

— Знаешь, я что-то устал тебя слушать, — вздохнул Стэнли.

Резким движением он открыл Джо рот и запихнул в него щипчики. Он повернул руку — Джо застонал. Тут Стэнли рывком выдернул нужный зуб.

— Ты будешь первым! — торжественно объявил он и вскинул руку с вырванным зубом, любуясь им, точно драгоценным камнем.

— Из «Сирот» всегда получались хорошие мученики, — пробормотал Джо, сплевывая кровь на пол. — Давай действуй!

Стэнли наклонился, достал из сумки огромный крюк и зацепил его за изоленту, которой были обмотаны ноги Джо. Ухватившись обеими руками, он протащил жертву по гладкому деревянному полу к тому месту, где неподвижно лежал убитый Бен.

— Делаю это только ради него, — пробурчал Стэнли себе под нос. — Братья из ордена заботятся друг о друге даже после смерти одного из них.

И с этими словами он поволок Джо на кухню.

Бабушке Роуз казалось, что она пребывает в нескончаемом кошмарном сне. И хуже всего, что рядом с ней в этом сне находится ее внук Чарли.

— Что теперь будет с Джо? — Это были первые слова, которые произнес Чарли с момента, когда его связали.

— Не знаю, — солгала в ответ бабушка.

— Мне он нравится.

— Напоминаю. Он прострелил мне ногу.

— Он сделал это, чтобы заставить меня бросить пистолет. Это я во всем виноват.

Бабушка Роуз глубоко вздохнула.

— Ни в чем ты не виноват.

— Нет, это целиком моя вина! Почему ты только и знаешь, что спорить? Джо мог бы остановить этого гада, если бы я не помешал.

Тут из кухни донесся противный визг дрели и еще какие-то едва слышные звуки, видимо, Джо изо всех сил сдерживался, чтоб не закричать в голос.

— Давай поговорим о твоей школе, Чарли. Или о последней книжке, которую ты прочел. О чем угодно.

— О том, как мама и папа развелись?

— Я этой темы не предлагала, но раз тебе так хочется, почему нет?

Как им отсюда выбраться? Может, попробовать перебраться по полу? Хотя входную дверь все равно не открыть.

— Нехорошо это.

— Ну, видишь ли, Чарли, двум людям совсем не обязательно...

— Жить вместе? Адвокат тоже так говорила. Но когда я спросил ее, что это означает, получилось, что если бы они не жили вместе, я бы не родился.

— Как «не родился», Чарли? Ты обязательно должен был родиться.

Бабушка Роуз продолжала оглядывать комнату в поисках предмета, который мог бы помочь им освободиться от пут.

— Если б папа и мама не жили вместе, я бы точно не родился!

Только тут бабушка Роуз поняла, что отговорок Чарли не принимает ни от кого: ни от адвоката, ни от мамы с папой. Ни от нее. С ним надо беседовать всерьез, как с равным.

— А знаешь, что я раньше об этом думал, бабушка Роуз?

— Что, дорогой? — спросила она, глядя на него так, словно только сейчас поняла, что ее внук — личность.

— Помнишь, как ты водила меня в кафе и угощала мороженым?

Бабушка Роуз призадумалась на минутку. Да они ели мороженое тысячу раз.

— О,— протянула она, уловив ход его мысли.— В тот день, когда я к вам переехала?

— Да.

— Это был трудный день для всех нас, Чарли. Жаль, что ты не запомнил другие разы, когда я водила тебя в кафе-мороженое. При более веселых обстоятельствах.

— Я же тебя простил, ты знаешь.

— Простил? За что?

— За то, что ты соврала мне тогда. Ты сказала, что все будет хорошо, а ничего хорошего не было. Я видел, как иногда плачет мама. И папа тоже кажется таким несчастным и одиноким. У него не осталось друзей.

— У твоего отца полно друзей, — ответила бабушка, не переставая оглядывать комнату.

Взгляд ее остановился на корзинке для шитья. Она стояла возле кресла в гостиной.

— Он посещает разные модные вечеринки и приемы.

— Он говорит, что ходит на эти приемы, чтобы знакомиться с людьми, которым можно продать книги, ведь на таких приемах встречаются очень богатые люди. Но они ему никакие не друзья.

— Что ж, пусть так. Он всегда проводил с ними больше времени, чем с семьей, — фыркнула бабушка Роуз и тут же спохватилась: лучше бы она промолчала. — Прости. Наверное, это не слишком честно по отношению к твоему отцу.

— Почему ты его так называешь? Он мой папа. И это некрасиво — так ненавидеть его. Он же тебя не ненавидит.

Бабушка Роуз через силу рассмеялась.

— Ненавижу — это слишком сильно сказано, Чарли. Я вовсе не ненавижу твоего отца.

— Папу.

— Папу, — выдавила она. — Я не ненавижу твоего папу. Просто я не согласна с некоторыми его решениями.

Она попробовала перекатиться к корзинке для шитья, но даже перевернуться на другой бок не получилось. Ногу пронзила острая боль.

— И потом, с чего ты взял, что он меня не ненавидит?

— Ну... — начал Чарли и нерешительно умолк, желая выиграть несколько секунд. — Иногда я жалуюсь ему на тебя, а он говорит в ответ, что ты хочешь мне только добра. И что маме без тебя никак не обойтись.

А вот это уже что-то новенькое.

— И на что же ты ему жаловался? — спросила бабушка Роуз.

Просто не могла не спросить.

— Да ни на что. Глупости все это, — признался Чарли. — Ну, что ты заставляла меня есть шпинат. После того, как мама сказала, что я его не ем.

— Шпинат очень полезен. Одним мороженым, знаешь ли, не пропитаешься.

Она обнаружила, что может двигать пальцами правой руки, и начала разминать их, а потом ощупывать ленту, которой ее связали, в надежде подцепить кончик.

Джо не мог связать ее слишком туго.

— А кто-нибудь пробовал?

— Пробовал что?

— Питаться одним мороженым. Просто я хочу сказать, люди вечно твердят, что нельзя питаться одним мороженым, только печеньем или шоколадными конфетами, но верно ли это? С чего они взяли?

— Думаю, и ослу понятно, что на одном мороженом не проживешь.

— А вот, к примеру, эскимосы питаются только рыбой! И наверное, там есть свой умник, который утверждает: «Нельзя жить на одной рыбе». Но это неправильно. Эскимосы ведь живут, и ничего.

— Вот что я тебе скажу, Чарли. Если ты попросишь готовить тебе только рыбу, я буду просто счастлива! — заявила бабушка Роуз.

Чарли засмеялся, и бабушка Роуз — тоже.

Внезапно из кухни донесся тошнотворный скрежет пилы, и смех Чарли перешел в плач.

— Послушай меня, Чарли, — сказала бабушка Роуз. — Постарайся сосредоточиться на том, что я тебе говорю. Ты больше ничего не слышишь, договорились?

— Договорились, — пробормотал мальчик.

— Можешь хоть немного пошевелиться?

— Нет.

— Перекатиться у тебя получится?

— Попробую.

Чарли задержался и завертелся на месте, затем начал раскачиваться из стороны в сторону и... перевернулся.

— Вот!

— Молодец! — похвалила его бабушка Роуз.

— Что теперь я должен сделать?

Ужасный визг пилы становился громче. Бабушка Роуз изо всех сил старалась не думать о боли, которую испытывает сейчас Джо. Возможно, он уже умер. Скатертью дорога, хотелось сказать ей, но она тут же выбросила эту мысль из головы. Несмотря на тот факт, что Джо прострелил ей ногу, человеком он был неплохим. Сбившимся с пути истинного, а вообще — добрым.

— Бабушка?

— Вот что, Чарли. Я хочу, чтобы ты подобрался к моему креслу. Возле него стоит корзинка, а в ней разные принадлежности для шитья. Среди них есть ножницы.

— Но мне даже руками шевельнуть не удастся!

— Не все сразу, — философски заметила бабушка Роуз, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. — Первым делом надо подползти к корзине с ножницами.

— Ладно, — ответил Чарли.

Не трата времени даром, он снова начал раскачиваться из стороны в сторону. Перекатился один раз, затем еще и еще, продолжая приближаться к креслу бабушки Роуз. Оказалось, что он может шевелить ногами, и вот Чарли, отталкиваясь от пола, подобрался к плетеной корзинке. Он схватил ее зубами и дернул. Корзинка перевернулась, из нее вывалилось на пол все содержимое — иголки, булавки, катушки, мотки пряжи и... ножницы!

— Быстрее, — велела бабушка Роуз.

Из-за шума на кухне падения корзинки никто не услышал бы, но ведь Стэнли может вернуться в любой момент.

— Я стараюсь, — пробормотал Чарли.

Наконец ему удалось зажать ножницы в зубах, и он снова начал, раскачиваясь, перекачиваться по направлению к бабушке Роуз. Добравшись, он разжал зубы и выронил ножницы возле нее.

— Что теперь?

Из серебристого кокона медленно показалась бабушкина рука.

— А теперь мы попробуем выбраться отсюда, — сказала она.

Стэнли был аккуратен. Всегда и во всем. Еще ребенком он раскладывал носки по цветам, и эта привычка сохранилась до нынешнего времени. Спортивные трофеи он выстраивал на полке в ряд, при этом руководствуясь двумя показателями: высотой кубка и датой его получения. Во время большой перемены в школе он заходил домой — проверить, все ли на месте, не нарушили ли мать с младшим братом порядок в комнате.

Повзрослев, Стэнли пришел к пониманию, что он не просто аккуратен. Он помешан на абсолютном порядке. Поэтому неудивительно, что это качество сыграло первостепенную роль в его выборе работы. Он стал профессиональным чистильщиком.

Поначалу приходилось нелегко: резать людей на куски — грязное дело. Но в нем всегда жило желание совершенствовать мастерство, искать оптимальный вариант, к тому же он просто обожал биографии серийных убийц, поэтому его профессиональный уровень стремительно рос.

Прежде всего следовало подумать о полах. Казалось бы, кусок толстого брезента идеально подходил для этой цели, но вскоре Стэнли с удивлением понял, что брезент не универсален — кровь все-таки просачивается. Тогда

в ход пошли полотенца и тряпки — он обкладывал ими края брезента, кровь впитывалась и на пол уже не попадала.

Далее сама процедура. Жертва должна вести себя спокойно. Учащенное сердцебиение всегда приводит к обильному кровотечению, а это, в свою очередь, означает риск забрызгаться. Как успокоить жертву? Он решал эту проблему последние одиннадцать месяцев. Пробовал даже читать вслух стихи, но поэзия не помогала — теперь это казалось ему глупой затеей. Как правило, жертва заводилась еще больше, наотрез отказываясь воспринимать эту сюрреалистическую сцену. Сравнительно недавно он остановился на мягком транквилизаторе, который похитил у ветеринара — он встречался с ней, впрочем, совсем недолго. Однако в применении этого средства было нечто такое, что претило натуре Стэнли. Ведь убийство — вещь естественная, а лекарства — искусственные. Использовать их, все равно что обманывать природу. Транквилизатор, впрочем, помогал.

И наконец, полная и тщательная уборка, ведь главная цель профессионального чистильщика — не оставить никаких следов. Абсолютно никаких. Результатом должно стать полное исчезновение жертвы — или, зачастую, жертв, как в данном конкретном случае. Им следовало просто испариться, словно их и не было вовсе. Он не задавался вопросом почему. Главное — не оставить ни единого следа. Стэнли часто забавлялся, по несколько раз просматривая серии «C. S. I. — Место преступления». Типичная научная фантастика. Настоящие сыщики куда менее скрупулезны в осмотре места преступления и гораздо больше озабочены тем, какой сорт пива выбрать вечером в баре.

Джо — тяжелый случай. Крупный мужчина. Жирноват. Еще и кость широкая. Можно сказать, неестествен-

но широкая. Стэнли сломал три полотна, прежде чем удалось распилить ноги. Да и транквилизатор не слишком помог. Впрочем, последнее не столь важно. Джо твердо вознамерился не издать ни звука, и Стэнли это несколько смутило. Больше всего ему нравилось наблюдать за реакцией жертвы. Поведение человека о многом говорит. Абсолютное отсутствие страха у Джо, его нежелание кричать, стонать и вертеться под пилой совершенно обескураживало Стэнли и казалось диким. Еще Стэнли заметил, что к концу выражение лица у Джо стало какое-то совершенно ангельское.

Вот уж действительно мученик.

Стэнли вылил кислоту в чашу и принялся размышлять, кто будет следующей жертвой. Мальчишка? Или бабушка? Оба они малоинтересны с профессиональной точки зрения. Сопротивление небольшое. Почти никакой борьбы. Сперва, конечно, начнут орать, но он их быстро утихомирит, заставит их сознание отвлечься от неприятной действительности. Они все еще будут живы, но станут смотреть на мир отвлеченно. Сознание не позволит повести себя иначе. Стэнли частенько доводилось быть свидетелем этого феномена: внезапного перехода от шока к ужасу. А затем — ничего, вообще никакой реакции.

Бабка. Она казалась ему предпочтительней. Станет следующей. И начнет он с пальцев ног. Затем — пальцы рук. Ну а потом... он пока не знал, все будет зависеть от настроения. Может, он приведет сюда мальчишку, пусть смотрит. Или же...

Мальчишка. Менее удачный выбор, зато если заставить бабушку наблюдать, старуха как пить дать рехнется. Конечно, это более жестоко, зато по степени воздействия сродни религиозному экстазу. Главное, делать все медленно, не спешить, не суетиться, дать мальчишке крохотную дозу транквилизатора, чтобы тот осознавал про-

исходящее. Ну а потом пусть возносится на небеса и купается во славе и милости Божьей.

Нет, это будет просто прекрасно. Изумительно.

— Я почти закончил, — крикнул Стэнли. — Джо вел себя просто отлично. Образец идеального поведения для каждого из вас.

Он аккуратно выложил инструменты на подоконник, как всегда, по «росту»: сначала самые мелкие — гвозди, скребки, скальпели, затем постепенно все более крупные — дрели, пилы. На секунду он остановился, заметив, что зубчик на одной из пил слегка погнулся. Стэнли призадумался. Может, стоит сменить лезвие? В итоге он отказался от этой мысли. Пора переходить к делу, время поджигает.

Последний этап подготовки. Он достал из сумки и надел чистую бумажную маску, водрузил на голову новенькую полиэтиленовую шапочку, натянул свежие резиновые перчатки. Тщательно осмотрел их — нет ли дырочек, ведь эти крохотные отверстия страшно опасны. Через них частичка жертвы может проникнуть в его личное пространство, или же, напротив, малюсенький кусочек его кожи рискует выпасть и оставить след, выдающий его самого. Все должно быть в полном порядке, выглядеть красиво и респектабельно.

— Как только сможешь, беги! — сказала бабушка Роуз, срезая остатки изоленты с ног Чарли.

— Так вы готовы или нет? — спросил Стэнли, выходя из кухни.

Он замер от удивления. Чарли отчаянно брыкался, стремясь освободиться от пут и параллельно мешая бабушке Роуз орудовать ножницами.

— Как вижу, нет, — мрачно констатировал Стэнли и двинулся вперед.

— Не подходи! — Бабушка Роуз занесла руку с ножницами, целясь в шею Стэнли.

Тот развел руками.

— Сами себе все осложняете.

Бабушка Роуз так и не поняла, что помогло ей в следующий миг — клокочущая в груди ярость или могущественные небесные силы. Она занесла руку над головой и метнула ножницы, точно дротик при игре в дартс, с такой меткостью и силой, что острые лезвия глубоко вонзились в горло Стэнли. Ровно посередине.

Стэнли рухнул на пол и ухватился за ножницы, пытаясь вытащить их. Кровь сочилась сквозь пальцы. Он приподнял голову, попытался протянуть вторую руку, но почему-то не получалось.

— Убью тебя! — захлебываясь, прохрипел он, и в уголках губ проступила кровавая пена. — Всех убью!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Похоже, Ксандру ничуть не беспокоила реакция Августа. Его же вид вырванной из Библии страницы поверг в шок. А когда она выдрала еще два листа с цветными иллюстрациями, он испустил вопль отчаяния. Нет, ему нужно хоть немного времени, чтобы собраться с мыслями. В конце концов, он необходим ей, чтобы свести воедино все результаты расшифровки рисунков. Кроме того, что он может сейчас сделать? Пожаловаться стюардессе? Объяснить ей ситуацию? Да ему никто не поверит. Пока они находятся в самолете, он целиком во власти этой ужасной женщины.

У Ксандры зазвонил телефон. Она тут же ответила, видимо, ждала звонка.

— Мое сообщение получил?

— Да, — ответил Менг.

— Уинтер только что звонил. Сказал, члены ордена забрали обе Библии Гутенберга из библиотеки.

— Мы забрали одну из Большого зала, но она нам без надобности. Та, которая была нужна, ускользнула. Девчонка ее унесла.

— Эйприл? Так она жива? — Ксандру потрясло это известие.

Стало быть, Уинтер солгал ей, причем не единожды.

— Ну а с сыном ее что?

— Информации от Стэнли пока что не поступало. Но он человек надежный, думаю, не подведет.

— Я и о тебе была того же мнения.

— Но ведь нам полагалось только подставить ее, а не пасти всю дорогу. Один из наших агентов видел, как мисс Адамс выходит из больницы, куда увезли доктора Уинтера. Теперь мы идем по ее следу.

— Гутенберг при ней?

— Да.

— Куда она направляется?

— Пока что неизвестно. Но за ней следит Гомес.

— Позвони, когда забереешь книгу, — сказала Ксандра.

Ситуация осложнялась с каждой минутой, и если она хочет выправить ее, следует взять под контроль буквально каждый шаг операции.

Контроль. Главное, что помогает человеку выжить. Ксандра поняла это еще ребенком, в ту ночь, когда отец забил до смерти ее сестру.

Контроль. Она полностью находилась во власти отца, а потому смолчала, не сказала полиции и толики правды. Они допрашивали ее несколько часов, но Ксандра ни разу не отступила от версии, которую внушил ей отец: ночью с улицы в дом пробрался какой-то подонок, украл деньги, а потом изнасиловал и убил ее сестру. Парень был из бедной семьи. Он уже имел судимости, отцу удалось это узнать, вот он и решил взвалить всю вину на беднягу. На следующий же день подозреваемого арестовали. Алиби у него не оказалось, по крайней мере по мнению полиции, и его посадили за решетку. Несколько месяцев спустя Ксандра прочитала в газете, что парня избили до смерти во время тюремных разборок. Она оставила эту газету отцу, положила на стол, открытую на нужной странице. Отец взял газету и швырнул в камин.

Контроль. Через несколько лет, на годовщину смерти сестры, Ксандра наконец решилась. Отец выпускал ее из дома только в школу. Ксандра училась хорошо, обзавелась подружками, удивляла своими способностями учителей. Уже в старших классах она втайне от отца начала рассылать заявки на поступление в университеты, и помогал ей в этом член попечительского совета, представитель местной богемы, недавно разведенный мистер Русс.

Русс обещал, что как только они получают положительный ответ из университета, отец Ксандры сразу все поймет, проявит благоразумие и позволит ей уехать учиться, чтобы впоследствии сделать хорошую карьеру. Ксандра лишь дивилась упорству и настойчивости Русса. Частенько он показывал ей целую стопку заявок, над которыми ради нее трудился ночь напролет. Он проводил с ней много времени, давая дельные советы, втолковывая и объясняя все, что ее волновало. Ни одна из ее историй не казалась ему слишком длинной. Ни одна из проблем не обескураживала. Русс всегда был оптимистом. Всегда был добр. Наверное, именно поэтому Ксандра, как-то войдя к нему в кабинет февральским вечером, не придавала значения тому, что он запер за ней дверь.

Он сказал, что желает вознаграждения за свои труды. Он в нее влюбился, так он сказал. Ксандра не знала, что и думать. Нет, конечно, она ценила все, что он для нее сделал, но не более того. И уж определенно не была в него влюблена. Ничего, заявил он в ответ, любовь может прийти позже. Со временем. А начать можно с более простых вещей.

Контроль. В тот день Руссу удалось установить над ней полный контроль. Ксандра прибежала домой в слезах, не знала, что делать. Отец пришел домой раньше обыч-

ного, она этого не ожидала. Он сразу спросил, что случилось. Она пыталась утаить от него правду, но он был пьян, долго тряс ее за плечи и сыпал угрозами, и наконец она не выдержала и рассказала ему все. Он вылетел из дома, точно разъяренный бык. Он собирался убить ее соблазнителя. Ксандра видела, как он сунул пистолет в карман пальто.

Позже, той же ночью, она узнала, что отец нашел Русса в местном баре и застрелил его. Но и сам погиб, в него выстрелил охранник. Они умерли один за другим, в течение нескольких минут.

Ксандра пыталась отыскать в душе хоть что-то, напоминающее сожаление по поводу скоропостижной кончины двух этих мужчин, но не смогла. Они ушли из ее жизни навсегда, и она была практически счастлива. Для нее смерть отца стала просто благословением божьим. Выяснилось, что он припрятал весьма внушительную сумму, оставшуюся после смерти матери. И наверняка прикарманил бы деньги, если бы Ксандра сбежала из дома, но теперь они принадлежали ей. Да и поиски Руссом подходящего университета оказались не напрасными. К концу года ей удалось поступить в одно из лучших высших учебных заведений страны.

Контроль. Она обрела его. Она контролировала свою жизнь и знала этому цену.

Август понял, что надо вернуться. Ведь своим отсутствием он только играет Ксандре на руку, позволяет ей взять ситуацию под контроль. Она хочет вывести его из равновесия, смутить, продержат в неведении. Ему же, если он хочет спасти семью, следует оставаться собранным и спокойным.

Перед возвращением на свое место Август посмотрел в иллюминатор. Луна серебрила бледными лучами

полоски облаков, внизу простирались темные и бескрайние воды Атлантического океана. Какая тишина, какое спокойствие разлито в природе. Казалось бы, все в порядке, все хорошо. Но это заблуждение. Это совсем не так. Его мир рушился.

Скоро они приземлятся. Он до сих пор не знал, что произойдет после того, как они сойдут с самолета, и не мог контролировать ситуацию. Это следовало признать.

— Не возражаешь, если я займу свое место?

— А я уже собиралась тебя искать, — ответила Ксандра, однако не шевельнулась, и ему пришлось протискиваться к своему креслу, задевая ее ноги. — Есть новости.

Август взял старинную Библию со свободного кресла между ними, провел пальцем по оборванному краю страницы, на которой была иллюстрация.

— Нет новости хуже этой.

— Есть. Эйприл завладела тем самым экземпляром Библии Гутенберга, который так нужен нам. Члены ордена дракона собираются убить ее и, разумеется, отнять Библию.

Август поднял на нее глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Только что с ними говорила.

Все страхи Августа тотчас вернулись и усилились. Одно дело «Сироты». И совсем другое, когда в игру вступает орден дракона. «Сироты» — просто заблудшие души; члены ордена дракона жестоки и безжалостны. Если Ксандра связана с последними, тогда Эйприл и Чарли умрут.

— Так ты одна из них... — пробормотал он.

Она на секунду задумалась, приложила ладонь к виску.

— Понимаю, выглядит именно так. Но позволь объяснить, как все обстоит на самом деле. Два года назад на

конференции в Берлине я познакомилась с одним человеком. Доктором Уинтером.

— Главой отдела древней книги Библиотеки Конгресса?

Ксандра кивнула.

— В уик-энд мы встретились и долго говорили, в том числе об ордене «Сирот». И вот в последний день конференции он вдруг признался мне, что существует обновленное общество «Сирот» и он является членом этой организации. Он предложил мне вступить в нее.

— И ты ответила «да».

— Не сразу. Меня многое смущало. Но доктор Уинтер — Эйприл, наверное, рассказывала — умеет убеждать. Примерно с месяц мы обменивались письмами по электронной почте. А потом я вступила в организацию. Разумеется, весь следующий год был посвящен исключительно «Сиротам», я занималась охотой за ключами и кодами к тайне, которая умерла вместе с Гутенбергом. Но ничего найти так и не удалось. А затем, в один прекрасный день, целая цепочка самых чудесных и удивительных совпадений, объяснить которые я не в состоянии, привела к тому, что в руках у меня оказался дневник Гутенберга.

— Тот самый, что нашел отдел Икс?

— Тот самый, — кивнула Ксандра. — Вскоре после этого со мной связался человек по имени Корнелиус Худ. Каким-то образом ему стало известно, что дневник у меня, и он предлагал хорошие деньги, желая выкупить его. Я ответила, что дневник не продается. Он заявил, что есть и другие способы убедить меня расстаться с реликвией. Я бросила трубку. Проснулась утром следующего дня и увидела Худа — он стоял у изножья моей кровати. Стоял и целился из пистолета прямо мне в лоб. Он сказал, что я не являюсь законной владелицей дневника, что он

принадлежит какой-то древней немецкой организации, весьма могущественной, которая практически вышла из игры после Второй мировой войны.

— Ордену дракона.

— Мне совсем не хотелось умирать, я и сказала ему, что вхожу в орден «Сирот» — в надежде, что он сохранит мне жизнь в обмен на информацию. Позже выяснилось, что это было мудрым решением, поскольку он не только оставил меня в живых, но и пригласил вступить в орден дракона.

— То есть шпионить на них?

— Да. Но втайне я занималась совсем обратным.

— Так ты двойной агент?

— Как в «Миссия невыполнима», только круче.

— Стало быть, тебе известен каждый следующий шаг ордена.

— Ну, не совсем. До конца они мне не доверяют. Однако пользуются моим положением в ордене «Сирот».

— Вот, значит, как ты узнала, что они охотятся за Эйприл.

— Да. У нас еще есть время помочь ей. Ведь именно у нее находится вещь, которую так отчаянно пытаются заполучить и «Сироты», и драконисты. Библия Гутенберга. И если она добровольно отдаст Библию, оперативный агент не станет ее преследовать.

— А ты получишь три последние иллюстрации, потому что орден покажет их тебе.

— Вот видишь? Все только выиграют. Но лишь в том случае, если она вернет Библию, — сказала Ксандра, достала телефон и протянула Августу. — Позвони ей. Уговори отдать Библию. Возможно, это будет непросто, поскольку она, скорее всего, считает Гутенберга единственным своим козырем, на который можно обменять все. Но

если она не возвратит книгу, они убьют ее, это точно. Сам увидишь, какие катастрофические последствия это будет иметь.

Август не слишком верил Ксандре, но определенный смысл в ее словах был. Во всяком случае, без Библии Гуттенберга Эйприл будет угрожать меньшая опасность. Он набрал номер.

— Алло?

— Это я.

— Август!

— Послушай, времени на разговоры нет. Оставь книгу, прямо сейчас. И уходи как можно быстрее!

— О чем ты? Почему?

Август понял: она бежит или быстро идет по улице. Слегка запыхалась, на заднем плане слышен гул транспорта.

— Рад бы объяснить, да не могу, — ответил он. — Скажи, ты видишь человека, который тебя преследует?

— погоди секунду. — Пауза. Шум городского движения. Какие-то невнятные голоса, видимо, прохожих. — Да. Парень с длинным шрамом на подбородке.

— Длинный шрам на подбородке? — спросил Август.

— Это Гомес, — сказала Ксандра. — Именно его послали за книгой.

— Послушай, Эйприл!

— Да?

— Человека, который преследует тебя, зовут Гомес. И я хочу, чтобы ты оставила книгу в любом подходящем месте. А потом беги что есть мочи. И не оглядывайся!

— Но Август, я не могу это сделать. Я должна добраться до Чарли.

— Нет времени. Бросай книгу и уходи.

— Но как тогда я верну Чарли? Ведь это единственный способ.

Август физически чувствовал, как нарастает напряжение.

— Так у тебя ничего не получится. Если не отдашь книгу, они убьют и тебя, и Чарли.

— Ты это точно знаешь?

— Эйприл. Поверь мне.

— Я уже давным-давно тебе не верю, — ответила она. — Просто не могу.

Стало тихо. Она повесила трубку. Август медленно отнял телефон от уха.

— Ну что? Она это сделает? — спросила Ксандра.

— Не знаю. Не уверен, — ответил Август.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Эйприл шла стремительным шагом, изо всех сил сдерживая желание сломя голову бежать от мужчины со шрамом. Казалось, она ощущает на шее его жаркое дыхание. Нет, надо держать себя в руках. И еще ей необходимо принять решение. Причем быстро.

Отдавать книгу или нет?..

Если Библия останется при ней, можно будет попробовать сторговаться насчет Чарли. Но что, если Август прав? Что, если сына держат в заложниках только из-за Библии Гутенберга? Тогда, сохранив ее при себе, она лишь осложнит ситуацию.

Где он, человек со шрамом?

Эйприл подняла руку с часами и притворилась, будто хочет узнать, который час. В зеркальной панели возникло отражение — он близко. И сокращает расстояние.

Она крепко сжимала книгу в руках. Отдать ее — все равно что отдать Чарли, своего ребенка. Распрощаться с единственной силой, способной сохранить ему жизнь. Но, возможно, она ошибается, и Август куда ближе к истине. Ему следует верить. Но что, если и он ошибается?..

Ужасное решение...

Ведь неверный выбор означает одно: смерть Чарли. И бабушки Роуз.

Уже не говоря о ней самой.

Эйприл снова поднесла часы к глазам, проверить, где ее преследователь. Подобрался еще ближе?.. Да. Он совсем рядом. Просто идет по следу? Или выжидает удобного момента затащить ее за угол и перерезать горло?

Эйприл увидела впереди переулок. Ей придется перейти там через дорогу. Другого пути просто нет.

Но перед ним! Вот оно, ее спасение! Скамья! Самое подходящее место, чтобы оставить книгу и убежать. Это знак свыше.

Эйприл поцеловала Библию и положила ее на скамью. А потом побежала. Она мчалась, как никогда в жизни, впрочем, бегать ей вообще приходилось редко. В спортивные залы она практически не ходила. Стройная фигура была подарком родителей, удачным набором ДНК, а не результатом изнуряющих тренировок. «Как вам удается поддерживать такую замечательную форму?» — спрашивали ее. И она отвечала, что занимается йогой, а порой вспоминала вычитанную в газете или научном журнале статью об особой диете. Лгать людям, конечно, нехорошо, но все же лучше, чем говорить правду. Что она не делает ровным счетом ничего. В то время как остальные просто из кожи вон лезли и все равно полнели, она съедала огромные порции мороженого, дремала на диване после обеда и каждое утро просыпалась стройной и свежей.

Но теперь Эйприл сожалела о своей лени. Она даже запаниковала немного. Дыхания не хватало. Кажется, именно этому в первую очередь учат в спортивных залах? Правильному дыханию при беге и прочих физических нагрузках. Учат держаться в форме. А она совсем забыла, как надо грамотно дышать. Она глубоко втянула воздух носом и ртом, но без толку. Эйприл припустила еще быстрее. В боку возникла резкая боль, точно ее

пырнули ножом. Теперь она поняла, каково это — быть настоящей бегуньей. Выносить нечеловеческую боль? Нет, на такое она неспособна.

Она приподняла руку и снова попыталась взглянуть на отражение в часах: проверить, что там, позади. Но изображение прыгало, разобрать ничего не удавалось. Непонятно, отстал преследователь или нет.

Тогда она стала прислушиваться к шагам за спиной, но различила лишь стук своих ног по тротуару да бешеное биение сердца, отдававшееся в ушах.

Надо остановиться.

Она больше не может.

Стоп.

Эйприл рухнула на газон возле дороги и стала ждать, когда холодное лезвие коснется горла. Она тяжело дышала, казалось, легкие вот-вот лопнут, как воздушные шары в конце вечеринки.

Она ждала.

Эйприл открыла глаза. Ничего не было видно. Голова кружилась. В ушах звенело. Она заморгала, и перед глазами начала вырисовываться картинка. Мигающий светофор, тени машин, проносившихся мимо. Никакого мужчины с острым ножом.

Неужели она в безопасности? Эйприл медленно поднялась на колени. Вроде бы никто ее не преследует. Так значит, сработало? Выходит, Ксандра сказала Августу правду?..

Дыхание пришло в норму. Вместе с ним вернулась и способность к рациональному мышлению. Чарли!.. Ей непременно нужно добраться до Чарли.

Она поднялась, взмахом руки остановила такси, села на заднее сиденье и назвала водителю адрес. Тот вы-

жал педаль сцепления, а потом спросил, все ли с ней в порядке. Она ответила: нет. Водитель пожал плечами, давая понять, что ему все равно.

Добирались они страшно долго. Возможно, в обычной ситуации, если бы она просто ехала через весь город забрать нужную книгу или заскочить на чай к старой подруге по колледжу, ей бы так не показалось. Но сейчас путь превратился в вечность. Она спросила водителя, не может ли он ехать быстрее. Тот снова пожал плечами. Он ее не понял. Или сделал вид, что не понял.

— Остановитесь вот здесь, — сказала Эйприл.

Они находились в двух кварталах от ее дома. Даже отсюда Эйприл различала, что в окнах горит свет. Но жалюзи опущены, и что там творится внутри, пока неизвестно. Она расплатилась с таксистом. Чаевые оставлять не стала. Возможно, это было неправильно, не слишком красиво, но ей всю дорогу казалось, что он нарочно едет медленно да еще накинул лишних два бакса. Ведь он мешал ей увидеть сына! Сына, который, вероятно, ранен или даже мертв. Впрочем, он никак не мог знать об этом. Но Эйприл все равно не стала давать ему на чай и, когда он резко отъехал от тротуара, лишь пожала плечами. Похоже, он понимал только язык жестов.

Эйприл зашагала по направлению к дому, стараясь держаться в тени, подальше от бледно-желтых, как мочевина, кругов, что бросали на асфальт уличные фонари. Приходится быть осторожной. За последнее время она хорошо усвоила этот урок.

Она постепенно приближалась к цели. Если Ксандра не лжет, в доме не должно быть никого, кроме Чарли и бабушки Роуз. А если кто-то и находился там раньше, то ему приказали уйти, потому как драгоценная Библия теперь в руках ордена.

Эйприл подошла к дому с левой стороны. Остановилась, прикинула, стоит ли подниматься на крыльцо и стучать в парадную дверь. Собрав волю в кулак, она постаралась выкинуть из головы счастливое видение: Чарли и бабушка Роуз обнимают ее и благодарят за спасение. Нет, эти картинки следует приберечь до более спокойных времен.

И она решила войти через заднюю дверь, чтобы сперва заглянуть в кухонное окошко и оценить ситуацию. Если все в порядке, если бабушка Роуз и Чарли мирно сидят за столом и лепят печенье, тогда она просто вернется к парадной двери или же распахнет заднюю и поприветствует их веселой улыбкой. Им ведь все равно, главное, чтобы она появилась. То-то будет радости.

Эйприл обошла дом, браня себя за то, что до сих пор не удосужилась установить на крыльце освещение. Кругом царил непроницаемая тьма, и вот она, никем не замеченная, на цыпочках подкралась к кухонному окну.

И заглянула, всего одним глазком.

Но и этого оказалось более чем достаточно.

Того, что она увидела на кухне, хватило бы на тысячу самых жутких ночных кошмаров. Она подавила подкатившую к горлу тошноту и заставила себя посмотреть еще раз. Ей надо было знать, кто стал жертвой. Господи, сделай так, чтобы это оказался не Чарли! Пожалуйста, Господи, умоляю тебя!..

Нет, это был не Чарли. И не бабушка Роуз. Это был незнакомый ей человек. А если бы даже знакомый, то узнать его теперь не представлялось возможным, учитывая состояние, в котором находилось его тело. Вернее, части тела, слишком крупные, чтобы принадлежать Чарли или бабушке Роуз. В этом она не сомневалась.

Внезапно Эйприл услышала незнакомый звук. Точнее, знакомый звук в неожиданной ситуации. Ее отец

был плотником. Не по профессии, просто такое у него сложилось хобби. Он мастерил разные безделушки, игрушки, столы и стулья. И звук пилы ассоциировался у Эйприл с разными самодельными вещами. Но тут пила предназначалась для другого. Пила несла муки и смерть.

Неожиданно звук ее стих. Поначалу Эйприл обрадовалась, что не слышит больше ужасного шума, но затем поняла: будет следующая жертва. Более скромных размеров. И скоро.

Что же делать? Вызвать полицию? Но пока они придут... да и потом, прибытие полиции может лишь усугубить ситуацию. Мать и сын окажутся в заложниках у этого чудовища. И выживших уже не будет.

Она заставила себя снова заглянуть в окошко кухни и тут же отпрянула. Неужели он ее увидел? Она ждала, что вот-вот откроется задняя дверь и во дворе появится мужчина в хирургической маске, шапочке и перчатках. Подойдет и начнет душить ее. Но дверь оставалась закрытой. Он ее не заметил. Зато она видела его, видела, что он... чистильщик?.. Убирает все тщательно и неспешно, точно хлопотливая хозяйка после семейного обеда. Чистильщик? Кажется, так называют киллеров особого назначения? О подобных ему она читала в желтой прессе. Читать было забавно и одновременно противно, а не читать тоже не получалось. Противостоять этому искушению она почему-то не могла. Да, серийные убийцы порой вытворяют жуткие вещи. Так что же происходит в ее доме?

Эйприл бросилась к крыльцу. Штора на одном из окон была слегка отдернута, и за ней виднелась гостиная. Эйприл затаила дыхание. Слезы градом катились по щекам, и она смахнула их сердитым жестом.

«Спокойно! Главное — спокойно! Держи себя в руках!»

Чарли и мать барахтались на полу связанные, силясь освободиться от пут. Хотели, бедные, бежать, ведь убийца, этот мясник, мог войти в любую минуту.

Побежать к соседям и попросить о помощи? Не исключено, что у кого-то найдется ружье или пистолет. Это Колумбия, у людей здесь есть оружие, как же без него, оно необходимо для самообороны. А вот у нее оружия нет. Ведь в доме мальчик, Чарли. При одной мысли о том, что в доме появится оружие, она впадала в панику. И кого она обманывала?... А вот у ее противного соседа справа оружие вполне может быть. Как же его звать?... Она не помнила. Никогда его не спрашивала. Однажды она видела, как он подглядывает за ней в окошко. Нет. Даже если у него есть оружие, будут только лишние неприятности. И помощи от него ждать не стоит.

Эйприл подергала ручку двери. Заперта. Ах, ну да, конечно! Ключи. Ключи. У нее есть ключи. Но где они? На письменном столе в библиотеке. Она напрасно тратит время. А им нужна помощь. Может, высадить окно? Она огляделась по сторонам в поисках подходящего предмета, встала на четвереньки, начала шарить в кустах у забора. Нашла пластиковую бутылку. Пенни. Старую газету. Мусор. Ничего подходящего. Где бейсбольные биты? Где железные пруты?

И тут внутри дома раздался крик. Вернее, страшный стон, переходящий в звериный вой. Ее время истекло. Она опоздала. На глаза навернулись слезы.

«Нет! Нет! НЕТ!»

Эйприл лихорадочно огляделась, глаза застилали слезы. Тут она заметила отражение уличного фонаря в поилке для птиц. Подбежала к ней, перевернула, тут же промочив брюки и едва не отдавив пальцы на ногах. Поилка оказалась жутко тяжелой, но Эйприл все было ни почем. Она слышала о матерях, творивших настоящие

чудеса в критических ситуациях, когда их детям что-то угрожало. Эти женщины останавливали машины. Выдергивали из земли телеграфные столбы. Так что бетонная поилка — просто пустяк в сравнении с этим. Она подняла ее и понесла к окну. А потом собралась с силами и ударила ею в стекло.

Стекло разлетелось вдребезги, штора сорвалась и вместе с карнизом обрушилась на пол. Поилка вкатилась в комнату и врезалась мяснику в ногу. Он упал. Из горла у него сочилась кровь. Кровь была повсюду.

Эйприл влезла в окно. Чарли и бабушка Роуз почти освободились от пут, но застыли в полной неподвижности. Только тут Эйприл осознала почему. Мясник медленно поднимался на ноги. Он был все еще жив, несмотря на плачевный вид. Эйприл преградила ему путь.

— Оставь мою семью в покое! — выпалила она.

Мясник расхохотался. Из уголка рта сочилась струйка крови, алая жидкость стекала вниз по шее и капала на рубашку. Он слегка пошатывался.

Эйприл протянула руку и подобрала любимые бабушкой Роуз ножницы с розовыми ручками. Ножницы были такие острые, что Чарли категорически запрещалось резать ими бумагу или картон. Они оказались запачканы красным и липли к рукам. Очень дорогие ножницы — тяжелые и отлично заточенные. Эйприл принялась размахивать ими и вдруг почувствовала, что ведет себя глупо — как персонаж из «Вестсайдской истории». Однако от ее внимания не укрылось, с каким страхом мясник смотрит на ножницы. Он сразу понял: эта женщина не шутит.

Внезапно он поднырнул и стремительно набросился на нее. Эйприл отлетела в сторону. Он навалился сверху, их лица разделяло несколько дюймов. Он схватил ее

за горло и начал душить. Эйприл пыталась воткнуть в него ножницы, но он держал ее руку так, что она не могла пошевелить ею.

Он еще сильнее сдавил ее горло. Эйприл бешено металась, пытаясь вырваться. Бесполезно. Слишком неравными оказались силы, и это несмотря на то, что убийца был ранен. В глазах у нее потемнело.

А потом...

Потом это чудовище неожиданно скатилось с нее.

Эйприл судорожно хватала ртом воздух, стремясь наполнить легкие. Она села и потеряла шею, ей казалось, пальцы мясника до сих пор сжимают ее. Сам он неподвижно раскинулся на полу.

Мертвый.

Эйприл с трудом оторвала взгляд от тела. Бабушка Роуз лежала неподалеку, зажав в вытянутой руке пистолет. В воздухе витал кисловатый запах пороха.

— Джо мне дал, — пояснила она.

«Кто такой Джо?» — недоуменно подумала Эйприл.

А потом почувствовала, как сзади ее обнимают руки Чарли. Она повернулась, крепко сжала его в объятиях, и оба заплакали.

— Ну, тише, тише, — принялась утешать сына Эйприл. — Все позади, все хорошо...

— А что с папой? — всхлипнул Чарли.

Эйприл не ответила. Она пока что не знала ответ.

Она достала мобильный и набрала 911. Бабушке Роуз нужна медицинская помощь, пусть даже она уверяет, что чувствует себя хорошо. Ничего себе, получила пулевое ранение, и у нее, видите ли, все хорошо. В этом вся мама.

— Но что с папой?

Чарли снова задал тот же вопрос. Ребенок получил тяжелейшую психологическую травму и все равно дума-

ет не о себе. Что за сокровище ее сынишка! Просто удивительный мальчик!..

— Ты должна помочь папе.

Эйприл слышала его слова, вот только не знала, как воплотить их в жизнь. Она по-прежнему дрожала.

Эйприл снова взглянула на труп — нет, не один, целых два трупа лежали на полу в гостиной. Их дом превратился в морг.

Где-то в отдалении послышался рев сирены. Через минуту дом наводнят полицейские и спасатели.*

— Ты должна идти, мам. Ты нужна папе.

Эйприл понимала, что имеет в виду Чарли. Ей хотелось объяснить сыну, что Август не нуждается в ней. Никогда не нуждался и не будет. Да она и не видела способа помочь. Он не из тех, кому помогают. Она уже открыла рот, подыскивая подходящие слова, но так и не смогла найти.

Комнату затопил свет фар и вой сирен.

— Беги!

Эйприл взглянула на Чарли. Он всего лишь ребенок. Он не понимает, что бежать ей некуда.

— Иди.

Это сказала бабушка Роуз.

— С нами все будет хорошо. Иди.

И Эйприл вышла из комнаты.

Она пробралась через кухню, стараясь ни к чему не прикасаться, даже не смотреть на весь этот ужас. Открыла заднюю дверь и бросилась бежать. Поначалу она понятия не имела, куда именно бежит.

Ей нужна машина, вот что!

Она миновала задний двор, затем соседский и оказалась на параллельной улице. Обернулась и увидела: около их дома останавливаются полицейские автомобили

и машины «скорой». Теперь о Чарли и бабушке Роуз есть кому позаботиться.

Эйприл перебежала через улицу, быстрым шагом прошла один, два, три, четыре квартала и оказалась возле бензозаправочной станции. Она направилась к телефону-автомату возле дороги и сделала вид, что звонит. К заправке подъехал мужчина на маленькой черной «хонде». Вышел, заправился и зашел в кафе-магазин. Возможно, решил выпить чашечку кофе. Или купить «Сникерс». Эйприл не знала, взял он с собой ключи или нет.

Она повесила трубку и медленно двинулась к машине. Вокруг — ни души. Она заглянула в окно со стороны водительского места и увидела ключи — мужчина оставил их на сиденье. Как-то слишком просто. Она отворила дверцу и выключила сигнализацию, потом прыгнула в машину и завела мотор. Просто глупость какая-то, включать сигнализацию и бросать ключи на сиденье. Ей не сказанно повезло! На секунду она почувствовала нечто вроде симпатии к легиону автоугонщиков, наводняющих округ Колумбия.

Машина тронулась с места, и в зеркало заднего вида Эйприл увидела, как хозяин «хонды» выходит из магазина. Он замахал кулаками и побежал следом. Эйприл выехала со стоянки на дорогу, едва не врезавшись в грузовик. Так недолго и с жизнью распрощаться.

Ей удалось вовремя вывернуть руль, проскользнув перед самым носом грузовика, и вылететь на соседнюю полосу. Она выжала сцепление в пол и время от времени косилась в зеркало — до тех пор, пока потрясающий кулаками хозяин машины не превратился в еле заметную точку.

Проезжая по городу, она сбросила скорость. Интересно, когда ее остановит полиция? Эйприл вдруг стало ужасно стыдно, ведь она совершила преступление. Ее могут

отправить в тюрьму. Руки снова задрожали, и тогда она крепче вцепилась в руль.

И потом, что она намеревается предпринять, даже если доедет до Нью-Йорка? Август сойдет с самолета, и она будет стоять там, как полная дура.

— Что ты здесь делаешь?

— О, просто подумала, не угнать ли машину, чтобы приехать и убедиться, все ли с тобой в порядке?

— Зачем?

— Затем, что Чарли меня попросил.

Жаль, не было времени как следует обдумать ситуацию. Как могла она поступить так импульсивно? Угнать машину? Помчаться в Нью-Йорк? Последний раз она совершила опрометчивый поступок, купив целую пинту мороженого в супермаркете, за что потом корила себя несколько недель.

Она уже собралась ударить по тормозам. Ехать в Нью-Йорк нельзя! Это безумие.

Аэропорт. Можно полететь в Нью-Йорк.

Эйприл развернулась и поехала в международный аэропорт Даллеса. Машину она бросит на стоянке и успеет на рейс в 9.35. Если поторопится.

Вряд ли это разумный план, но уж какой есть.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Детектив Йенсен подъехал позже. Он всегда так поступал. В первые минуты на месте преступления царят суэта и неразбериха, а он прибывал со свежим взглядом и ясной, незамутненной головой.

— Ну, что тут у вас? — спросил он первого встречного детектива.

— Да ничего хорошего, — ответил тот.

На груди его болтался ламинированный бейдж с фамилией «Уоллес».

— Два мертвых тела в гостиной и еще одно, мертвее некуда, на кухне.

— Мертвее некуда? Что вы имеете в виду?

Уоллес был бледен.

— Идите посмотрите сами.

Йенсен отворил дверь на кухню и оглядел представшую перед ним картину. Двое следователей собирали вещественные доказательства, делали снимки, что-то стромили в своих блокнотах. Йенсен отвернулся, поморгал, потом еще раз осмотрел помещение, но внутрь так и не вошел.

— Где тело? — спросил он.

Один из сыщиков поднял голову.

— Вот здесь, здесь, здесь, здесь и здесь, — ответил он, указывая ручкой.

— О боже, — пробормотал Йенсен. — И кто это был? Есть идеи?

— Пока нет, — ответил следователь. — Нужно время, чтобы собрать все вместе. А большая часть тела вообще растаяла.

— Растаяла?

— Ну, растворилась. В кислоте. Убийца знал свое дело. Еще полчаса — и здесь бы ничего не осталось.

— Убийца на свободе?

— Не думаю, — ответил сыщик. — Если верить словам мальчишки, убийцу застрелила бабушка.

— Мальчишка? Бабушка?..

— Так вы с ними еще не говорили?

— Нет. Я только приехал. Где они?

— Последнее, что я знаю: бабушку погрузили в «скорую». У нее огнестрельное ранение ноги, но она отказывалась от медицинской помощи. Врачам удалось уговорить ее поехать в больницу, и она настояла, чтобы мальчик отправился с ней.

— Ладно. Попробую их догнать, — сказал Йенсен.

Всегда лучше получать информацию на месте преступления после того, как у свидетелей было время осознать случившееся.

— А вы подготовьте мне полный отчет. Прямо сейчас.

— Сделаем, — ответил Уоллес и поднял отрубленный палец ноги.

Йенсен направился к выходу.

— Нашел кое-что интересное, — бросил ему вдогонку Уоллес.

— Оно может подождать? Хочу увидеть свидетелей, пока «скорая» не уехала.

— Тогда я с вами.

— Хорошо, — ответил Йенсен.

Уоллес, судя по всему, хочет выслужиться, произвести впечатление на начальство. Они вышли из дома. Кругом мигали вспышки — прибыла пресса. Вечно они устраивают бардак. За желтой ограждающей лентой толпились соседи.

— На двух телах — тех, что... целых, короче говоря, — найдены медальоны. На цепочке, вокруг шеи, — сказал Уоллес, шагая бок о бок с Йенсеном.

— Медальоны?

— Да, и довольно странные. Вот, я сделал снимок одного из них. — Он достал фотографию.

Йенсен взял ее и поднес под углом к свету уличного фонаря. Большой золотой дракон, свернувшийся клубком, в острых когтях сжимает распятие. На кресте несколько слов. Судя по всему, латынь.

— И что это означает?

— Рад, что вы спросили, — сказал Уоллес. — Я посмотрел. Понимаете, мой телефон подключен к Интернету, надо всего лишь...

— Так что это означает?

— Гм... Простите. Слова с правой стороны... это латынь, но...

— Сам вижу, что латынь.

— Это означает: «Как милостив Бог». А слева: «Предан и справедлив».

Впереди Йенсен увидел, как женщину сажают в машину «скорой». Она жарко спорила о чем-то с одним из медиков. Мальчик — судя по всему, ее внук — стоял рядом с решительным видом и никуда не собирался уходить.

— А что означает сам медальон? Есть идеи?

— Возможно.

— Возможно? И что же это, по-вашему?

— Ну, это... Короче, ничего хорошего.

— Вот как? Ничего хорошего — это когда мы находим тело, разрезанное на миллион маленьких кусочков. Куда уж хуже... Расскажи все, что знаешь.

— Особо времени не было, так что найти удалось только одну вещь. С помощью телефона можно произвести лишь самый приблизительный...

— Уоллес!

— О'кей. Прошу прощения. Такие медальоны носили сотни лет тому назад члены организации под названием «орден дракона».

— Похоже на ритуальное убийство.

— Вполне вероятно. Это и есть самое скверное, — сказал Уоллес.

Он огляделся по сторонам и понизил голос.

— Я просто уверен, что видел их прежде. На паре наших ребят, в раздевалке. Один пытался прикрыть медальон ладонью, но я уверен, он в точности такой же, как этот. Не так уж много в наши дни встречается парней, которые носят медальоны?

— Просто ты в Нью-Йорке никогда не работал, — буркнул Йенсен и положил Уоллесу руку на плечо. — А вообще молодец. Хорошая работа. Теперь составишь мне подробный и толковый отчет к завтрашнему утру. Ты меня понял?

— Да.

— Вот и хорошо, — сказал Йенсен.

Они дошли до машины «скорой».

— А теперь позволь мне поработать.

Уоллес исчез. Йенсен схватил за рукав одного из медиков и отвел в сторону.

— Ну, что там у вас с бабулей?

— Наконец-то уговорили ее лечь. Жутко упрямая старушенция, — сказал врач. — И так завелась. Впрочем, трудно ее винить — после всего, что она пережила.

— Слышал, в нее стреляли.

— Да. Пуля прошла навывлет. Тот, кто это сделал, никудышный стрелок. Ни один из жизненно важных органов не задет.

— Успокоительное давали?

— Нет. Она отказалась.

— Может, вкатаете ей укольчик? — попросил Йенсен. — Мне надо допросить мальчишку, не хочу, чтобы она вмешивалась.

— Вы собираетесь допрашивать мальчика сейчас? Но где? В машине «скорой»?

— Да какая разница где. В машине так в машине. Быстрота — ключ к успеху. Мы до сих пор не знаем всех фактов, — сказал Йенсен. — И подозреваем, что убийца может разгуливать на свободе.

— Я думал, что...

— Да, именно. Мы думаем, что дела обстоят так. Возможно, мы ошибаемся. Мальчик наверняка даст новую информацию. Так ты готов усыпить старую леди?

— Обычно в таких случаях я говорю «нет», — ответил медик. — Но ей самой это необходимо. Слишком серьезная психологическая травма... — И с этими словами он влез в машину и занялся капельницей.

Бабушка Роуз пыталась возражать, но быстро успокоилась.

Йенсен сел в машину и устроился рядом с Чарли. Тот, укутанный в одеяло, держал бабушку за руку.

— Привет. Я детектив Йенсен. Я здесь, чтобы разобраться, что у вас сегодня произошло.

Бабушка Роуз молчала и часто моргала. Она пробормотала что-то под кислородной маской, но слов Йенсен не разобрал.

— Ну, как она? — с тревогой спросил Чарли.

— Она поправится, и все будет о'кей, — ответил Йенсен и протянул Чарли руку. — Ну, давай знакомиться. Я детектив Йенсен.

— А я Чарли, — сказал мальчик. — А вы настоящий детектив?

— Самый что ни на есть настоящий, — улыбнулся Йенсен, достал значок и протянул мальчику.

Чарли взял тяжелую бляху, взвесил на ладони, потом бережно потер пальцем.

— Круто!.. — протянул он.

— Можно задать тебе пару вопросов? — сказал Йенсен.

— Не уверен.

Тут в машину вскочил еще один медик, захлопнул дверцы, и «скорая» отъехала.

— С твоей бабушкой все будет в порядке, — уверил мальчика Йенсен и покосился на старушку — та спала. — Но беспокоить ее сейчас не стоит. Пусть себе отдыхает.

— Да, трудный выдался вечер, — вздохнул Чарли, словно копируя подслушанную где-то фразу.

— Да уж. Похоже на то, — согласился Йенсен. — Сможешь о нем рассказать, как думаешь?

— Не знаю.

— Это очень поможет нам в расследовании, — произнес Йенсен с особым нажимом на последнее слово.

— Так вам нужна моя помощь?

— Твоя помощь просто необходима! — воскликнул Йенсен. — Особенно если в этом деле участвовал кто-то еще, кого не было в доме на момент приезда полиции.

— То есть не мертвец?

Йенсен усмехнулся тому, как Чарли сформулировал вопрос.

— Полагаю, да. И мне хотелось бы знать, покидал ли кто-то дом перед приездом полиции?

— Не знаю.

— Не знаешь? А я-то думал, что такой умный и наблюдательный мальчик непременно поможет мне разобраться во всей этой истории. Работа детектива состоит в том, чтобы запоминать множество деталей, в том числе самых мелких. Деталей, на которые другие люди не обращают внимания, — сказал Йенсен. — К примеру, я заметил следы ног на кухне, слишком маленькие, чтобы принадлежать мужчине. И оставлены они туфлями, которые не похожи по фасону на те, что носит твоя бабушка. — Он указал на домашние тапочки бабушки Роуз на плоской подошве.

— Тогда чьи же это следы? — спросил Чарли.

— Не знаю, — ответил Йенсен. — А вот ты знаешь, готов побиться об заклад.

— Гм... — хмыкнул Чарли и призадумался. — Что-то такое припоминаю.

— Правда? Знаешь, из тебя получится отличный детектив!

Чарли расцвел в улыбке.

— Не хотел говорить раньше, но моя мама была там всего за несколько минут до полиции.

Йенсен явно не ожидал подобного ответа.

— И что она там делала?

— Помогала нам отбиться от Стэнли, — ответил Чарли.

— Кто такой Стэнли?

— Ну, тот тип с большим порезом на шее. Бабушка швырнула в него ножницы.

— О-о... — протянул Йенсен. — Так этот Стэнли хотел тебя обидеть?

— Он хотел убить нас всех. Сперва он забрал Джо, потом вернулся за нами.

— А кто такой Джо?

— Тот парень, который связал нас с бабушкой. Я хотел застрелить его, но он выстрелил первым и ранил бабушку Роуз. А потом у меня начался приступ астмы.

— Так. Давай-ка лучше вернемся к твоей маме, — сказал Йенсен, пытаясь осмыслить услышанное. — Где она была все это время? В доме?

— Нет. Пришла в самом конце.

— И куда направилась?

— У нее будут неприятности?

Йенсен состроил озабоченную гримасу.

— Только если ты не скажешь, куда она пошла.

«Скорая» мчалась по дороге. Внимание бригады медиков всецело поглощала бабушка Роуз. Пока что, судя по показаниям приборов, состояние у нее было стабильное. Водитель сказал, что ехать до больницы осталось всего несколько минут.

— Я смогу помочь только в том случае, если ты сможешь мне, — добавил Йенсен. — Так где сейчас твоя мама?

Чарли вздохнул.

— Отправилась искать папу.

— А где папа?

— В самолете.

— Так она поехала в аэропорт?

— Наверное.

— Назови имя и фамилию отца.

— Август Адамс.

Йенсен удовлетворенно кивнул.

— Знакомое имя, — пробормотал он. — Кажется, я видел его снимки в журнале, такое могло быть?

— Да, мой папа по-своему знаменит, — сказал Чарли, пожимая плечами.

Йенсен сполз с сиденья, чтобы заглянуть мальчику в глаза.

— Мне нужно знать всю правду, — многозначительно прошептал он. — Скажи, у твоего отца неприятности?

— А вы ему поможете?

— Думаю, мы вместе сделаем это, — ответил Йенсен.

Машина остановилась у входа в отделение скорой помощи при университетском медицинском центре имени Джорджа Вашингтона. Двери распахнулись, два санитара поставили носилки с бабушкой Роуз на каталку и повезли в приемную.

— Мальчик должен остаться с ней, — сказал один из врачей «скорой».

— Планы изменились, — ответил Йенсен. — Я забираю его с собой.

— Вы уверены, что это необходимо? — спросил врач.

Йенсен метнул в его сторону выразительный взгляд.

Команда медиков забралась обратно в машину, и «скорая» отъехала, спеша оказать помощь следующей жертве ночной жизни города.

К дверям приемного покоя подкатил черный автомобиль. Йенсен подошел, открыл дверцу и жестом пригласил Чарли садиться.

— Нам предстоит одно важное дело, — сказал он.

— Какое?

— Когда-нибудь встречал настоящего агента ФБР? — спросил Йенсен.

Чарли улыбнулся и забрался в машину.

Агенту Менгу позвонили перед самой посадкой на самолет. Он должен забрать мальчика и доставить его в Нью-Йорк.

— Но разве Стэнли не избавился от него? — спросил он Йенсена.

— Стэнли мертв.

— Шутишь?.. — изумился Менг.

Он был искренне удивлен.

— Если честно, меня не слишком печалит эта новость. Парень был типичным маньяком, мерзким садистом, если хочешь знать мое мнение.

— Зато он очень ответственно относился к работе.

— Тогда почему он не закончил работу и не убрал мальчишку?

— Потому что встряла Эйприл. Она удрала и теперь тоже направляется в Нью-Йорк.

— Получается, мальчишка — крючок, на который можно подцепить Адамсов, если что-то пойдет не так?

— Ну, пока не знаю, — ответил Йенсен. — Мне велели передать тебе информацию, и все. Если есть проблемы, обсуди их с Корнелиусом.

Меньше всего Менгу хотелось именно этого. Любой, допустивший такую ошибку, вступив в спор с магистром ордена дракона, в скором времени исчезал, причем совершенно бесследно.

— Когда ты будешь на месте?

— Прямо сейчас, — ответил Йенсен.

Минуту спустя Менг увидел, как к самолету подъехал черный автомобиль. Из него бодро выскочил Йенсен, подал руку Чарли и подвел его к Менгу.

— Вот, знакомься, это агент Менг, — сказал Йенсен. — Он из ФБР.

— Круто, — протянул Чарли и подошел к трапу. — Вы отвезете меня к папе?

— Самособой, — ответил Менг. — Когда-нибудь летал на частном самолете?

— Нет.

— Вот и детектив Йенсен тоже не летал, — ухмыльнулся Менг.

Йенсен метнул предостерегающий взгляд в его сторону.

— Ну, вперед, друг мой. — Менг подал Чарли руку и помог взобраться по ступенькам.

— Приятного вам полета, — сказал Йенсен.

— Ну а ты чем займешься? — спросил Менг, когда Чарли скрылся в салоне.

— Прослежу за бабкой, — ответил Йенсен. — Может, позже придется ее устранить.

— Значит, будешь дежурить у постели старушки. Мило, — усмехнулся Менг и стал подниматься по трапу. — Тебе вечно достается самая простая и приятная работа.

— Зато ты теперь будешь нянчиться с ребенком.

Менг не ответил. Перед ним стояли куда более сложные задачи, нежели обмениваться колкостями с фанатиком Йенсеном. Он закрыл дверь и вошел в салон, где в кожаном кресле расположился Чарли. На столике перед ним лежала Библия Гутенберга, за которой столь энергично охотился Гомес.

— А я знаю, что это, — сказал Чарли. — Мама как-то водила меня в библиотеку.

— Вот как? Везучий ты парень, как я погляжу. Многие люди проживают жизнь, так и не увидев подобной красоты, — заметил Менг и уселся в кресло напротив Чарли.

Он начал листать страницы, пока не нашел одну из цветных иллюстраций, копию которой пересылал Ксандрю.

— Похоже на комикс! — воскликнул мальчик.

— О нет, это гораздо лучше комикса, — возразил Менг и развернул книгу к Чарли.

— Вы, наверное, никогда не читали «Хранителей»? — спросил мальчик.

— А ты?

— Тоже нет, — признался Чарли. — Но отец подарил мне первые издания комиксов, целый набор. Сказал, что я смогу прочесть их, когда мне исполнится шестнадцать. Но при одном условии: что я буду обращаться с ними очень бережно и не стану загибать уголки страниц.

— А твой отец требовал, чтоб ты бережно обращался со всеми книжками?

— Еще бы. И мама тоже. Она ведь у меня археобиблиолог.

— Кто?..

— Ар-хе-о-биб-ли-о-лог, — произнес по слогам Чарли.

— Ишь ты! Сложное слово для маленького мальчика.

— И еще я знаю, как правильно писать слово «пародонтоз», — похвастался Чарли. — П-А-Р-О-Д-О-Н-Т-О-З!

— Потрясающе, — заметил Менг, а про себя подумал, что лучше бы остался присматривать за бабушкой.

Моторы самолета взревели, он помчался по взлетной полосе, набирая скорость. Через несколько секунд они оторвались от земли.

— Так значит, ты видел эту книгу раньше, — сказал Менг. — И твоя мама позволила ее рассмотреть?

— Нет. Я просто сидел на стуле напротив. На нее нельзя было даже дышать.

Менг взял книгу со стола и положил на колени Чарли.

— Валяй, — усмехнулся он. — Разглядывай, сколько душе угодно.

— Правда?..

— Честное слово, — ответил Менг. — И... впрочем, ладно. Для тебя это будет сложновато.

— Что?

— Это работа ФБР. Не думаю, чтобы с ней мог справиться ребенок.

Чарли тут же завелся.

— Я знаю, что смогу! У меня получится! Ну, пожалуйста, пожалуйста!..

— Так и быть. Но я тебя предупредил. Работа очень сложная.

— Я справлюсь, — заявил Чарли, и глаза его горели решимостью.

— Ты знаешь, что такое книжная миниатюра? — спросил Менг.

— Конечно. Это там, где картинка.

— Ну, допустим, я опишу тебе три картинки. Сможешь их найти, как думаешь?

— Не проблема, — ответил Чарли. — И это все?

— Ну а потом... сможешь вырвать для меня эти страницы?

Чарли разинул рот от изумления, точно ему сказали, что Санта-Клаус существует на самом деле.

— Что?.. Вы сумасшедший?

Менг опустил руки на драгоценную книгу.

— Это необходимо для особо секретного проекта ФБР. Я понимаю, для ребенка это тяжело.

Чарли так и вцепился в книгу обеими руками.

— Ничего не тяжело, — сказал он. — Но мои родители... они просто убьют меня за это!

— Твои родители ничего не узнают, — поспешил успокоить его Менг и оставил книгу на коленях мальчика.

После чего он описал три иллюстрации и объяснил, где их найти.

— Вы уверены, что нам ничего за это не будет? — спросил Чарли, обнаружив после непродолжительных поисков первую иллюстрацию.

Менг поднял открытую ладонь — некий гибрид салюта скаутов и военного приветствия.

— Клятва дракона, — сказал он и забрал у Чарли вырванный листок.

— Что за клятва? — поинтересовался Чарли.

— Попрошу Корнелиуса, он тебе расскажет, — ответил Менг и опустил ладонь на голову мальчика, ласково взъерошив ему волосы — жестом тренера, довольного тем, как выступил его ученик.

Ему еще учиться и учиться.

А вот времени может не хватить, неизвестно, сколько позволят прожить этому смышленому мальчугану.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Пассажиры борта 1213 задвигались, зашевелились. Люди, просидевшие бок о бок несколько часов в полном молчании, впервые заговорили друг с другом, зная, что скоро неизбежно наступит конец путешествию и они освободятся от болтливой соседки раз и навсегда. Август сокрушался, что начал беседу со своей соседкой: если бы он молчал, не произносил ни слова, ничего бы не случилось. Но это был самообман — никто не в силах остановить надвигающуюся лавину.

Ксандра передала ему ноутбук.

— Приземляемся через час, — заметила она.

Поступили последние три иллюстрации.

— У меня осталось меньше сорока минут, — пробормотал Август и торопливо записал в блокнот названия трех миниатюр.

Семь. Рыцарь в зеленом плаще и с мечом

Восемь. Бык со свитком

Девять. Сотворение мира

— Думаю, лучше начать с чудаковатого рыцаря, — сказал Август и приблизил иллюстрацию под номером 7. — Таких в современных Библиях не увидишь, — пробормотал он себе под нос.

Основой рисунка служила красная заглавная буква «Е», она отчетливо просматривалась в центре. Как и в

большинстве других случаев, буква была изогнутой и внутри ее помещалась фигурка: рыцарь в толстых синих доспехах и зеленом плаще. В правой руке он держал длинный меч. Левая рука приподнята, ладонь раскрыта.

— Малосимпатичный субъект, — заметила Ксандра.

— Да нет, впечатление ошибочное, — сказал Август. Он узнал лицо на иллюстрации — пышные каштановые волосы, пронизывающий взгляд.

— Теперь уберем бороду, оставим усы, и, думаю, ты легко узнаешь этого человека, отца Дракулы. А если точнее — Влада Второго Дракула.

— Но плащ у него другой, — заметила Ксандра. — Он ведь должен быть черно-красный?

— Ты насмотрелась фильмов, — сказал Август. — Влад Третий действительно несколько запутал историю отца. Дракула дословно означает «сын Дракула». До сих пор это словосочетание переводилось неверно, как «сын дьявола». Но Дракул, имя, которым наградили Влада Второго, в переводе с румынского означает «дракон», а не «дьявол». И это прозвище пожаловали ему, когда он присоединился ко двору императора Сигизмунда.

— Ну а плащ?

— Плащи у драконистов обычно были зеленые, как на рисунке, а не черные, как многие считают, — ответил Август. — Но конечно, на экране черный выглядит гораздо эффектнее.

— Позволь догадаться, откуда ты так много обо всем этом знаешь, — сказала Ксандра.

— Просто продал однажды первое издание романа Брэма Стокера «Дракула». За двадцать пять тысяч долларов. Роскошная книга в горчичном переплете с красивыми буквами. Издана «Арчибальд Констебль энд компани» в тысяча восемьсот девяносто седьмом году. Отец купил ее в середине пятидесятых всего за пять сотен или даже меньше. Вот это, я понимаю, сделка! Откуда ему было знать, что через несколько десятилетий начнется весь этот бум вокруг Дракулы. Но мне повезло, и бум состоялся, — добавил Август. — Но самое замечательное в книге то, что в основу сюжета легли реальные исторические события, во многом куда более страшные, нежели досужие вымыслы.

Ксандра непонимающе улыбнулась.

— Вот как? Почему же?

— Во-первых, реальный Дракула, которому молва приписывает жуткие издевательства и пытки над людьми, изначально вовсе не был жестоким, он и сам пережил немало страданий. В одиннадцать лет он попал в заложники к султану, его держали в плену в Турции. И плен закончился только после того, как убили его отца. Когда он вернулся домой, сердце его ожесточилось, и он стал — как бы помягче выразиться? — образцовым садистом.

— Тогда он начал сажать людей на кол и все такое?

— Да, верно. Заняв трон отца, он первым делом решил отомстить своим мучителям туркам. В пасхальное воскресенье он пригласил убийц отца на роскошный пир. Они подумали, что Дракула хочет расширить свои границы, вот и подкупает их. Но они заблуждались.

— Что было дальше?

— Тех, кто постарше, он приказал немедленно посадить на кол.

— Понятно.

— Остальным повезло больше. Их заставили пройти пятьдесят миль, пешком добираться до города Поенари. Далеко не всем удалось выжить. А тех, кто выжил, направили на строительство крепости, известной теперь как замок Дракулы.

— Жестоко.

— Жестоко и жутко, — согласился Август. — И эта иллюстрация показывает, что мы имеем дело с человеком коварным и подлым.

Ксандра вновь переключила внимание на рыцаря в зеленом плаще.

— Так значит, здесь изображен отец знаменитого Дракулы в церемониальных одеждах члена ордена дракона. И он отдает кому-то честь?

— Определенно — нет, — ответил Август. — По двум причинам. Во-первых, у него поднята правая рука, а ее в те времена называли «рукой оружия». Во-вторых, если даже это приветствие, что маловероятно, меч должен быть при этом опущен. А здесь мы такого не наблюдаем. Меч поднят высоко, значит, он готов к битве.

— И как прикажешь это понимать?

— Положение левой руки наводит на мысль, что он что-то предлагает. В комбинации с мечом это может означать, что он предлагает что-то для битвы. Или в обмен на битву, — задумчиво протянул Август, размышляя вслух. — Ну, допустим, у ордена дракона имеется какая-то информация, сокровище, и орден готов отдать это в обмен на отказ от войны. Как часто говорил сам Дракул: «Выбирай одно, или меч, или тайну».

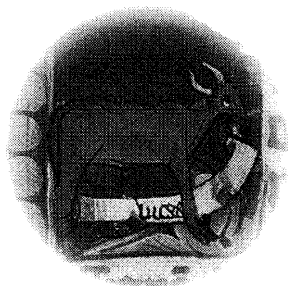
— Я выбираю тайну.

— Я тоже. И будем надеяться, что следующие два изображения позволят нам приблизиться к разгадке.

Август защелкал мышкой и вывел на экран следующую иллюстрацию. Бык сидит на нижней переклади-

не заглавной буквы «L» в рубиново-розовых и красных тонах, с растительным орнаментом в виде виноградных лоз изумрудного и сапфирового цветов. Сам бык окрашен в шоколадный, голову украшают два длинных рога, стилизованных под слоновою кость.

Самым любопытным элементом рисунка был длинный свиток с выведенным на нем латинским словом «lumen», который бык попирает левым копытом.

— Бык — символ святого Луки, — сказал Август.

— У каждого из четырех евангелистов был свой символ? — полюбопытствовала Ксандра.

— Да, — ответил Август. — У Матфея это изображение человека, потому что его Евангелие начинается с генеалогии Христа и описания его места в истории человечества. У святого Марка — лев, что подчеркивает царственный статус Иисуса среди верующих. Святой Иоанн представлен орлом, которого мы видели раньше, как символом величественности истории Христа. И наконец, Лука, как мы видим, представлен быком, почти всемирным символом жертвенности.

— Вроде бы в этом быке нет ничего необычного, если не считать его символического значения, — заметила Ксандра.

Август постучал кончиком пальца по экрану.

— Нет, это не так, — покачал он головой. — Один элемент здесь явно неуместен.

— Какой же?

— Причина, по которой создатели Евангелий представлены разными символами — человеком, львом, орлом и быком, — описана в книге Откровений, или Апо-

калипсисе, — сказал Август. — Позволь мне прочесть отрывок из Библии Гутенберга.

Ксандра передала ему книгу.

Август перелистал страницы, пока не дошел до последней книги Откровений святого Иоанна Богослова. Нашел главу 4 и начал читать по-латыни:

— «*Et in conspectu sedis tamquam mare vitreum simile cristallo et in circuitu sedis quattuor animalia plena oculis ante et retro. Et animal primum simile leoni et secundum animal simile vitulo et tertium animal habens faciem quasi hominis et quartum animal simile aquilae volanti*».

Ксандра нетерпеливо постучала носком туфли.

— У тебя осталось двадцать минут.

— Просто удивительно, как легко удалось вспомнить, — пробормотал Август. — В детстве отец заставлял меня заниматься латынью. Он называл эти занятия «уроком воскрешения», потому что... видишь ли...

— Девятнадцать минут.

— А в приблизительном переводе это означает следующее: «И перед троном море, как стекло. А вокруг трона четыре животных многоглазых. И первое животное было подобно льву, второе животное подобно быку, и третье животное имело лик человеческий, и четвертое животное походило на орла».

— Потрясающе. Однако давай вернемся к тому, с чего начали.

— Хорошо. Самое важное заключается в следующем стихе: «И каждое из этих четырех животных имело по шесть крыльев; а внутри они исполнены очей».

— Стало быть, у этих созданий было много глаз.

— Очень много. Но не глаза меня сейчас интересуют. Посмотри на быка из Библии Гутенберга.

Ксандра присмотрелась.

— Ну надо же. У него нет крыльев!

— Нет крыльев, — эхом откликнулся Август. — Без крыльев получается обычный старый бык.

— И это означает?..

— Это означает, что, возможно, на рисунке вовсе не символ святого Луки, — сказал Август. — В книге «Бестиарий» Таона сказано, что бык является предсказателем погоды. Если учесть, какое слово выведено ниже...

— «Люмен», — подсказала Ксандра.

— «Свет». А это, в свою очередь, означает, что бык видит впереди свет. Вдруг это и есть ответ?

— Ты думаешь, что символ святого может дополнительно что-то означать?

Август пожал плечами.

— Возможно, он говорит о том, что достижение цели, читай разгадка, невозможно без жертвоприношения.

Ксандра откинула голову на подголовник.

— Все мы пожертвовали чем-то.

— Но кое-кто больше других, — заметил Август.

— Ты до сих пор жив и здоров, — напомнила ему Ксандра.

— Ладно, — отмахнулся Август. — Еще посмотрим, что думает об этом Лео Кан.

И с этими словами он вывел на экран монитора последнюю, девятую иллюстрацию, изображение сотворения мира из Книги Бытия. Пожалуй, это была самая необычная и искусная из всех миниатюр.

— Сэр?

Это была стюардесса по имени Дженис.

— Да? — откликнулся Август.

— Вы должны выключить все электронное оборудование.

— Всего минуту!

— Прошу прощения, сэр, но я вынуждена просить вас...

— Пожалуйста! — взмолился Август. — Дайте мне всего одну минуту. Дойдете до конца прохода, потом вернетесь и увидите, что у меня все выключено. Честное слово!

— Но я скоро вернусь, — предупредила Дженис.

— Конечно-конечно!

— Мне проблемы не нужны.

— Я избавлю вас от них, обещаю, — сказал Август.

И Дженис двинулась дальше по проходу.

Август смотрел на иллюстрацию и напряженно старался запомнить все детали — на случай, если Дженис действительно быстро вернется и компьютер придется выключить. Рисунок был поделен на три части: сверху виноградные лозы и птицы, внизу тоже виноградные лозы и птицы и, наконец, основа, заглавная буква «I». Гроздь и листья выписаны весьма искусно, птицы — тоже, и все походят одна на другую. Все, за исключением одной, в нижнем правом углу. Павлин.

— Вот, — сказал он и указал на птицу с ярким оперением. — Он считался символом бессмертия.

— А не гордыни?

— Это позже, — ответил Август. — Павлин — птица древняя, как и мифы, связанные с ней. В старину считалось, что всякий раз павлин, просыпаясь, плачет от ужаса. Потому что во сне ему привиделось, будто он потерял всю свою красоту.

— На мой взгляд, самая настоящая гордыня.

Ксандра взяла из рук Августа блокнот и начала просматривать его записи.

Август же изучал заглавную букву «I», которая высилась, подобно колонне, на электронной копии иллюстрации из Библии Гутенберга. Внутри эта колонна-буква была поделена на четыре сектора. В самом ни-

зу — сады Эдема с его неразлучными обитателями, Адамом и Евой; выше — океан, бурлящий жизнью; еще выше раскинулся лес, населенный большими и маленькими зверями. И наконец, в самом верху — мудрый старик, лицо которого озарено внутренним светом.

— Да уж, слишком тут много всего, — пробормотал Август, пытаясь сообразить, с чего лучше начать.

Он выбрал Адама с Евой. Вполне типичные образы, бесстыдно обнаженные мужчина и женщина, еще не познавшие греха. Два пейзажа — океан и лес — тоже выглядят классически. Изображения рыб традиционные. Поначалу звери, обитающие в лесу, дали Августу какую-то надежду, но, присмотревшись, он не заметил в них ничего особенного.

— Почему я ничего не вижу?

— Может, слишком внимательно смотришь? — предположила Ксандра и отложила блокнот.

Август сидел, обхватив голову руками, и всматривался в рисунок до рези в глазах. Всматривался снова и снова. Ничего...

— Я серьезно, — сказала Ксандра. — Тут должно сработать твое подсознание, а не логическое мышление. Ничего не найдешь, если будешь вот так тупо пялиться.

— Пожалуйста, не отвлекай. Я пытаюсь...

Август не договорил. Он погрузился в иллюстрацию с головой. Представил, как бродит по этим лесам, населенным дикими зверями, месит грязь, проваливается во влажную почву, поросшую сорняками и мхом. Вот он постоял

рядом с оленем, затем — с быком. Вернулся назад. Олень-самец. Да, все дело в нем, в этом олене. Он торопливо пересчитал ответвления на рогах — их оказалось ровно семь. Весьма символичное число. Оно означало совершенство. Олень-самец был само совершенство...

Август всмотрелся еще пристальнее, весь ушел в рисунок. Олень явно встревожен. Но почему? Август проследил за направлением взгляда животного. Невдалеке резвились и прыгали олениата. Нет, расстояние имеет огромное значение. Потому что между оленем и его потомством есть кто-то еще. Волк...

— «Физиолог», — сказал Август.

— Прости, не поняла?

— Было такое произведение, «Физиолог», в некотором смысле аналог «Бестиария». Изучая древние книги, я часто пользовался им как справочником. Это своего рода стандарты древней церковной символики. И там часто упоминался олень.

— Олень?

— Да, олень. Или олень-самец, если угодно. Взрослый половозрелый олень-самец пятилетка, если уж совсем точно. На втором снизу рисунке мы видим такого олениа. Он явно встревожен, потому что между ним и олениатами стоит волк. Разделяет их.

— Природа жестока.

— В книге «Физиолог» упоминается враг олениа. Оба животных враждебны друг другу. И если олень видел своего врага, то отступал к ручью. А если враг замечал олениа, то удалялся к себе в укрытие, высоко в горах, среди скал.

— Ты имеешь в виду волка?

Август улыбнулся. Наконец-то он понял связь. Едва не пропустил.

— Нет,— ответил он.— Врагом самца-оленья был дракон.

Ксандра пожала плечами.

— А волк?

— Волк не является истинным врагом,— ответил Август.— Думается мне, что волк символизирует собой мысль, что зло искусно затаилось, спряталось где-то. Волк, символ ловкости и коварства, это враг и оленья, и дракона.

Подошла Дженис и нахмурилась.

— Я уже все! — воскликнул Август и закрыл ноутбук.

Он изобразил самую обаятельную из улыбок и стал ждать, пока стюардесса отойдет.

— Время вышло,— сказала Ксандра и протянула Августу Библию Гутенберга.— Ты проделал потрясающую работу. Ни один человек на свете не способен так глубоко проникнуть в самую суть миниатюры.

— Рад слышать. Теперь ты можешь приказать своим головорезам оставить мою семью в покое? — спросил Август.

— Как только приземлимся.

— Ну уж нет. Звони прямо сейчас.

— До приземления запрещено пользоваться электронными приборами,— сказала Ксандра.— Так что тебе придется немного подождать.

Август понимал: она права. Он потянулся к блокноту и стал просматривать записи. Нашел названия девяти иллюстраций.

Один. Две белые собаки преследуют лису и зайца

Два. Король с золотым глобусом

Три. Мужчина с раздвоенной бородой и мечом

Четыре. Синий мужчина и лебедь

*Пять. Орел со свитком
Шесть. Львиная клетка
Семь. Рыцарь в зеленом плаще и с мечом
Восемь. Бык со свитком
Девять. Сотворение мира*

Август удрученно покачал головой.

— Как-то не складывается общая картина...

— Я уже говорила тебе, — заметила Ксандра. — Ты перемудрил. Слишком много думаешь. И не понимаешь, что делать с тем, что видишь.

Август пожал плечами.

— Ты вроде бы говорила, что есть десятый рисунок. Возможно, он выступит связующим звеном. Что он собой представляет?

В этот момент из динамиков раздался голос пилота. Он объявил, что посадка состоится через несколько минут. Извинился за погодные условия, в которых проходил полет, пошутил на тему того, что не в силах управлять природой, но, похоже, никого не рассмешил.

— Десятая иллюстрация? — снова спросил Август.

— После приземления, — ответила Ксандра.

Над головами замигали лампочки, самолет сотрясла дрожь.

— Если, конечно, не разобьемся.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Эйприл снова взмолилась, обращаясь к женщине за стойкой, где продавали билеты. На бейдже значилось ее имя — «Брэнди». Она увидела, как на губах этой Брэнди гаснет любезная улыбка.

— Послушайте, мэм, самолет улетает через тридцать минут. Вы даже не успеете пройти контроль.

— Вы не понимаете, — сказала Эйприл. — Это вопрос жизни и смерти. В буквальном смысле жизни и смерти, я не шучу.

— Будете так волноваться, и я ничем не смогу вам помочь, — нравоучительно произнесла Брэнди.

— Я вовсе не волнуюсь, — пробормотала Эйприл, хотя и по тону, и по выражению лица было ясно: она готова взорваться в любую секунду.

Брэнди постучала по клавишам, взглянула на экран, снова постучала.

— Что вы делаете? Ищете мне место?

Брэнди подняла глаза и окинула ее укоризненным взглядом, словно говорившим: «А вы что-то имеете против?»

— Простите, — прошептала Эйприл. — Просто я... Это страшно важно!

— Ничего. — Брэнди покачала головой, глядя на экран. — Ровным счетом ничего. Ни одного места.

— Но ведь я могу полететь и стоя? Или кто-то из пассажиров не придет?

— Да, но день заканчивается, и у меня уже есть десять человек, стремящихся попасть на первый рейс до Нью-Йорка. Они пришли раньше вас.

— Десять?!

— Несколько рейсов вылетело с опозданием, — объяснила Брэнди. — Ладно, внесу вас в список «стоячих», только уйдите наконец с глаз долой. Тут и без вас полно пассажиров, для которых полет — вопрос жизни и смерти.

Эйприл торопливо закивала в ответ. Она готова была пасть на колени перед этой авиационной королевой, и не существовало унижения, на которое она не пошла бы, лишь бы попасть на ближайший рейс до Нью-Йорка. Она схватила билет, побежала по коридору, свернула за угол. И резко остановилась. Перед аркой металлоискателя выстроилась длинная очередь. Но как же так? Неужели все эти люди должны лететь именно сейчас? Неужели им всем куда-то надо? Неужели они не могли пройти контроль раньше?

— Просто муки адские, — произнесла крохотная старушка, оказавшаяся рядом, в самом хвосте. — Нет, ей-богу, иногда мне кажется, оно того не стоит. Но когда я вижу своих внуков... У меня их четверо. Джошу пять, и он самый славный, самый потрясающий...

— Простите, — пробормотала Эйприл.

Ей страшно не хотелось перебивать эту милую пожилую даму.

— У меня просто голова раскалывается. Мы с вами стоим в самом конце?

— Боюсь, что так.

— Но у меня рейс... — Она взглянула на наручные часы. — О, теперь я ни за что не успею!

Бабушка тут же пошла навстречу.

— Тогда, может, вы встанете передо мной?

Перед ней было не меньше ста человек. Щедрое, благородное предложение, но от него не легче.

— Не поможет, — прошептала Эйприл.

Она стояла словно парализованная.

— Почему бы вам не попробовать пройти без очереди? — осведомилась любезная старушка. — Уверена, услышав о причине спешки, вас все пропустят.

— Не думаю, — покачала головой Эйприл.

Она слышала немало историй о том, как ужасно порой ведут себя люди в очередях. Даже покусать могут.

Пожилая леди приподнялась на цыпочки и заглянула ей в глаза.

— Это ведь из-за семьи вы так торопитесь, я права? Сразу видно.

Эйприл почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Да.

— Тогда вы просто обязаны пройти без очереди! Никогда в жизни вы потом не увидите всех этих людей. Вам должно быть плевать, обидится на вас кто-то или нет. Если жить с мыслью, как бы никого не обидеть, ни к чему не придете и ничего не получите.

Сердце у Эйприл учащенно забилося, а ладони вспотели — примерно то же происходило с ней всякий раз, как ей приходилось читать лекции в Библиотеке Конгресса. Но ведь она всегда справлялась. И сейчас справится.

— Спасибо вам, — прошептала Эйприл, наклонилась и чмокнула старушку в морщинистую щеку.

— Бегите, бегите! Вперед! — прошептала та и подбодрила ее жестом, вскинув маленький кулачок.

Как ни покажется странным, но это была необходимая Эйприл разрядка. Она уверенно зашагала вдоль выстроившихся в очередь людей, лица которых, если прищмотреться, выражали одно: любопытство.

«Да как она посмела? Быть того не может!»

Но Эйприл посмела. Она приблизилась к началу очереди, где стоял мужчина лет сорока — серый костюм, деловой вид — и громко общался по мобильному.

— Да, да, да, — говорил он. — Что ж, можешь передать Джеку, что если попробует высунуться с предложением меньше чем на три миллиона долларов, пусть лучше не рыпается!

— Простите.

— Что? Джек так и сказал? Ну, полный идиот, что с него взять!

— Простите, извините за беспокойство, сэр...

— Погоди, мне тут мешают, — проворчал бизнесмен в трубку. — Что вам нужно? — спросил он Эйприл, прикрывая микрофон ладонью.

— Я понимаю, это звучит несколько необычно, но я просто хотела...

— Пропуск покажите! — потребовал мужчина.

— У меня нет никакого пропуска.

— Тогда возвращайтесь обратно в очередь, — сказал он и снова заговорил по телефону.

И только тут Эйприл услышала возмущенные возгласы, которые старалась не замечать, притворяясь, что их заглушает громкий разговор по телефону.

«Ступай обратно в очередь!»

«Все на нервах!»

«Мы все тут ждем, женщина!»

«Вы не президент авиакомпании!»

Сотни пар глаз, горящих ненавистью, уставились на Эйприл. И она почувствовала, что хочет превратиться в

невидимку. Она допустила большую ошибку. А потом она вновь увидела крошечную старушку, стоявшую в самом конце очереди. Она казалась муравьем, маленькой точкой, пылинкой, однако победно вздымала кулак, точно победитель на ринге.

«Не смей сдаваться!»

Эйприл вцепилась в руку бизнесмена.

— Да ты что, с ума сошла? — взвизгнул он, пытаясь вырваться.

Тогда Эйприл ухватила его за галстук и притянула к себе.

— Послушай, друг. У меня выдался очень трудный день. Очень. Хуже, чем ты можешь себе представить! Поэтому если не хочешь по-настоящему разозлить меня — а ты не хочешь, верно? — позволь мне пройти.

Неожиданно бизнесмен улыбнулся и осторожно вынул дорогой шелковый галстук из цепких пальцев Эйприл. Он положил руку ей на плечо и оттолкнул в конец очереди.

— Вали домой, мамаша! Нервы надо лечить, — со смешком добавил он.

И тут в голове у Эйприл словно что-то щелкнуло. Она вырвала мобильный из руки мужчины, размахнулась и отшвырнула его в сторону. Она наблюдала за тем, как телефон, точно плоский камешек, летит и отскакивает от отполированного пола.

— Нет, это черт знает что! — взвыл бизнесмен.

Он, раскинув руки, бросился подбирать свое сокровище.

— Вызовите кто-нибудь полицию! Эту хулиганку надо арестовать!

— Сам вызывай, — сказала женщина, стоявшая не подалеку от него.

Волосы в мелких кудряшках, почти полное отсутствие макияжа. Она повернулась к Эйприл.

— Трудный день, дорогая?

— Хуже не бывает, — ответила Эйприл.

Она встала в очередь и сняла туфли, а потом бросила их вместе с сумкой в контейнер на ленте, где вещи должны были прогнать через рентген. Никто не возражал.

— А этот тип с мобилой — псих ненормальный, — сказала женщина в кудряшках. — Я права? — обратилась она к другим людям в очереди.

Да, дружно согласились все. Определенно псих и ненормальный. Без вариантов.

— Спасибо, спасибо, спасибо вам, — благодарила Эйприл этих людей.

— Проходите, — сказал охранник и протянул руку взять у нее удостоверение личности и билет.

Она отдала ему все, прошла через металлоискатель и, поравнявшись с вещами на движущейся ленте, подхватила свои туфли и сумку. В одних носках она бросилась к терминалам, где производилась посадка. Нашла номер своего: светящаяся табличка указывала, что рейс не задерживается и посадка идет. Надежда все еще оставалась, но слабая.

Она подошла поближе и увидела, что большинство пассажиров уже прошли на посадку. Эйприл бросилась к стойке, за которой сидела приятной наружности молодая женщина.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Мне нужно сесть в этот самолет, — сказала Эйприл.

— Не думаю, что для вас найдется место, — покачав головой, ответила женщина. — Но мы попытаемся.

Эйприл поставила локти на стойку и обхватила руками голову.

— Это значит, что я не полечу?..

— Скорее всего, нет, — ответила женщина и указала на группу людей, стоявших в нескольких ярдах. — Они тоже ждут свободного места. Причем некоторые — с самого утра.

— Спасибо, — пробормотала Эйприл.

Она развернулась и направилась к людям. Лица у них были измученные, отчаявшиеся. Эйприл прекрасно понимала их — однажды во время снежного бурана ей пришлось провести в аэропорту Чикаго почти двое суток.

— Четверо из нас точно не пройдут, — сказал мужчина в пестрой гавайской рубашке и с загорелым лицом. — Я пересчитал всех, кто поднялся на борт. Нас одиннадцать человек, если считать вас, а стоячих мест только семь.

— Тогда почему никто не уходит?

— В надежде на чудо, — сказала одна женщина.

В руках она держала фотографию своих детей. Под глазами темные круги — намучилась, бедняжка. Она хотела домой.

— Человек всегда надеется на лучшее.

— Прекрасно вас понимаю, — заметила Эйприл, наблюдая, как последние счастливиčky поднимаются по трапу.

Тут голос из громкоговорителя начал выкликать фамилии, и группа стала редеть. Надежда таяла, просачивалась, как песок сквозь пальцы.

— Нет, погодите, — сказала Эйприл. — Мне непременно нужно попасть на этот самолет.

— Ну, ваша история наверняка не хуже, чем у любого из нас, — заметил мужчина в гавайской рубашке, быстро подхватил сумку и ушел, когда назвали его фамилию.

— Нет! Вы не понимаете!

Женщина со снимком положила руку на плечо Эйприл.

— У меня сын болен лейкемией. Я проторчала здесь весь день, понимаете, весь день! Я нужна своей семье, а они нужны мне, — добавила она. — Неужели у вас ситуация хуже?

Эйприл пыталась подобрать нужные слова, но у нее не получалось. Разумеется, этой женщине необходимо попасть домой!

Эйприл покачала головой.

И вот назвали последнее имя. Еще один счастливчик метнулся к выходу, махнув на прощание рукой.

— Извините, — сказала женщина за стойкой и покинула свое место.

Эйприл точно окаменела.

— Не получилось... — пробормотала она, глядя на женщину со снимком.

— Да, не повезло. Вот так всегда, — заметила та, прикусила нижнюю губу и отошла.

Эйприл проводила ее взглядом. Потом подождала еще минуту, надеясь на чудо. А потом медленно зашагала к выходу. Поморщилась при мысли о том, что сейчас увидит тех людей в очереди, которые пропустили ее. Наверняка они будут смеяться, говорить о карме или о высшей справедливости. Обрадуются, узнав, что у нее не получилось.

Она прошла уже почти половину коридора, как вдруг услышала за спиной голос. Она резко развернулась. Кто-то окликал ее по имени.

— Эйприл Адамс?

— Да?

Та самая женщина, что сидела за стойкой.

— Просто не верится, что я вас догнала. Думала, вы давно ушли.

— А в чем, собственно, дело?

— Тут у нас произошло кое-что, — запыхавшись, ответила женщина. — Идемте со мной. Я все объясню.

Эйприл, сияя, поднялась на борт. Она сама себе удивлялась, не понимала, чему так радуется. Ведь ей предстоит лететь в Нью-Йорк, оказаться в самой гуще малоприятных загадочных событий. Но сам факт, что ей удалось сесть в самолет, казался важнейшим достижением в жизни.

Все из списка ожидающих оказались на борту, в том числе и женщина с фотографией. Она прямо светилась от счастья.

— Видите, чудо все-таки случилось, — сказала Эйприл, пробираясь мимо нее к своему месту в задних рядах.

— Кто мог знать, что в нужный момент на помощь придут бойскауты?

Эйприл рассмеялась: она уже знала историю того, как освободились места. Руководитель отряда бойскаутов внезапно обнаружил, что на борту недостает одного члена группы.

— Где Генри Макманус? — спрашивал он мальчиков.

Никто не знал. Потом вдруг Трэвис Уилмор — скаут-орел* — поднял руку.

— Наверное, застрял в «Макдоналдсе». Пошел кушать что-нибудь в дорогу.

Руководитель буквально взвился.

* Скаут-орел — бойскаут первой степени, набравший по всем видам зачетов не менее 21 очка и получивший высшую степень отличия — значок скаут-орла.

— В «Макдоналдсе»? Но ведь там была очередь в милю длиной! — воскликнул он.

Он доложил стюардессе, что недостает одного пассажира, но даже после нескольких объявлений по громкой связи на весь аэропорт мистер Макманус не нашелся.

— Все, ребята, на выход! — скомандовал руководитель. — Скауты своих не бросают!

— Но он-то нас бросил! — возразил ему скаут-орел Уилмор.

Тогда рассерженный руководитель сорвал с его груди значок с орлом и направился к выходу. Вся группа послушно потянулась за ним, опозоренный Трэвис Уилмор плелся в самом хвосте.

— Интересно, раздают ли им значки в награду за любовь к картошке фри? — заметил мужчина в гавайской рубашке, когда Эйприл уселась напротив него.

Она ответила улыбкой, но мысли ее были далеко. Эйприл достала мобильный телефон, понимая, что через несколько минут все электронные устройства попросят отключить. Она набрала номер больницы.

Ей ответил женский голос. Эйприл спросила, определили ли ее мать в палату и каково ее состояние. Ее переключили на старшую медсестру. Да, ответила сестра. А потом принялась жаловаться, что Роуз стала настоящей головной болью для всех медсестер на этаже. «Как это похоже на мою матушку», — подумала Эйприл.

— Хотите с ней поговорить?

— Нет, не стоит, — ответила она. — Просто звоню убедиться, что все в порядке.

А стало быть, и с Чарли тоже, поскольку он вместе с бабушкой, под присмотром квалифицированного медперсонала. Затем Эйприл позвонила в справочную и получила номер телефона больницы, где лежал доктор Уинтер.

— Здравствуйте. Я хотела бы поговорить с вашим пациентом. Его фамилия Уинтер.

Оператор соединила ее с отделением, ответила медсестра.

— Мы готовим доктора Уинтера к операции. Вам придется перезвонить попозже.

— О, пожалуйста! Всего на секунду! Это... э-э... его сестра, и мне очень надо поговорить с ним!

— Сестра? Ваше имя?

Ни одно подходящее имя, как назло, не шло в голову. Через пару секунд Эйприл выпалила:

— Ванда. Ванда Уинтер.

Она хлопнула себя по лбу. Сочетание совершенно дурацкое, так могли бы звать персонажа из рассказа Роальда Даля.

— Ванда Уинтер? — Медсестра прикрыла ладонью трубку и что-то сказала своему пациенту.

После небольшой паузы Эйприл услышала голос доктора Уинтера:

— Как приятно говорить с дорогой, любимой сестренкой! А я-то думал, ты умерла!

Эйприл почувствовала себя полной дурой.

— Прошу прощения...

— Не стоит. Я никогда особо не распространялся о своей семье в библиотеке. В отличие от тебя.

— Как самочувствие? — спросила Эйприл, решив сменить тему.

— Ну, в теннис буду играть не скоро, — ответил доктор Уинтер. — Но врачи, похоже, считают, что все будет нормально. А ты где?

— В аэропорту, скоро вылетаю, — ответила она. — Хочу помочь Августу.

— О, дорогая моя девочка, — проговорил доктор Уинтер, но отнюдь не ласково — скорее таким тоном, словно случайно сбил на машине собаку. — И каков твой план?

— У меня нет плана.

— Звучит так, будто все под контролем.

— Дело не в контроле, — сказала Эйприл. — Загвоздка в том, как поступить правильно. Но ведь вам об этом не так много известно?

— Так вот зачем ты позвонила! — усмехнулся доктор Уинтер. — Считаешь, я заслуживаю еще одной взбучки?

— Нет, — ответила Эйприл. — Считаю, что с головой у вас непорядок. И вместе с тем почему-то верю, что вы ненавидите орден дракона не меньше моего. А потому мне необходима ваша помощь.

— В чем?

— Ну, не знаю. Да во всем! У меня ощущение, будто я суюсь в раскаленную печь, — призналась она. — Очевидно, нужны какие-то средства защиты.

— Помнишь, что писал Толкин? «Не стоит сбрасывать со счетов живого дракона». Ты должна понимать, во что ввязываешься, Эйприл.

— А во что я ввязываюсь?

— Ты когда-нибудь читала «Хоббита»?

— Да. Мы с Чарли вместе читали, несколько лет назад.

— Помнишь отрывок, где Бильбо проникает в логово дракона? Помнишь, как он тогда испугался?

— Ну, вроде бы.

— Почему он испугался?

— Наверное, подумал, что дракон может раздавить его одной лапой как мошку. Или чихнуть, и тогда он сгорит заживо.

— Вот именно. Бильбо знал силу дракона, — сказал доктор Уинтер. — А тебе известна сила твоего дракона?

Эйприл призадумалась. В этом весь Уинтер. Всегда уклончив в ответах. Никогда не скажет прямо и с определенностью.

— Я знаю, что орден чрезвычайно опасен, — ответила она.

Доктор Уинтер рассмеялся.

— Да я вовсе не об ордене говорю!

— Тогда не понимаю... — пробормотала Эйприл. — О чем вы?..

— Ты только притворяешься, что не понимаешь. Это значит, что твой дракон жив. Живее не бывает. Не трать времени на пустяки, попробуй покопаться в собственной душе. Потому что, как и в случае с Бильбо, твоего дракона надо убить прежде, чем претендовать на сокровища.

— Но доктор Уинтер, я не...

— Извини, тебе пора. И мне тоже: только что вошла сестра со щедрой дозой перкоцетала, которая заставит меня замолчать, причем надолго.

И с этими словами он повесил трубку.

Эйприл уже жалела, что позвонила ему. Говорить с доктором Уинтером — все равно что оказаться в роли кошки, гонящейся за солнечным зайчиком на обоях: сплошь красивые разноцветные вспышки, но никакого ощутимого результата.

Она убрала мобильный и закрыла глаза. Услышала, как взревели моторы, и они помчались по взлетной полосе, а потом поднялись к звездам. Эйприл даже вздремнула ненадолго. Она понимала: ей необходимо хоть немного отдохнуть, набраться сил перед грядущим испытанием.

И вот во сне, в полной темноте, она вдруг увидела два желтых глаза — они смотрели прямо на нее. Поначалу они показались совсем маленькими — две желтые светящиеся точки, — но постепенно росли, увеличивались, пока не заняли все пространство.

Это был дракон, о котором говорил доктор Уинтер. Не дракон из плоти и крови, но существо, которое сумело пробраться в самые сокровенные глубины ее сердца.

Она ощущала огненное прикосновение языка дракона, улавливала злобу в его дыхании. А затем вдруг, совершенно неожиданно для себя, она поняла: зверь настоящий. Она знала имя этого дракона.

Страх.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чарли сошел по трапу самолета.

— Никогда раньше не катался на лимузине, — сказал он, и глаза его радостно расширились при виде длинного черного автомобиля с гостеприимно распахнутой дверцей.

— Стало быть, день у тебя сегодня выдался удачный, — заметил Менг и забрался в машину следом за ним.

Чарли, оказавшись в салоне, немедленно стал обследовать каждый квадратный дюйм.

— А телевизор тут есть? — осведомился он.

— Боюсь, что нет, — усмехнулся Менг. — Но пусть тебя это не беспокоит. Нам будет чем заняться. Надо о многом поговорить.

— Это касается ФБР?

— Можно и так сказать.

А потом Чарли пришлось отвечать на нескончаемый поток вопросов. «Это очень поможет мне в расследовании», — то и дело напоминал Менг. Чарли улыбался во весь рот. Наконец-то он почувствовал себя настоящим супершпионом, совсем другое дело, чем притворяться им дома.

Вскоре они оказались в каком-то безликом промышленном районе города. Кругом тянулись бесконечные складские здания.

— Где мы?

— Здесь одна из секретных штаб-квартир ФБР, — пояснил Менг.

— Круто!

Лимузин подкатил к входу в один из складов, и они вышли. У дверей их встречали два федерала. Менг молча окинул их взглядом. Мужчины расступились и пропустили их.

— За мной, — скомандовал Менг.

Чарли покорно трусил следом, пока они не оказались в квадратной комнате в самом центре изрядно обшарпанного здания. Менг распахнул дверь и указал на стул.

— Садись.

Чарли уселся.

— А что мы теперь будем делать? — спросил он.

Менг придвинул другой стул и сел рядом.

— Будем ждать Корнелиуса, — ответил он.

Чарли не осмелился спросить, кто такой Корнелиус. Слишком уж почтительно произнес Менг это имя. Сразу видно, что Корнелиус — важный человек.

Наконец в комнату вошел мужчина. Стройный, но крепкий. Выдающиеся скулы. Чарли знал — это хороший признак. Мама как-то говорила о достоинствах мужчин с выступающими скулами. На нем был костюм. Черный. Черная рубашка. Черный галстук. Чарли решил, что он старше отца. Волосы отливали серебром, правда, стариком он при этом не выглядел. Может, просто преждевременно поседел, от переживаний. Он слышал, как бабушка Роуз рассказывала о таких случаях.

— Чарли... Может, мне следует называть тебя Чак или Чарльз? — спросил мужчина в черном.

— Чарли вполне сойдет.

— Так вот, Чарли. Позволь представиться. Мое имя Корнелиус. Рад познакомиться. — Он обернулся к Менгу: — Оставь нас ненадолго, ладно?

Менг вышел, не произнеся ни слова.

— Надеюсь, агент Менг обращался с тобой хорошо?

Чарли кивнул.

— Он был очень мил.

— Обожаю, когда так говорят, — сказал Корнелиус. — Мы, драконисты, называем таких людей, как Менг, саламандрами. Господь создал их из маленького комочка скользкой грязи, и они очень удобны для выполнения разного рода мелких поручений.

— Вы сказали «драгонисты»?

— Драконисты, — поправил мальчика Корнелиус. — Члены ордена дракона.

— А я думал, вы из ФБР.

— Агент Менг из ФБР. А вообще во многих правительственных структурах — и здесь, у нас, и за рубежом — работают люди из нашего братства. Однако у меня нет времени на сотрудничество с этими маловажными организациями. Ты еще так молод, Чарли. Ты не представляешь, как трудно добиться своей цели в этом мире.

Чарли съежился на сиденье.

— Прошу прощения, — сказал Корнелиус. — Тебя, наверное, пугает то, что я драконист?

Чарли кивнул.

— Слышал, один из наших людей заходил к тебе домой. И, похоже, устроил там черт знает что. Прими мои искренние извинения. Должен признать, он действовал вопреки моим приказаниям. Его послали спасти тебя, а вовсе не причинить вред.

Чарли смотрел ему прямо в глаза. Он заметил: Корнелиус ни разу не моргнул.

— Неужели?

— Вот тебе крест. — И Корнелиус перекрестился длинным указательным пальцем, дотронувшись до груди в том месте, где должно быть сердце.

— Ладно, поехали дальше. Прошлого все равно не изменишь, а вот будущее ты в силах изменить, — произнес он, отчетливо и многозначительно выговаривая каждое слово.

Чарли немного взбодрился.

— Это верно.

— Рад, что ты со мной солидарен. Итак. Будущее...

Корнелиус поднялся и щелкнул выключателем на стене. Столик посреди комнаты озарился мягким белым светом. Корнелиус вышел из комнаты и вскоре вернулся с тремя страницами, вырванными Чарли из Библии Гутенберга. Он выложил их на стол перед мальчиком.

— Мне сказали, это ты вырвал их из книги.

— Да, — осторожно ответил Чарли, не зная, принимать эти слова за порицание или за похвалу.

— Отличная работа, — заметил Корнелиус.

Чарли еле слышно выдохнул — от облегчения.

— Агент Менг наверняка бы испортил страницы. Но не ты. Ты с уважением относишься к книге.

— Моя мама бы так не сказала, — пробормотал Чарли. — Да она просто убьет меня, если узнает.

— Твоя мама, конечно, никогда бы такого не сделала. Я уверен в этом. Так какое право она имеет сердиться на тебя за то, что натворила сама?

Чарли недоуменно склонил голову набок.

— Мама ни за что не стала бы вырывать страницы из Библии Гутенберга. Скорее бы бросилась на съедение волкам.

Корнелиус расправил листы, лежащие на столе.

— Волкам? А как насчет драконов? — спросил он, наклонился и прошептал Чарли в самое ухо: — Хочешь узнать правду? И ночи не пройдет, как твоя мама самостоятельно вырвет три страницы из Библии Гутенберга. Собственными руками. И сделает она это во имя спасения жизней тех, кого любит больше всего на свете.

Чарли сидел неподвижно. Он не ответил. А потом вдруг вскочил и бросился к двери. Стул отлетел в сторону, задел Корнелиуса, тот хотел схватить мальчишку, но не успел.

— А ну, назад! — крикнул он.

Чарли распахнул дверь и опрометью выбежал в просторное складское помещение. Там дорогу ему преградили пятеро мужчин в черном. Он заметался, но пришлось остановиться. Эти пятеро стояли стеной.

— Ну, далеко собрался? — спросил Корнелиус и ухватил Чарли ледяными пальцами за горло.

— Только не бейте!

— Бить? Ни за что. — Корнелиус затащил Чарли обратно в комнату и заставил сесть на стул. — Вообще-то я приготовил тебе подарочек.

Корнелиус полез во внутренний карман пиджака и достал какой-то предмет. Шприц. Без всяких предупреждений он вонзил иглу в шею Чарли.

Тот вскрикнул.

Корнелиус вытащил иглу. Чарли прикоснулся к шее и взглянул на кончики пальцев — на них осталась кровь.

— Я только что ввел тебе цифровой датчик. Попробуй только выйти из этой комнаты, и весь склад взорвется, останется лишь обугленная воронка в земле.

Шаги Корнелиуса эхом отдавались от стен складского помещения, следом на почтительном расстоянии от главы ордена вышагивали мужчины в черном. В каж-

дом из подразделений ордена ходили настоящие легенды о жестокости Корнелиуса: в России он выпустил кишки главе местной мафии; в Австралии бросил священника на съедение свиньям; в Бразилии сжег живьем мать на глазах ее дочери. И все во имя священного Крестового похода. Некоторые члены ордена подвергали сомнению цель этого похода — ведь не было доказательств, что сокровища, за которыми они охотятся, существуют на самом деле. Сомневающихся безжалостно уничтожали. Фоме неверующему не место в рядах рыцарства. Другие же члены спешили доказать свою преданность доктрине дракона — так называл Корнелиус свою цель. И ряды их множились.

Агент Менг принадлежал к числу последних. И хотя Корнелиус презирал федералов, считая их чистоплюями — к примеру, Менг всегда перепоручал задания, связанные с кровопролитием, кому-нибудь из подчиненных, — сомневаться в его преданности у магистра не было оснований.

— Ты должен кое-что для меня сделать, — сказал Корнелиус, выходя из здания склада.

Менг ждал его у дверей.

— У меня есть Гарсиа, он займется мальчишкой, если надо его устранить.

— Нет, — ответил Корнелиус и брезгливо поморщился — уж слишком очевидно было нежелание Менга «пачкать руки». — Ты должен съездить в аэропорт.

— Я думал, Августа доставит Ксандра.

— Доставит. А ты привезешь мне Эйприл.

— Она направляется сюда? Ушам своим не верю!

— Смотри, она крепкий орешек, — предупредил Корнелиус. — И помни, в случае успеха можешь рассчитывать на повышение.

Менг подошел к лимузину.

— Я вас не подведу, сэр.

— Вот и славно, — сказал Корнелиус. — И прекрати называть меня «сэр». «Магистр» будет в самый раз.

Менг показал значок, прошел мимо охранников на входе и устремился к терминалу, где должен был приземлиться самолет Эйприл. Он сверился с часами. Оставалось двадцать минут.

Кофе. Кофе будет в самый раз. Сейчас ему не хватает только чашечки крепкого кофе. Он совершенно измотан, а трудный день еще не кончился. Надо взбодриться, привести себя в порядок. Расслабляться рано. Менг встал в очередь у стойки. Она оказалась длинней, чем он рассчитывал. К терминалу нужно подтянуться минут за пятнадцать. Ладно, пусть десять. Девушка перед ним наконец-то подошла к кассе. Сказала, что заказ у нее большой, и достала блокнотик. Менг снова взглянул на часы. Еще минута — и пора идти.

Кассирша послушно пробила шесть капучино. Подошла очередь Менга. Кофе. Да, просто кофе, ничего больше. Без всяких сложностей. Обычный черный крепкий кофе. Он отпил глоток — напиток приятно обжег язык, — снова взглянул на часы и зашагал к воротам. Впритык. Но главное — не опоздал.

Менг подошел к терминалу и огляделся. Народу — ни души. Странно. Ведь кто-то должен встречать самолет...

— Опаздывает, — подсказал какой-то господин, заметив недоумение на лице Менга.

— Спасибо, — ответил Менг и мгновенно успокоился. — На сколько?

— На час. — И мужчина вновь уткнулся носом в «Уолл-стрит джорнал».

Менг не спеша потягивал обжигающе горячую темную жидкость — так и губы недолго спалить — и прикидывал, чем бы заняться дальше. Может, позвонить Корнелиусу? Нет, ни в коем случае. Купить журнал? Или снова отправиться к барной стойке и взять себе сэндвич? Он ненавидел тратить время попусту, терпеть не мог, когда не знал, каким будет его следующий шаг.

Он подошел к табло с расписанием и проверил номер рейса, которым летела Эйприл. «ПРИБЫЛ», говорилось там. Менг махом отпил огромный глоток кофе из бумажного стаканчика — аж горло обожгло. Чертыхнулся, но не от боли. Он вообще не почувствовал боли. Менг опрометью бросился назад.

— Вы сказали, что рейс задерживается? — гневно спросил он мужчину и отдернул газету от его лица.

— Да! — рявкнул в ответ тот.

— Рейс из Колумбии?

— Нет! Рейс в Майами!

Менг едва не выплеснул остатки кофе ему на физиономию. Помешал страх. Он бегом бросился назад, к табло, проверил, из какого терминала должны выходить пассажиры. Там значился совсем другой номер. Но когда? Когда его изменили? Да как они смеют вытворять такое без предупреждения?..

Он заметался, точно тигр в клетке. Да она могла спокойно пройти мимо него, когда он стоял в очереди... за чем? Ах да, за кофе. Он злобно запустил бумажным стаканчиком в переполненную урну с мусором. Промаяхнул, стаканчик ударился о край, на рубашку полетели брызги кофе.

Он проигрывает.

Он уже проиграл.

Он неудачник.

Хотелось завить.

Заплакать, как пятилетний ребенок.

Он сдерживался с трудом. Он закипал, как чайник, и пары уже начали выходить.

И тут Менг увидел ее.

Сперва он просто глазам своим не поверил.

Нет. Точно. Это она!

Видимо, гнев, охвативший Менга, неким непостижимым образом передался на расстояние. Она обернулась — далеко, в самом конце коридора. Это была она, абсолютно точно. Но куда, интересно, она направляется? Ведь выход в другой стороне.

Она отвернулась и продолжила идти. Менг не мог с уверенностью сказать, узнала она его или нет. Возможно, нет. Ведь она библиотечарша, а не агент ФБР. Ее не учили запоминать лица, оставаться собранной и внимательной все время, где бы она ни находилась — на задании, на прогулке.

Он бросился за ней. Бегом. Совершил рывок, достойный спринтера. Мчался во весь дух. Ведь Корнелиус особо подчеркнул, что доставить Эйприл крайне важно.

— ФБР! — крикнул Менг, задев по пути маленькую девочку, которая испуганно прижалась к отцу.

— Аккуратней, друг!

— ФБР!!! — бросил через плечо Менг.

Так проще, к чему пространные извинения? Толпа впереди начала расступаться, увидев, как летит по коридору невысокий мужчина с обезумевшим лицом, зажав в руке значок.

Тут Эйприл заметила его и тоже побежала, причем на удивление быстро. Но Менг уже понял, куда она направляется, и выхватил из кармана мобильный.

— Ты где? — Менг резко метнулся в сторону, стараясь избежать столкновения с сумкой на колесиках.

— На выходе. Ксандра должна приземлиться через минуту.

— Тут один человек бежит в твою сторону.

— Кто?

— Бывшая жена.

— Я думал, она...

— Ей удалось удрать.

— Корнелиус знает?

— Да. — Менг налетел на человека с тросточкой и сшиб его с ног.

Перепрыгнув через упавшего, он попросил кого-то помочь человеку и помчался дальше.

— Ты еще жив? Куда пропал?

— Заткнись и слушай. Если направишься ко мне, девочка окажется в ловушке. Между тобой и мной. Ты ее видишь?

— погоди секунду. — Пауза. — Да. Бог ты мой, ну и шустрая!

— Хватай ее! — Менг отключился. — Пропустите, дайте дорогу! — кричал он, проталкиваясь через толпу.

Он сунул значок в карман, достав вместо него наручники.

— Рад новой встрече, мисс Адамс.

— Я хочу увидеть мужа!

— Увидите. Непременно, — сказал Менг, заломил Эйприл руки за спину и защелкнул наручники. — Но пока что не время. Кроме того, воссоединение семьи не может состояться, пока все ее члены не соберутся вместе.

— О чем вы?

Менг подтащил к себе Эйприл и шепнул ей на ухо:

— Чарли страшно обрадуется, увидев, что вы снова вместе.

— Чарли? Нет... Я позаботилась, он в безопасности.

— Нет такого места, где бы он мог быть в безопасности. Глаза дракона... они все видят, они повсюду, — тихо сказал Менг и проверил, надежно ли защелкнуты наручники.

Тут к ним приблизились два офицера из службы безопасности аэропорта, держа наготове дубинки и рации.

— Есть проблемы? — спросил один из них.

— ФБР. — Менг махнул значком.

Он не переставал удивляться эффекту, который тот производил на людей.

— Поймали как раз вовремя.

— А она?..

— Знаю, — кивнул Менг. — Свиду не похожа. Но опасна не менее остальных.

— Вот как?

— Просто удивляюсь, ребята, как вы ее пропустили, — сказал Менг и начал подталкивать Эйприл к выходу.

Офицеры переглянулись.

— Не волнуйтесь, мальчики, — бросил через плечо Менг. — На этот раз, так и быть, я вас прикрою.

Сиденья в салоне лимузина располагались друг напротив друга, и Менг ощущал неловкость, чувствуя на себе испепеляющий взгляд Эйприл.

— Прекратите, — сказал он наконец.

Но Эйприл продолжала смотреть.

— Я серьезно.

— Зачем вы это делаете? — спросила Эйприл. — Ведь какова бы ни была цель, разве она стоит того, чтобы убивать людей?

— У вас ограниченный взгляд на вещи.

— Но это мой взгляд. И пусть он ограниченный.

— В том-то и проблема, — вздохнул Менг. — Вы думаете только о себе.

— Я думаю о своей семье.

— И что с того? Сколько людей в нее входит? Трое? Четверо?

Эйприл по-прежнему сверлила его взглядом.

Менг усмехнулся.

— В былые времена орден дракона убивал сотни, тысячи людей, и все с одной целью — сохранить свою тайну. Вы. Я. Мы ничего не значим. Наши жизни ничего не значат.

— Ошибаетесь.

— Это почему же? Разве вы не слышали о высшей справедливости?

— Нет никакой высшей справедливости.

Менг наклонился, открыл небольшой встроенный холодильник и достал бутылку воды. Он открутил пластиковую крышку — раздался звук, напоминающий хруст позвонков.

— Думаю, Корнелиус с вами не согласится.

— Корнелиус может...

Менг вскинул руку.

— Вот мы и приехали, — объявил он.

Машина затормозила.

— Предлагаю вам поделиться своими соображениями напрямую с Корнелиусом. — С этими словами он распахнул дверцу и вышел из машины.

Эйприл последовала за ним с руками, скованными за спиной. Она едва не упала, выходя из лимузина, но ее подхватила чья-то крепкая рука.

— Знакомьтесь. Корнелиус, — сказал Менг.

При виде этого человека Эйприл затаила дыхание. Было в нем нечто такое — неестественная прозрачность кожи, глубокие, точно океан, глаза, ухмылка, кривившая

губы, — что подсказывало: этот человек есть воплощение зла.

— Наконец-то. Раз познакомиться, Эйприл.

От того, как он произнес ее имя, по спине, а затем и по всему телу пробежали мурашки, а сердце болезненно сжалось.

— А у меня для вас небольшой подарок. — И Корнелиус полез во внутренний карман пиджака.

Эйприл пыталась оттолкнуть его руку, ей хотелось кричать, плакать, но она ничего не могла сделать.

Корнелиус поднял зажатый в руке шприц и секунду другую любовался им с замиранием сердца, как мальчишка, поймавший в саду змею.

— Следовало бы поменять иглу, — пробормотал он. — С другой стороны, зачем? Кровь у вас все равно одна.

И он быстрым движением вонзил иглу в ее шею.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Дважды самолет так затрясло, что Августу показалось: он принимает участие в родео и сидит не в кресле, а верхом на необъезженном жеребце. Но ни веселья, ни азарта он при этом не испытывал. Он слышал, как бизнесмена впереди вырвало в пакет. Где-то справа маленький ребенок со слезами в голосе твердил: «Мама! Мама! Мама!» Позади раздался какой-то шум. Август обернулся и увидел, что дверь туалета распахнулась и оттуда, пошатываясь, выходит мужчина. Рубашка на груди расстегнута, весь в поту. Подскочила встрепанная стюардесса, подхватила пассажира под руку и попыталась довести до кресла. Пока они шли по проходу, их швыряло из стороны в сторону. Они цеплялись друг за друга, стремясь сохранить равновесие, а самолет, точно обезумевший конь, продолжал галопировать по небу.

Август покосился на Ксандру. Она сохраняла полное спокойствие, словно отдыхала среди всего этого хаоса.

Капитан сказал что-то через громкоговоритель, но разобрать слова не представлялось возможным — они тонули в реве двигателей и скрипе вибрирующих переборок. Августу казалось, что их всех взбалтывают в гигантском шейкере. При этом он, как назло, был абсолютно трезв, и мысль о том, что успокоение теперь сможет найти только в гробу, тоже не прибавляла оптимизма.

Буквально через пару секунд Август ощутил толчок и понял — это шасси коснулись земли. А потом — тишина... Ужас кончился. Люди тут же оживленно заговорили, зашевелились, точно весь этот кошмар был всего лишь сном. Теперь все хорошо. Можно даже сказать, отлично!

Август завидовал другим пассажирам.

— Что ж, пришло время рассчитаться с заказчиком, — объявила Ксандра.

Заказчиком был не кто иной, как Лео Кан, известный мафиози, возомнивший, что правит всем преступным миром Америки, и не только. Август не представлял, как Ксандра намерена убедить Лео не убивать его в первую же минуту.

— Следуй моим подсказкам, — вот и все, что посоветовала она ему.

Неслишком удачный план, подумал Август, особенно с учетом того, что на кону стоит его жизнь.

Они подождали, пока самолет покинут все остальные пассажиры, и сами двинулись к выходу. Стюарды и стюардессы проводили их странными взглядами, выражавшими то ли страх, то ли презрение, а может, и то и другое одновременно. Наконец они выбрались из злополучного самолета.

— Я думал, эта дорога никогда не кончится, — признался Август.

— А кто сказал, что она кончилась? — парировала Ксандра.

Они зашагали к людному залу прибытия. В нескольких метрах от выхода стоял Лео Кан. Больше всего в этот момент он походил на Джека Николсона, исполняющего роль очередного мафиози из Лас-Вегаса. Рядом маячили трое его подручных, широкоплечих парней с бычь-

ими шеями. Да, Лео не из тех, кто любит рисковать. Он специально караулил Августа, а стало быть, не поспешил приобрести четыре билета в один конец, чтобы попасть сюда.

— Только смотри, не наделай глупостей, — шепнула Ксандра.

Они с Августом приблизились к группе встречающих.

— Все равно уже слишком поздно, — пробормотал в ответ Август и пожал руку Лео: ладонь его оказалась шершавой, как перчатка для игры в гольф. — Мистёр Кан. Рад вас видеть. Позвольте представить, моя помощница.

Ксандра протянула руку для рукопожатия. Лео не шелухнулся, не выказал ни малейшего намерения здороваться с ней.

— Мистер Кан, — сказала она, все еще держа руку ладонью вверх. — Я здесь для того, чтобы передача прошла гладко, без эксцессов. Возможно, вы меня не знаете. Но уж точно знаете моего босса, Корнелиуса Худа.

Кан изменился в лице.

— Ах, Корнелиус! — воскликнул он и крепко пожал ей руку. — Увидите его, передавайте от меня огромный привет.

— Вообще-то он в городе.

— Здесь? В Нью-Йорке? — удивился Кан.

Видимо, эта новость поразила его.

— Я думал, доступ в Штаты ему закрыт.

— Так оно и есть.

— Понятно... — протянул Кан.

Он обернулся проверить, не разбежались ли его громы.

— И что же, Корнелиус интересуется моей книгой? — Вопрос предназначался Августу.

Рано или поздно они должны были подойти к сути дела. Август шумно вздохнул.

— Ну, не совсем.

— Интересуется, — ответила Ксандра. — Но не всей книгой.

— Не всей? — хохотнул Кан, и его парни угодливо подхватили смех. — Тогда чем? Ему нужна пара глав, так, что ли?

— Три страницы.

Улыбка сползла с лица Кана.

— Три страницы? Вы серьезно?

Ну все, началось. Три иллюстрированные страницы. Ксандра сложила листки веером и взмахнула ими перед лицом Кана, точно розданными картами.

— Вы что же... вырвали их?

Август понял: Кан вот-вот взорвется. Несколько родителей подхватили своих детишек и поспешили удалиться. Так, на всякий случай, от греха подальше, чтобы не находиться рядом с этими подозрительными типами.

— Да не волнуйтесь вы так, — сказала Ксандра.

Она шагнула вперед, раскрыла кейс, где лежала Библия Гутенберга, и протянула его Кану.

— Можете забрать свою книгу.

— Замечательно! — Кан хлопнул в ладоши. — Именно то, чего я хотел! Испорченная собственность! Знаете, сколько я даю за испорченную собственность?

— Эта книга — подарок. — Ксандра сунула кейс в руки Кану. — Платить ничего не надо. Подарок от Корнелиуса. А уж поврежден он или нет, все равно стоит больше, чем все книги у вас на полке, вместе взятые.

— Откуда вам знать, что за книги у меня на полке?

Ксандра сделала еще один шаг и взяла Кана за подбородок.

— Орден знает о тебе все, вплоть до количества волос на голове твоей шлюхи. И нечего мне хамить. Возьми

книгу и скажи спасибо. Ты больше ничего не должен Корнелиусу.

— Но я не должен ему...

— Двадцать третье октября восемьдесят третьего года. Москва. Забыл?

Кан оттолкнул руку Ксандры. Он закрыл кейс и, не говоря ни слова, направился прочь. Следом за ним послушно потянулись его головорезы.

Август провожал Кана взглядом до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

— Вон оно как... Значит, я ничего не получил?

— Ты получил жизнь, — многозначительно обронила Ксандра. — Так что будь благодарен. — Она взмахнула рукой, и рядом, словно из-под земли, выросли двое мужчин в черном.

— Интересно, где они были раньше?

— Лично мне они стали нужны только сейчас.

Август заметил у них под пиджаками пистолеты в кобурах. Ксандра перехватила его взгляд.

— Это агенты ФБР. Единственные, кто имеет право проносить в аэропорт оружие. Разумеется, без оружия они тоже дорогого стоят.

Мужчины схватили Августа и, заломив ему руки за спину, надели наручники.

— Что вы делаете? — воскликнул он.

Ксандра ответила прямо, без обиняков:

— Только дурак мог решить, что ты не сбежишь при первой же возможности. Этого нельзя допустить. Ты еще нужен нам, Август.

— Для чего? Отпустите меня!

— Сейчас? На финишной прямой? Боюсь, не получится.

Дорога до склада напомнила Августу, как он ехал вместе с Эйприл в суд подписывать бумаги о разводе. Напряжение достигло предела, внутри он весь кипел, однако понимал, что пар выпускать не следует. Во всяком случае, не сразу.

— Разве мы еще не приехали? — поинтересовался Август.

Шутка была так себе, можно сказать, никакая. Но он надеялся, что все хоть немного расслабится.

— В прошлый раз ты говорил то же самое, и было не смешно, — процедил один из федералов. — И сейчас не смешно.

Он отогнул полу пиджака, так, чтобы показалась кобура с пистолетом.

— Понял. Приму к сведению, — сказал Август. — Не хотите спеть хором?

Федерал достал пистолет.

— Можно? — спросил он Ксандру.

— Нет, — ответила та. — По крайней мере, не сейчас.

Лимузин въехал во двор склада и остановился. Ксандра вышла из машины первой, за ней — двое федералов. Августу предоставили выбирать самому, поскольку руки у него были скованы за спиной. Он поскользнулся на коврике, потерял равновесие и ничком упал на асфальт. Один из федералов схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги. При виде окровавленного лица Августа он поморщился.

— Кажется, я сломал нос, — пробормотал Август.

Федеральный агент без предупреждения ударил его по пострадавшей части тела.

— Вот теперь точно сломал, — ухмыльнулся он.

Колени у Августа подкосились, но второй федерал подхватил его, не дав упасть.

— Для полноты картины сломаем еще пару ребер, — сказал он и нанес Августу сильнейший удар в солнечное сплетение.

А затем, точно стервятники, терзающие добычу, они по очереди стали бить его. Ксандра с минуту молча наблюдала за этой сценой, затем приказала остановиться.

— Довольно! — властно произнесла она. — Корнелиус появится с минуты на минуту. Вряд ли ему понравится, что вы избиваете человека в наручниках.

— Корнелиус здесь, — раздался голос. — И ты совершенно права.

Мужчины тотчас отпустили Августа, оправили пиджаки, проверяя, не осталось ли на рубашках пятен крови.

Корнелиус подошел и уставился на скорчившуюся на земле фигуру.

— Это и есть наш спаситель? — спросил он.

— Надеюсь, что да, — ответила Ксандра.

— Так зачем же понадобилось казнить его? — Корнелиус обернулся к федералам.

Те в страхе затаили дыхание.

— Пошли вон отсюда!

Мужчины поспешили удалиться.

— Помоги ему, — велел Корнелиус Ксандре.

— Всегда рада, — ответила она и погладила Корнелиуса по рукаву.

Она подошла к Августу и помогла ему подняться на ноги. Он застонал и прислонился спиной к лимузину.

— Прости, я этого не хотела, — сказала Ксандра.

Август не ответил. К ним приблизился Корнелиус.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Август силился поднять голову, но не смог.

— Посмотри на меня, — повторил Корнелиус и ухватил его за подбородок.

Теперь Август глядел прямо в пронзительные безжалостные глаза.

— Ты ведь не собираешься сдаваться? Заставить тебя сделать это будет нелегко. — Корнелиус полез во внутренний карман пиджака. — Но тебе, можно сказать, повезло. Есть у меня одна вещица, она поможет тебе расслабиться, стать сговорчивее. Пентотал натрия, амитал натрия и чистый адреналин. Изумительный состав. Ты сможешь не спать несколько недель. Ни в одном глазу. Мне говорили, есть побочные эффекты, зато результат гарантирован.

Август почувствовал, как что-то острое кольнуло его в горло, под нижнюю челюсть, но сил сопротивляться не было. Секунду спустя боль прошла. Он ощущал легкую слабость, но одновременно ему казалось, что по жилам разливается густое пламя. Он подумал, что потеряет сознание, однако случилось обратное: никогда прежде он не чувствовал себя таким бодрым. Сердцебиение участилось чуть ли не вдвое, а может, даже втрое.

И еще он с необыкновенной ясностью и четкостью воспринимал окружающую действительность: где-то вдалеке настырно гудела муха; капелька пота сверкала на лбу у Корнелиуса, под прядью волос; на лице Ксандры застыл то ли страх, то ли смятение.

И голоса кругом. Сотни голосов.

Но откуда они?..

— Готов, — пробился сквозь гул голос Корнелиуса. — Заводите его.

Складское помещение походило на пустую раковину. Август отчетливо различал звук собственных шагов — они эхом отдавались от бетонного пола и металлических опор. Мерное «топ-топ-топ» почему-то напомнило ему

музыку, звеневшую в голове, когда он читал стихотворение Эдгара По «Ворон».

— Я продал первое издание сборника Эдгара Алана По «Тамерлан» за три тысячи долларов, — сказал Август.

— О чем ты? — спросила Ксандра.

— Потрясающая сделка, — пояснил он. — Я купил книгу у мальчишки, помогавшего матери в антикварной лавке. Он ни черта не смыслил в букинистике и отдал ее всего за пятнадцать долларов.

— Да ведь это грабеж!

— Согласен, — признал Август.

Удивительное ощущение — точно в голове щелкнул и открылся какой-то замочек, и все, о чем доселе он даже думать боялся, хлынуло наружу.

Они вошли в комнату, напоминавшую гигантскую белую коробку. Располагалась она в самом центре здания. Как-то странно было находиться здесь, и Август вдруг подумал, что это помещение предназначается специально для него, неясно только пока зачем.

— Что это за место?

— Мне говорили, здесь раньше расфасовывали лекарства. Правительство купило это здание два года назад, с целью проведения секретной операции.

— Но здесь же пусто! Чем они здесь занимаются?

— Честно говоря, распространением наркотиков. В основном кокаина, — ответила Ксандра. — ФБР собиралось использовать это как прикрытие для проникновения в криминальные круги. Но в какой-то момент федералы перестали исполнять свой долг и превратились в настоящих дилеров. Наверное, просто не выдержали искушения. Прибыль-то баснословная.

— Знаешь, деньги — это тоже наркотик.

— И посильнее кокаина. Но есть на свете вещи более желанные. К примеру, власть. — Ксандра огляделась, проверить, одни ли они в комнате. — Корнелиус велел спросить, не подумываешь ли ты вступить в орден?

— Да ты с ума сошла!

— Я знала, что ты так ответишь. И ему сказала. И добавила, что если ты когда-нибудь увидишь всю картину в целом, оценишь перспективы, то, возможно, согласишься. — Она подошла поближе. — Корнелиус хочет сделать тебя полноправным членом ордена. Не таким, как эти мальчики на побегушках, федералы и прочая мелочь. У тебя будет столько денег, сколько ты представить не в состоянии. Достаточно, чтоб спонсировать тысячи экспедиций, направленных на поиски редких книг. Если, конечно, это твоя мечта.

— В обмен на что?

— На твой ум и образование. Твою страсть, — ответила она. — С сегодняшнего дня орден вступает в новую эру. Ну и разумеется, возникнет потребность в новом лидере.

Август развернулся и удивленно уставился на нее.

— Я думал, ты меня понимаешь, — протянул он. — Оказывается, нет. Мы с тобой совершенно разные люди. Я люблю свою работу, я солгал бы, если бы сказал, что нет. Но я отдал бы самую редкую и дорогую книгу, отказался бы от самого заманчивого приключения, лишь бы спасти свою семью. Просто поверить не могу, как это раньше до меня не доходило. Сколько боли из-за этого пришлось пережить мне и моим близким.

— Не строй из себя мученика. Боль еще не закончилась, — сказала Ксандра и взялась за ручку двери в соседнюю комнату. — Все девять страниц с иллюстрациями находятся здесь, на специальном столе с особой подсветкой. В дневнике Гутенберга сказано, что истинный смысл

этих иллюстраций может раскрыться только в свете полной луны. Мы не хотели испытывать судьбу — вдруг ночь выдастся облачной? — и заказали стол с подсветкой, имитирующей лунное сияние.

— Смотрю, вы обо всем позаботились?

— В основном — да, — ответила Ксандра. — Несмотря на некоторые непредвиденные осложнения.

— К примеру, жизни людей.

Ксандра не обратила внимания на этот выпад.

— Ты будешь находиться под постоянным наблюдением, так что не думай утаить что-либо или выкинуть какой-то фокус. Не удастся. У тебя ровно три часа, чтобы решить головоломку.

— Этого недостаточно.

— Ты сам доказал, что сжатые сроки тебе не помеха.

— Пусть с меня снимут наручники.

— Нет.

— Как же я буду работать?

— Тебе окажут любую необходимую помощь, — сказала Ксандра и распахнула дверь.

— Папа!

Август упал на колени, увидев сына, он на миг лишился дара речи.

— Август!

Он поднял голову и увидел в другом конце комнаты Эйприл. Несмотря на растрепанные волосы и грязную одежду, она показалась ему необыкновенно красивой. Он хотел заговорить, но найти нужные слова не удавалось. Август почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы — видимо, укол сделал его излишне сентиментальным.

— Вставай, — велела Ксандра.

Август вскочил и бросился к Чарли. Тот крепко обнял отца. Эйприл поднялась из кресла — руки у нее по-преж-

нему были скованы, — подошла к ним, и Чарли вцепился в мать.

Ксандра швырнула на стол блокнот с записями Августа и дневник Гутенберга.

— Лучше принимайся за дело. А потом можете попрощаться. Вероятно, вы видите друг друга живыми в последний раз.

Дверь за ней захлопнулась.

Время пошло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вопросы так и сыпались. Август, Эйприл и Чарли вспоминали каждую секунду, каждое событие последних нескольких часов, сравнивали записи, пытались сообразить, что именно произошло и почему. Но времени на это не было, а потому они решили сосредоточиться на настоящем. Как Август сломал нос («Они избивали меня, едва насмерть не забили», — признался он); почему Эйприл вырвала из Библии последние три страницы с иллюстрациями («Они угрожали убить Чарли», — объяснила она). И наконец, как вообще оказался здесь Чарли («Они обещали мне кучу конфет — шутка! — они просто меня похитили», — сказал он).

— А что за тетка привела тебя сюда, пап? — спросил Чарли.

— Она из разряда тех, кого твоя мама называет...

— Август!

Тут Чарли закончил фразу отца.

— Чарли! Ну где, скажи на милость, ты услышал такое нехорошее слово? — возмутилась Эйприл.

— Возможно, от меня. От кого еще ему набираться дурных манер?

— А вот и неправда. У бабушки Роуз тоже манеры не очень. И есть вредные привычки. Один раз я даже видел, как она курит.

— Твоя бабушка не курит!

— Но, мам! Я собственными глазами видел!

Август усмехнулся.

— А знаешь, мне все больше начинает нравиться моя теща.

— Прекрати, Август. А тебе, Чарли, просто показалось. Может, бабушка свечу зажигала.

— А зачем ей понадобилось совать свечу в рот?

— Не знаю, Чарли. Но уверена, всему существует разумное объяснение.

— Я не лгу, мам!

— Я и не говорила, что ты лжешь.

— Ты так все повернула, что можно было подумать, будто я лгу.

— Ничего подобного. Я просто сказала, что ты, наверное, все неправильно понял.

Тут Август поднялся и топнул ногой. Эйприл и Чарли тотчас умолкли.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнул он. — Наркотики, которыми нас напичкали, заставляют болтать всякую ерунду, но нам надо сосредоточиться на главном. Меня, как и вас, нисколько не волнует, курит ли бабушка Роуз. Да пусть хоть три пачки в день выкуривает! Если мы не решим эту головоломку, то никогда и не узнаем, дымит она или не дымит.

— Я не вру.

— Чарли! — строго произнес Август.

— Прости, пап.

— Ладно. Нам нужен план, — сказал Август. — И вот что, Чарли, сынок. Поскольку ты здесь единственный без наручников, тебе придется сесть за ноутбук.

— Идет!

— Еще ты должен переворачивать страницы. Положи вон ту красную книжку перед мамой.

Чарли повиновался.

— Что это? — спросила Эйприл.

— Дневник Гутенберга. — И Август объяснил, какая связь существует между дневником и цветными иллюстрациями.

— Так он действительно существует? Он настоящий?

— Ну, переплет соответствует времени. Да и бумага тоже. Словом, он вполне сопоставим с инкунабулами, которые мне доводилось видеть за многие годы.

— Инку... что? — спросил Чарли.

— Инкунабула — это старая книга, — пояснила Эйприл.

— Ты сильнее всех нас в немецком, — сказал Август в надежде, что Эйприл воспримет это как комплимент, поскольку и сам весьма неплохо владел немецким. — У меня пока что не сложилась цельная картина. Думаю, надо повнимательнее изучить дневник.

— Я тоже знаю немецкий! — встрял Чарли.

— Ты умеешь считать по-немецки, — ответил Август. — Это нам не сильно поможет.

— Зачем ты расстраиваешь ребенка? — укоризненно заметила Эйприл. — Он знает куда больше, чем ты думаешь.

— Я и французский знаю!

Тут уже Эйприл удивилась.

— Откуда же? Кто учил тебя?

— Миссис Ларош.

— Кто такая миссис Ларош?

— Она ходит к бабушке по четвергам. Играть в покер.

Август улыбнулся.

— Нет, ей-богу, чем дальше, тем больше мне нравится бабушка Роуз.

— Позже поговорим, — сказала Эйприл сыну и обернулась к Августу. — Теперь объясни, что мне надо искать.

— Любое упоминание о книгах Библии, так или иначе связанных с иллюстрациями, — ответил Август и передал ей список книг, в том порядке, в каком он был составлен Ксандрой в самолете: Книга Царств, Книга Паралипоменон, Послание к Римлянам, Книга Судей Израилевых, Евангелие от Иоанна, Книга Пророка Даниила, Книга Пророка Маккавея, Евангелие от Луки и Книга Бытия.

Чарли принялся листать страницы, Эйприл бегло просматривала их. Вот он сделал неловкое движение, книга упала и открылась на последней странице.

— Что это? — воскликнула Эйприл, глядя на выведенный там перечень. — Двадцать одно имя. Первые члены ордена дракона.

И она прочла весь список вслух.

— Есть одна догадка, — пробормотал Август. — Скорее всего, каждый из этих людей поручил Гутенбергу сделать по экземпляру Библии.

— И именно там он спрятал свои загадочные иллюстрации.

— Да, прямо у них под носом. Но для разгадки его секрета необходимо владеть тремя экземплярами Библии одновременно. — Август указал на стол, где лежали девять иллюстрированных страниц, квадратом три на три. — Страницы по правую от меня руку вырваны из экземпляра, хранившегося в библиотеке Моргана. Страницы в середине — из моей книги. И наконец, страницы слева от меня...

— Из Библиотеки Конгресса, — закончила Эйприл. — Просто удивительно, что все они из Библий, которыми владели первые члены ордена дракона.

— Наилучшая сохранность книг обеспечивалась в библиотеках королевских семейств. Могли же существовать члены ордена дракона голубых кровей? Принадлежащие им экземпляры Библий Гутенберга и дошли до нас в наиболее пристойном виде.

— Расскажи все, что знаешь об этих иллюстрациях, — попросила Эйприл.

Август вкратце изложил свои соображения по поводу всех девяти иллюстраций:

*Две белые собаки-драконы преследуют лису и зайца,
Сигизмунд на троне с золотым шаром,
Гутенберг с мечом и дневником,
Лебедь-дракон, пожирающий синего человека,
Орел со знаменем Карла Великого,
Даниил, боящийся ежа,
Влад II Дракул в зеленом плаще,
Бык, который предсказывает свет,
Олень, мучимый волком.*

— Ну, не знаю, — протянула Эйприл, не готовая сразу переварить такой объем информации. — Что, если ты видишь в них смысл, которого на самом деле нет?

— Не исключено, — ответил Август. — Но на большее я пока не способен.

Цветные иллюстрации сияли и переливались в имитации лунного света. На миг Августу показалось, что они излучают некое послание. Но в чем оно заключается?

Чарли не сводил глаз со страниц.

— Что там? — спросила Эйприл.

Август отчетливо уловил тревогу в ее голосе. Чарли, не моргая, смотрел на иллюстрации вот уже минуту, не меньше.

— Чарли! Оторвись наконец!

Чарли часто заморгал.

— Ничего, я в порядке. Просто... ну, понимаете...

— Понимаю. И это меня беспокоит. Ты должен быть с нами, здесь...

— Просто эти картинки... они совпадают...

Август поднял глаза от дневника.

— Что значит «совпадают»?

— Ну, просто я представлял, как все эти животные на картинках гонятся друг за другом... И вдруг заметил, как близко они располагаются. Ну, не так, как вы видите сейчас, но если один рисунок наложить на другой...

Август впился взглядом в иллюстрации на столе. Он сам начинал это видеть.

— Продолжай.

— Может, я лучше покажу?

— Вперед.

Чарли обежал стол и остановился напротив отца. Он стал переворачивать все иллюстрации лицом к себе.

— Гм... — пробормотал он и задумчиво почесал подбородок, ну прямо вылитый профессор.

Казалось, было слышно, как вертятся и поскрипывают у него в голове детали неведомого механизма. Он начал менять страницы местами, некоторые — переворачивать вверх ногами. Потом он нахмурился и принялся складывать их в стопку, пока все девять рисунков не легли в одном ему понятном порядке.

— Вау! — воскликнул мальчик с такой радостью, точно распаковал рождественский подарок.

— Что? — в унисон произнесли Август и Эйприл.

Они вскочили, подбежали к сыну и дружно заглянули ему через плечо.

— Потрясающе!

— Нет, просто невероятно!

— Все эти образы связаны между собой.

— Не существуют один без другого... — прошептала Эйприл.

Эффект вышел поразительный. Фигурки зверей и людей каскадом сбегали с пергаментных листов, озаренные мягкой подсветкой. Сверху и справа располагался бык, топчущий копытом свиток. За ним шел человек, которого пожирал лебедь, внизу — львиная клетка. По левую сторону — Дракул с мечом, за ним — орел со свитком Карла Великого и, наконец, Сигизмунд, восседающий на троне. Оставшиеся три иллюстрации словно обрамляли эту картину: на полях слева обезьяна взбиралась на длинную виноградную лозу, история сотворения мира образовывала правые поля, а в самом низу страницы белые собаки-драконы преследовали лису и зайца. Все фигурки двигались, танцевали, переплетались одна с другой, и каждая отдельная история обогащалась той, что изображалась следом.

— Нет, здесь чего-то не хватает, — заметил Август, испортив своим скептицизмом все волшебство. — Обратите внимание вот на что. Каждая фигурка, будь то животное или человек, смотрит на некий предмет в середине, причем, если присмотреться, смотрит с восторгом. А самого предмета нет.

— И что это может быть?..

— Ксандра говорила о каком-то десятом изображении.

— Еще одной иллюстрации?

— Нет. Об образе, взятом из другого источника. И еще говорила, что он упоминается в дневнике.

Эйприл вновь уселась в кресло.

— Поможешь мне просмотреть дневник, Чарли?

Тот подошел к матери, встал рядом и принялся листать дневник.

Прошло минут тридцать, и они показались вечностью.

— Вроде бы нашла кое-что, но не совсем понимаю... — внезапно произнесла Эйприл.

Август взглянул на отрывок, лежавший перед ней.

— О чем тут говорится?

— Вообще тут написано, что десятое изображение находится внутри дневника.

— Ты его видишь?

— В том-то и проблема, — сказала Эйприл. — В дневнике нет никаких иллюстраций. Чарли, сынок, пролистай еще раз, может, мы пропустили какую-нибудь картинку?

Чарли открыл дневник на первой странице и начал быстро, но аккуратно перелистывать дневник.

— Хочешь, чтоб я прошелся еще раз? — спросил он, дойдя до конца.

— Что-нибудь заметил?

— Нет.

— Я смотрела очень внимательно и тоже ничего не увидела, — вздохнула Эйприл. — Чего же не хватает?..

Август поднялся.

— Что именно сказано в дневнике? — спросил он.

— Что десятое изображение можно найти внутри журнала.

— Внутри? — Август обошел стол. — Вот что, Чарли. Сорви с дневника обложку.

— Мам?..

— Погоди секунду. О чем ты думаешь? Так варварски обойтись с ценнейшей книгой!

— Если бы из Библии не вырвали эти страницы, мы бы никогда не поняли, что рисунки совпадают. — Август наклонился и заглянул Чарли в глаза. — Делай, что тебе говорят.

Чарли не стал колебаться. Решительными движениями он начал отдирать обложку — так срывают плотную упаковочную бумагу с подарочной коробки. Поддалась она не сразу, но Чарли вышел из этой борьбы победителем. Закончив, он бросил обложку на стол.

— Не надорвался?

— Не смейся, папа.

Август склонился над столом и пригляделся к кожаному переплету.

— А знаете, никогда прежде этого не замечал!

— Чего? — спросил Чарли.

— Поначалу мне казалось, что узор на обложке — просто элемент декора и не несет никакого смысла. Теперь я понял, в чем дело. А вы?

Чарли приподнял обложку так, чтобы ее видели все, в том числе Эйприл. Она заметила первой.

— Колофон! Концовка! Половина того, что воспроизведен в Библиотеке Конгресса!

— Что? — удивленно переспросил Чарли.

— Марка печатника, — объяснил Август. — А именно — Фуста.

— Кого?

— Ну, человека, помогавшего Гутенбергу печатать книги.

— Я ничего не вижу, — вздохнул Чарли.

— Непонятно, зачем понадобилось украшать этим дневник, — пробормотала Эйприл.

— Чтобы подсказать, где искать дальше. Видите «Х» в этой точке?

— Да объяснит мне наконец кто-нибудь, что все это значит?! — чуть ли не в слезах взмолился Чарли.

— Подними обложку так, чтобы она располагалась вертикально, — попросила Эйприл сына.

Чарли поставил кожаный переплет на стол.

— А теперь постарайся не обращать внимания на орнамент — на цветы, листья, квадратики и кружки, словом, на всю эту ерунду. И посмотри внимательно, где-то в середине должна быть буква. Причем она пересекает переднюю и заднюю стороны обложки.

Чарли прищурился.

— Вижу! — воскликнул он. — А что означает эта здорвая «Х»? — спросил он, и на лице его было написано искреннее любопытство.

— Этот символ использовал человек по имени Йохан Фуст, — объяснила Эйприл. — Он давал Гутенбергу деньги на печатание Библии. Вообще-то «Х» — это греческая буква «хи». Этим символом Фуст как бы хотел сказать: «Смотрите, и мой труд вложен в книгу».

— Лучше бы вместо нее ягуара нарисовал. Было бы здорово!

— Ладно. Не хочется прерывать ваши интересные рассуждения, но мы должны двигаться дальше, — сказал Август.

— Какой ты скучный, пап!

— Может, объяснишь сыну, Эйприл, что наши жизни подвергаются опасности?

— Почему бы тебе самому это не сделать?

Август одарил бывшую жену укоризненным взглядом и обернулся к Чарли.

— Наши жизни в опасности, — произнес он.

— К чему разговоры, пап? Лучше скажи, что дальше.

— Раскрой обложку.

Чарли перевернул кожаный переплет и осмотрел то место, где страницы были оторваны от корешка. Из щели торчала бумага другого цвета. Чарли запустил туда пальцы.

— Тут что-то есть.

— Осторожнее. Это «что-то» так долго хранилось, что можно ненароком повредить его.

Чарли стал медленно вытягивать пальцы.

— Делаю вид, что играю в игру под названием «Операция», но только если я допущу ошибку, вместо тревожного сигнала может получиться так, что все мы умрем.

Лицо у Эйприл исказилось.

— Не говори так. Звучит слишком мрачно.

— Зато точно, — заметил Август.

Чарли вытащил руку, и все увидели, что между указательным и средним пальцами у него зажат тонкий листок свернутой в несколько раз бумаги. Он положил листок на стол и осторожно развернул.

— Десятое изображение, — прошептал Август.

— Похоже на какую-то карту, — сказал Чарли и провел пальцами по извилистым линиям на древней бумаге. — А для чего здесь дырочки?

Август улыбнулся.

— А ну-ка, поднеси к иллюстрациям и поддержи прямо над ними.

Чарли повиновался, и уже через секунду дивился тому, что иллюстрации совпадают с пустыми местами на карте.

— Думаю, пазл мы составили, — провозгласил Август. — А вот загадка так и осталась неразгаданной. У нас есть карта, но чего именно? И для чего?

Эйприл подошла к ним и тоже какое-то время смотрела на карту.

— А что, если проследить линии, идущие от каждой иллюстрации? Большинство из них обрывается, заканчивается ничем. А вот линия, идущая от изображения Сигизмунда, ведет прямиком к... Так, что это у нас?

В центре карты виднелось два круга с еле различимыми пометками внутри.

— Чарли, потри, пожалуйста, аккуратно эти круги. Ничего не прощупывается?

Мальчик осторожно поводил пальцами по листку, такими легкими и осторожными движениями, точно гладил по спинкам тарантулов.

— Прощупывается. Но едва-едва. Какие-то мелкие рубцы на бумаге.

— Это рисунки, путем притирания скопированные с монеты. Уверен, здесь их больше, чем два, — сказал Август.

Он оторвал взгляд от монеты и перевел его на короля.

— Я думал, это портрет императора Сигизмунда. Наверное, я ошибался. Упустил кое-что из виду. Посмотрите на его глаза.

— Одного глаза нет! — хором воскликнули Эйприл и Чарли.

— Никакой это не император Сигизмунд, — заявил Август. — Это Ян Одноглазый, он же Ян Жижка, великий полководец армии гуситов. «Жижка» означает «один глаз». Он был так знаменит и почитаем, что после смерти с него содрали кожу, обтянули ею барабан и боем этого барабана созывали людей на битву.

— Круто... — пробормотал Чарли.

— А еще он, — продолжал Август, — был заклятым врагом императора Сигизмунда, но на иллюстрации мы

видим, что Жижка сидит на троне. Думаю, тем самым художник хотел сказать, что отныне в руках Яна Жижки находится вся полнота власти, некогда принадлежавшая Сигизмунду.

— А это могло произойти только в одном случае, — подхватила Эйприл. — Если «Сироты» похитили сокровище, принадлежавшее ордену дракона. Неудивительно, что драконисты так жаждут его вернуть.

— Но где же это сокровище? — Август закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, и стал перебирать в памяти известные ему факты. — Карта предполагает, что существует место, где оно спрятано.

— И находиться оно должно в границах Священной Римской империи, — добавила Эйприл. — Если тут замешан Жижка, тогда единственное место, где его следует искать, это...

— Табор! — воскликнул Август.

Двери распахнулись. В комнату вошли двое вооруженных людей в черном, вид у них был решительный и грозный. Следом в помещение проскользнула Ксандра. Глаза у Эйприл расширились.

— Так значит, Табор, — протянула Ксандра.

Она обошла вокруг стола и уставилась на карту и стопку иллюстраций.

— Потрясающе. Вы проделали отличную работу. — И Ксандра захлопала в ладоши — медленно, издевательски, в ритме похоронного марша.

— Что там спрятано? — спросил Август. — Несколько золотых монет?

— Мелко мыслишь, — бросила Ксандра. — Сокровища искали несколько веков, стало быть, они того стоят. Август улыбнулся.

— Но сокровища тамплиеров — просто миф.

— Миф? — расхохоталась Ксандра. — Миф — это то, чего не существует. А теперь слушай правду. В тысяча сто восемнадцатом году рыцари-тамплиеры нашли тайник в земле под тем местом, где некогда стоял дворец царя Соломона. В этом тайнике они обнаружили тысячи и тысячи старинных золотых монет. Сперва тамплиеры, конечно, обрадовались находке, но затем присмотрелись к ней повнимательнее. Такого изображения они никогда не видели на каких-либо других монетах. С одной стороны — женский профиль, с другой — пятиконечная звезда в окружении букв древнееврейского алфавита.

— Что за буквы? — поинтересовался Август.

— J-R-S-L-M. Так на древнееврейском писалось название города Иерусалим. Эти буквы убедили тамплиеров, что монеты чеканились в священном городе. А пятиконечная звезда только подтверждала их догадку.

— Я всегда думал, что пятиконечная звезда — оккультный символ, — признался Август.

— Пятиконечная звезда не имела никакого отношения к оккультизму до тех пор, пока в середине девятнадцатого века некий человек по имени Элифас Леви* не использовал перевернутую пятиконечную звезду в качестве официального символа церкви Сатаны, так называемого знака Бафомета**. До этого пятиконечную звезду ассоциировали с первыми книгами Библии, Пятикнижием Моисея. Она являлась олицетворением истины.

* Элифас Леви — настоящее имя — Альфонс Луи Констан. Известный оккультист, прославившийся как автор самолично иллюстрированных книг по ритуальной магии.

** Знак Бафомета — перевернутая пятиконечная звезда с вписанной в нее головой козла. Символ стал широко известен с изданием в 1969 году Сатанинской библии.

— И какая истина кроется в изображении женщины на монете?

— Вот и тамплиеры этого не понимали. Они углубились в библейскую историю и узнали, что на монетах, чеканившихся на Храмовой горе, никогда не изображалось человеческое лицо. Ни царя, ни царицы.

— Профиль Цезаря красуется на множестве монет, — заметил Август.

— Но не на монетах с Храмовой горы, — сказала Ксандра. — Ведь монеты с изображением Цезаря изготавливались в Риме, а в Иерусалиме подобное было строго запрещено.

— По-моему, как раз в Пятикнижии прописаны самые строгие правила относительно этого, — заметила Эйприл, не переставая метать на Ксандру гневные взоры.

— К идолам там всегда относились отрицательно, — сказала Ксандра. — А вот изображений божественных существ это не касалось. Вспомните, к примеру, ангелов, украшающих книги Старого и Нового Заветов. Позже их тоже запретили, но только не в тот период, когда чеканились эти монеты.

— Так значит, у нас на монете ангел, — сделал вывод Август. — Вряд ли можно назвать ее находкой века?

— Ты забываешь, что в еврейской традиции ангелы всегда мужского пола, — возразила Ксандра.

Глаза у Эйприл расширились, а у Августа просто челюсть упала.

— Ты хочешь сказать, евреи поклонялись божеству женского пола? — с трудом выдавил он.

— Именно.

— Бог был девушкой? — спросил Чарли.

Август навалился грудью на стол.

— Путем шантажа тамплиеры превратили свое открытие в огромную власть, — продолжала Ксандра. — Кругом они видели систему, целиком построенную на власти мужчин. Все Папы — мужчины. Кардиналы тоже мужчины. Епископы. Простые священники. Сама идея, что бог — женщина, могла разрушить, раздавить систему. В их руках оказалась невероятная сила. В тысяча сто тридцать девятом году Папа Иннокентий Второй издал буллу «Omne Datum Optimum», согласно которой тамплиеры получали неслыханные привилегии. Они не платили налоги, могли перемещаться без всяких ограничений и не были обязаны подчиняться никому, кроме Папы. Иными словами, имели право делать все, что заблагорассудится.

— Но инстинкт самосохранения — не единственная причина, по которой Папа решил похоронить открытие тамплиеров, — вмешалась Эйприл.

— Вы правы, — кивнула Ксандра. — Это открытие было чревато огромными осложнениями для самого христианского вероучения.

— Какими осложнениями? — спросил Август.

— Мария не могла забеременеть от святого духа женского пола, — пояснила Ксандра. — А это, в свою очередь, означает, что настоящий отец Христа вовсе не «божествен» по своей природе. Поэтому и сам Христос — не бог.

Эйприл покачала головой.

— Безумие какое-то! Поэтому тамплиеры и не стали обнародовать свое открытие?

— Они сочли, что синица в руках лучше, чем журавль в небе. Им представилась возможность обогатиться, и они держали весь мир в неведении, используя свою тайну лишь для укрепления власти. Они выжидали, пока не

настанут более благоприятные времена, чтобы поведать людям истину. Поэтому тамплиеры и похоронили ее, в прямом и переносном смысле слова. С тех пор о ней никто ничего не знал.

— Вплоть до нынешнего времени.

— Да, — кивнула Ксандра, любуясь картой. — Вплоть до настоящего момента.

Эйприл подошла к Чарли и прикрыла его своим телом.

— Нам нет дела до ваших тайн. Мы хотим только одного: попасть наконец домой.

— Пожалуйста! Никто вас не держит, идите! — Ксандра указала рукой на дверь.

— Нет! — взвизгнул Чарли. — Если выйдем, сработают бомбы и нам конец!

— Ах да. Совсем забыла. Вам имплантированы сенсорные чипы, приводящие в действие взрывные устройства, — усмехнулась Ксандра.

Она взяла со стола карту и двинулась к двери. Мужчины в черном взвели курки и направились за ней.

— Однако я полагаю, что столь умные и изворотливые люди, как вы, могут найти выход из любой ситуации. Или ваши умственные способности окончательно истощились за день?

Август в ярости бросился на нее, но был тут же остановлен телохранителями. Его швырнули на пол. Обороняться со скованными руками он не мог, и перед тем, как уйти, федералы наградили его градом пинков.

— Ничего, еще встретимся, сволочи! — крикнул Август, выплевывая выбитый зуб.

— Боюсь, что нет, — заметила Ксандра. — Бомба срабатывает через тридцать минут. Как раз хватит нам, чтобы убраться отсюда.

Она развернулась и пнула Августа в шею острым каб-
луком.

Он закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

Ксандра наклонилась над ним.

— Слышала, погода в это время года в Таборе просто чудесная,— прошептала она.— Прощай, Август.

И дверь за ней затворилась.

Свет в комнате погас. Она погрузилась в полный мрак и абсолютную тишину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Двенадцать часов спустя
Табор, Чешская Республика

Казалось, улицы Табора специально проложены так, чтобы легче было заблудиться, и никак иначе. Они то ровно устремлялись вперед, то резко меняли направление или оканчивались тупиками. Подобная география города не раз сослужила его обитателям добрую службу в трудные времена. Вражеские отряды путались, будучи полностью дезориентированы, и часто нападали на своих же, к вящей радости гуситов.

Но Ксандра не заблудилась ни разу. У нее была карта. Даже не одна, а целых две карты. Одна показывала расположение улиц, другая — куда более ценная — то, что находится под ними.

Существовал довольно толковый план подземных коммуникаций Табора, составленный в том числе Гутенбергом. На протяжении сотен лет никто не пользовался туннелями — слишком уж опасное это было занятие. Во многих местах стены и потолок в любой момент грозили обрушиться благодаря планомерному размыванию почв. Основные секции туннеля были достаточно надежны, но расширение подземных ходов во все стороны продолжалось веками, причем делалось это на скорую руку и результат надежностью не отличался. Здесь размещались

потайные склады и импровизированные темницы — ходили легенды, будто мужья бросали туда сварливых жен, и несчастные находили свою смерть в катакомбах, пронизывающих все подземное пространство города, точно паутина.

Но Ксандра была не из пугливых. И потом, перед ней стояла цель — найти сокровище.

— Где и как мы попадем в туннели? — спросил агент Теренс Барбер, один из четверых ее спутников, которые с трудом влезли во взятый напрокат фургон.

— На площади Жижки, — ответила Ксандра. — Она названа так в честь человека, основавшего этот город.

— Такое ощущение, словно мы переместились во времени на несколько веков назад, — заметил Барбер, разглядывая исполненные особой старинной прелести дома, мимо которых они проезжали.

— Здесь за пятьсот лет ничего не изменилось, — пояснила Ксандра. — Некогда в этом городе обитала лишь армия гуситов: они возводили его исключительно как оборонительное сооружение. Табор означает «лагерь».

— Самый симпатичный лагерь из всех, что я видел, — хмыкнул Барбер и опустил на глаза большие летные очки. — Ничего подобного у ФБР сроду не было!

Двое других федералов засмеялись.

— Заткнитесь! — буркнул Корнелиус с переднего сиденья.

Он хранил молчание с того момента, как они сошли с самолета.

Федералы многозначительно переглянулись. Фургон, миновав узкую улочку, выехал на широкую, кишевшую людьми городскую площадь. Несомненно, они попали в самую оживленную часть города, в его сердце, и людно тут бывало во все времена.

— Смотрите! — воскликнул агент Клайд Уайнант, указывая костлявой рукой в окно.

Все десять пар глаз дружно взглянули в указанном направлении, на высокую статую из известняка. Это был Жижка в полном боевом облачении. Приставив ладонь ко лбу, он озираал верные ему войска. На нем красовался богатый камзол с меховой оторочкой, лицо казалось суровым и решительным, отсутствующий глаз прикрывала легендарная повязка. Другой пронзительно и всевидяще смотрел из-под низко надвинутого на лоб щлема. В левой руке Жижка держал широкий меч, упиравшийся острием в землю, а в правой руке — скипетр, которым он указывал на неизвестную точку площади, на расстоянии примерно двадцати ярдов от статуи.

— Вот туда мы и направляемся, — сказала Ксандра, указывая на невидимую глазу отметку.

Фургон проехал через площадь, все его пассажиры вышли и тут же начали играть предписанные им роли. Трое мужчин в касках и серых комбинезонах принялись расставлять оранжевые конусы специальной разметки и развешивать по периметру этих конусов оградительную ленту с надписью: «Доступ запрещен».

К месту действия приблизился полицейский, явно любопытствуя, что здесь происходит. Есть ли у них разрешение на проведение работ? Ведь без разрешения нельзя долбить камни отбойными молотками. Ксандра перехватила взгляд Корнелиуса.

Тот подошел к полицейскому и вступил с ним в оживленную дискуссию на чешском. Потом он достал и показал какой-то документ, полицейский изучал его несколько минут, после чего вернул Корнелиусу. Они обменялись рукопожатиями. Стало быть, все в порядке. Полицейский махнул на прощание рукой и отправился на поиск

ки нарушителей. Этих людей следовало оставить в покое. Все по закону — их прислали чинить канализационную трубу.

— Думал, все, мы пропали, — заметил агент Фрэнк Йоргенсон, отирая пот со лба.

— Не трусь. Корнелиус обо всем позаботился.

Ксандра смотрела на нервничающего федерала и в глазах ее читались насмешка и презрение одновременно.

Он меж тем уже принялся за дело — стал убирать скопившийся вокруг мусор.

Орудую отбойными молотками, федералы все глубже вгрызались в землю. Вскоре они добрались до квадратной металлической плиты размером два на два метра. Ксандра расчистила густой слой пыли и грязи, покрывавший плиту, и тихонько ахнула, увидев, что на ней изображено.

Подошел Йоргенсон и заглянул ей через плечо.

— Идите сюда! Вы должны посмотреть на это!

Все столпились вокруг. Да, этот символ нельзя было не узнать. То же самое изображение, что красовалось у них на медальонах: свернувшийся кольцом дракон, кусающий собственный хвост.

— Чего вы ждете? — рявкнул Корнелиус. — Поднять плиту, живо!

Йоргенсон и Уайнант подсунули под плиту ломы и поднажали, пытаясь вырвать ее из земли. Силы их были почти на исходе, когда плита наконец подалась. Под ней начинался узкий проход, ведущий в глубь земли. Барбер достал веревку, размотал, бросил конец вниз.

— Следующая остановка — ад, — пошутил он.

— Идешь первым, Йоргенсон, — распорядился Корнелиус. — Не хочу, чтобы ты поскользнулся и свалился мне на голову.

— Спасибо, магистр, — ответил здоровяк Йоргенсон, прикрепил веревку к поясу и начал спускаться в пролом, подмигнув напоследок Ксандре.

Она отправилась следующей. Метров через десять проход расширялся. Она дернула за веревку, и Йоргенсон включил фонарь.

— Тут туннель, — сказал он. — В какую сторону идти?

Ксандра выхватила у него фонарь и принялась изучать карту, в то время как остальные члены команды один за другим спускались в подземелье. Наконец она сверилась с компасом.

— Сюда. — И она зашагала по узкому коридору.

Мужчины потянулись следом, стараясь держаться как можно ближе друг к другу. Ксандра по-прежнему довольно быстро двигалась вперед. Барбер протянул руку и коснулся стены.

— Сырая, — пробормотал он.

Корнелиус резко схватил его за руку.

— Идиот! Этим туннелем, возможно, не пользовались веками. Никто не знает, насколько надежны тут стены.

Они продолжали путь. И если вначале туннель расширялся, потолок становился выше и все смогли выпрямиться в полный рост, то теперь он снова начал сужаться. Ксандра сделала еще несколько шагов и остановилась. Чтобы продвинуться дальше, пришлось бы встать на четвереньки.

— Ты уверена, что мы идем правильно? — спросил Уайнант, хотя ему, как самому субтильному члену группы, беспокоиться стоило меньше прочих.

Ксандра почувствовала, как тревожно забилось сердце, но тут же отмела все сомнения.

— Уверена, — буркнула она в ответ.

Туннель тянулся дальше, дорога шла под уклон, а иногда изгибалась под таким углом, что казалось, будто они

вонзаются по спирали, словно штопор в бутылочную пробку, все глубже и глубже в землю. Время от времени слышалось журчание воды и стук капель по камню, что лишь усиливало клаустрофобию — боязнь замкнутого пространства, ощущение, которое пыталась отогнать от себя Ксандра.

Минут через тридцать она заметила впереди, на полу туннеля, темное пятно.

— Кажется, что-то вижу, — обернувшись к спутникам, сказала она.

— Надеюсь, это «Макдоналдс», — пошутил Йоргенсон.

Ладонь Ксандры коснулась скользкой грязи и вдруг резко ушла вниз.

— Стоп! — крикнула она.

— Что там?

— Дайте веревку.

Барбер бросил ей конец.

— Закрепи ее, — велела Ксандра и вернула ему веревку.

Барбер достал небольшую дрель, высверлил в полу отверстие, укрепил в нем металлический крюк и пропустил веревку через кольцо.

И вот по очереди, один за другим, драконисты спустились из туннеля в помещение на нижнем уровне. Достигнув пола, они стали озираться по сторонам, но вокруг царила непроницаемая тьма.

— Зажечь осветительные патроны! — скомандовал Корнелиус.

Агенты подожгли извлеченные из карманов патроны, и помещение озарилось теплым красно-оранжевым, слегка мерцающим светом. Ксандра медленно прошла вперед, слыша, как поскрипывают под ногами старые доски.

— Осторожней, — предупредила она. — Пол не слишком надежный. И не думаю, что под ним твердая земля.

Йоргенсон передвигался на цыпочках. Внезапно под ногами у него затрещало. Он тут же остановился.

— Святой...

— Не двигайся! — крикнула Ксандра.

Пол продолжал скрипеть и постанывать, точно готовое рухнуть гигантское высохшее дерево.

— Вперед, только медленно, — сказал Корнелиус.

Йоргенсон поднял правую ногу. Он осторожно перенес на нее центр тяжести и только после этого стал подтягивать левую. Пол держался.

— Получилось! — улыбаясь, заметил он.

Внезапно пол под ним проломился, и его поглотила тьма.

— Нет! — крикнул Уайнант и бросился к дыре.

Корнелиус схватил его за плечо.

— Ты что, рехнулся? Да тут все может обрушиться в любой момент! Стой, не дергайся. У нас есть цель.

Ксандра быстро оглядела помещение. Оно было круглое. Потолок, судя по всему, находился очень высоко, за пределами видимости. Стены каменные, сплошь изукрашенные орнаментом, иногда узнаваемым, но порой совершенно непонятным. Она снова достала из сумки иллюстрированную карту и развернула ее.

— Это здесь, — сказала она после паузы. — Сокровище должно быть прямо здесь.

— Где именно? — спросил Корнелиус. — Лично я ничего не вижу.

Ксандра осторожно подошла к нему.

— Вы когда-нибудь слышали о ковре Серпинского? — спросила она.

— Нет. Но уверен, ты просветишь меня, — ответил Корнелиус.

— На первый взгляд, — принялась объяснять Ксандра, — ковер Серпинского выглядит как симметричная диаграмма, заполненная квадратами. — Она придвинулась ближе. — Но если присмотреться, начинаешь замечать, что рисунок куда более сложный, квадрат внутри квадрата, и это повторяется до бесконечности.

Она сунула карту под нос Корнелиусу.

— Поначалу я думала, что здесь изображен лишь вход в туннель или, возможно, представлена общая схема подземелья. Я не сразу поняла, что здесь показана и комната, где хранится сокровище.

— Погоди. Дай я посмотрю.

Ксандра развернула карту так, чтобы фигуры на листе бумаги совпали с фресками на стене.

— Вот, видите? — воскликнула она. — Это телец. Вот лебедь. Лев. Собака. Заяц. Лиса. Обезьяна. Орел. Царь. Все они расположены по кругу...

— А в центре...

— Сокровище, — торжественно заявила Ксандра. — По идее, направление Йоргенсон выбрал правильное, вот только поторопил события.

Она взяла один из патронов и осветила образовавшееся в полу отверстие.

— Так оно там? На дне? — спросил Барбер.

Корнелиус поманил его рукой.

— Почему бы тебе не слазить и не посмотреть?

Барбер вскинул руки.

— Я просто спросил.

Корнелиус нахмурился.

— А я не прошу. Я приказываю.

Пришлось Барберу принять этот вызов. Но он вовсе не намеревался совершать ту же ошибку, что его погибший товарищ. Он обвязал вокруг талии веревку, другой ко-

нец прикрепил к крюку, вбитому в стену, и лишь затем начал медленно спускаться в провал.

— Ну, нашел что-нибудь? — спросила Ксандра.

Барбер, щурясь, всматривался в темноту, но видел лишь расщепленные доски.

— Очень глубоко. Света не хватает.

— Тогда тебе следует спуститься ниже, — сказал Корнелиус.

— Позвольте я, — вызвалась Ксандра.

Барбер не стал спорить. Со вздохом облегчения он выбрался из провала, отвязал веревку и протянул ее Ксандре.

— Ты храбрее меня, — признался он.

— Нет, — ответила Ксандра. — Просто я более целеустремленная.

Обмотавшись веревкой, она осторожно приблизилась к провалу, развернулась и спустила ноги в темную дыру.

— Держите меня?

— Я подержу, — сказал Барбер. — Буду потихоньку спускать тебя.

Ксандра ухватила за веревку, чувствуя, как та вибрирует от соприкосновения с краем пола. И вот она начала медленно спускаться в провал.

— Как ты там?

— В полном порядке, — откликнулась она.

Один метр. Два метра. Три. Четыре. Дно по-прежнему было страшно далеко. Ей может не хватить веревки, чтобы добраться до самого низа.

— Что-нибудь видно? — Это был голос Корнелиуса.

— Пока ничего, — ответила Ксандра.

Она подняла голову и увидела, как светлый квадрат над головой становится все меньше и меньше. Хорошо. Хоть какой-то прогресс, по крайней мере.

— Веревки больше нет, — услышала она сверху голос Барбера.

— Спускаюсь, насколько хватит, — откликнулась Ксандра.

Она не собиралась сдаваться. Наконец веревка кончилась.

— Все?

— Боюсь, что да.

Она посмотрела вниз, туда, где мерцал осветительный патрон. До дна оставалось метров шесть или семь. Если спрыгнуть неудачно, можно сломать ногу. Но путь вниз — это не главная проблема. Куда больше ее волновало возвращение. Чтобы принести вторую веревку, понадобится много времени. Она оглядывала тесное замкнутое пространство, пытаясь рассмотреть, нет ли отсюда других выходов. Где-то в самом низу обязательно должен быть. По крайней мере, один. Ясное дело, что они не бросали сокровище сверху.

— Я собираюсь прыгнуть! — крикнула она.

— Что?

— Я собираюсь... ладно, неважно.

Она отвязала веревку, обматывающую талию, и устремилась навстречу земле. К счастью, удар от падения смягчило тело разбившегося Йоргенсона: он лежал лицом вверх, раскинув руки. Ксандра быстро скатилась с мертвеца, голова раскалывалась от боли, точно она получила удар бейсбольной битой. Но она осталась жива и никаких серьезных повреждений, судя по всему, не получила.

— Ты в порядке?

Ксандра достала рацию: ей надоело напрягать голос. Нажала на кнопку:

— Все нормально.

Несколько секунд спустя в динамике прорезался голос Барбера:

— Совсем забыл, что у нас есть эти штуки.

— Хорошо, что есть, — ответила Ксандра и попробовала землю ногой. — Вроде бы грунт, слава богу, твердый.

— Видишь что-нибудь?

Она достала из кармана Йоргенсона фонарик и осветила помещение.

— Странное местечко, — призналась она. — Свет исчезает вдали, точно в тумане тонет.

— А воду слышишь? Может, именно там скопился туман? Над водой? Мы видели маленькие ручейки, стекающие в туннель. Где-то там должна быть вода.

Ксандра прислушалась и через мгновение действительно различила шум падающей воды или что-то похожее.

— Пойду взгляну, — бросила она в микрофон. — А вы связывайтесь со мной через каждую минуту, проверяйте, жива я или нет.

— Понял.

Ксандра отошла от места, где лежал погибший Йоргенсон, и начала обходить помещение по периметру. Она закрыла глаза и снова прислушалась. Откуда же раздается шум? Она развернулась на каблуках и двинулась в направлении звука.

Тут снова ожила рация:

— Корнелиус просил передать, чтобы ты поспешила. Никто не знает, сколько еще выдержит это хлипкое оружие.

Ксандра убрала рацию и поняла, что приблизилась к источнику шума. Она посветила фонарем перед собой, ища, откуда может исходить звук. Но луч растаял, растворился в нескольких метрах от нее. Туман... Да, это

действительно туман. Совсем близко. Она чувствовала, как влага липнет к коже.

Шум бегущей воды превратился в громкий раскатистый гул. Туман сгущался, обволакивал со всех сторон, почти полностью отрезал ее от света, который излучал патрон. Она осталась с одним фонариком. Тем не менее Ксандра двинулась вперед, надеясь, что идет по прямой. Единственной направляющей был шум воды — он усиливался и постепенно превратился в оглушительный грохот.

Внезапно Ксандра ощутила перемену в воздухе. Но чем она была вызвана — реальным фактором, к примеру понижением температуры, или же неосознанным страхом, она так и не смогла понять. Она направила луч фонарика наверх, проверить, что изменилось. И действительно, сквозь густые клубы тумана стал просвечивать низкий потолок, однако не настолько низкий, чтобы дотянуться до него. Зато Ксандра сообразила, где она теперь находится. В туннеле. Она уверенно двинулась вперед, ведомая ощущением, что вот-вот обнаружит нечто крайне важное.

Так оно и вышло.

— Ты как, в...орядке? — прорезался сквозь помехи голос Барбера.

— Более чем, — ответила Ксандра. — Жаль, ты не видишь того, что вижу я.

— А что ...ам?

— Водопад.

— Прости, тебя почти не... Что ты сказала?

— Водопад! Ты не представляешь, как это красиво!

— Ты должна... позже. Я почти не... тебя.

Ксандра убрала рацию. Скоро она даст им полный отчет. Но сперва ей хотелось насладиться зрелищем.

Она стояла на самом краю подземного обрыва. Прямо напротив, словно низвергаясь с темных небес, в провал обрушивался самый величественный водопад из всех, что ей доводилось видеть. Потоки воды производили рев, от которого задрожали бы даже львы.

А потом она увидела двери.

Поначалу Ксандра подумала, что они слишком огромны, чтобы быть дверьми. Они находись прямо за водопадом, а потому хорошенько разглядеть их не удавалось, лишь время от времени они показывались из-за потоков воды. Света фонарика не хватало, чтобы рассмотреть их целиком. Но чем дольше она изучала их, тем больше убеждалась в своей правоте. За потоками воды скрывались двери. Из чистого золота. Двадцати футов в высоту. В центре красовалось до боли знакомое изображение, которое ни с чем нельзя было перепутать. Ксандра достала иллюстрированную карту и сравнила женский профиль с изображением на монете. Один к одному...

Агент Теренс Барбер сердито встряхнул рацию.

— Почему эта чертова штукавина не работает?

— Может, она умерла, — ледяным тоном произнес Корнелиус.

— Ксандра? Не думаю, — ответил Барбер. — Она сильная девушка. Однажды я видел, как она прикончила ядовитого паука, черную вдову. Одним взглядом.

— Что ты врешь? — проворчал Уайнант, стоявший чуть поодаль.

Он щелкал камерой, фотографируя фрески, украшавшие стены подземелья.

— Конечно врет, причем беззастенчиво, — заметил Корнелиус.

Барбер снова поднес к губам микрофон:

— Ксандра, ответы! Где ты застряла? Почему так долго молчишь?

Из приемника доносился лишь треск помех.

— Прием?! — заорал Барбер.

Снова треск.

— Ты меня слышишь?

— ...не поверишь! Там, за водой... Сейчас я открыва... двери.

Барбер повернулся к остальным членам группы:

— Она упомянула о каких-то дверях.

Корнелиус и Уайнант так и бросились к нему.

— Ксандра что-то нашла!

Казалось, они ждали целую вечность, и вот наконец в динамике снова прорезался голос Ксандры. Впечатление было такое, словно она говорила с другой планеты:

— ...так темно... не уверена, что если... погодите, сейчас, что-то вижу...

— Она меня просто убивает! — воскликнул Уайнант.

— Я сам убью тебя, если не заткнешься! — грозно рявкнул Барбер.

Тут рация умолкла. Откуда-то снизу, из-под ног, слышался нарастающий гул, затем — грохот, похожий на отдаленный взрыв невиданной мощности.

— Что это? — испуганно спросил Уайнант.

Корнелиус и Барбер старались не подавать виду, что им страшно, но удавалось плохо. Происходило нечто ужасное, и не в их власти было это остановить.

Все помещение содрогнулось. С потолка и стен полетели осколки камней. Часть пола провалилась, обрушилась вниз с чудовищным треском.

В динамике снова прорезался голос Ксандры:

— ...ужас... все разрушается, пада... я не могу... доставайте... тяните, немедленно...

Все трое бросились к веревке, спущенной в шахту. Но оказалось слишком поздно. Комната начала оседать, складываться, точно карточный домик. Они оказались в ловушке.

Последними словами Ксандры было:

— ...так... красиво...

И мир вокруг погрузился во мрак.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Шесть месяцев спустя
Прага, Чешская Республика

Август вошел в отель «Краун плаза», заказал чашку кофе, уселся за столик и стал ждать. Долго ждать не пришлось. В кресло напротив опустился мужчина — серый костюм в полоску плотно обтягивал его правильную фигуру.

— Прежде чем начнем говорить о Черной королеве, — сказал мужчина, — я хочу видеть предмет сделки.

Август улыбнулся и протянул руку.

— Август Адамс, — представился он. — А вы, я полагаю, Джеймс Календер. Приятно наконец-то познакомиться с вами.

Календер, похоже, никак не мог устроиться в кресле. Не переставая ерзать, он быстро ответил на рукопожатие.

— Итак, предмет сделки?

— Нет, ей-богу, я в восторге от такого подхода, — хмыкнул Август.

Он положил кейс на стол, щелкнул замками, открыл.

— Вы ведь не сбежите с моим сокровищем, смею надеяться?

— О, нет-нет, конечно, — замотал головой Календер. — Можете верить мне на слово. Просто позвольте мне поддержать книгу.

— Вы что же, собираетесь взять ее голыми руками? — спросил Август.

— Я... э-э... просто подумал...

— Как вам не стыдно, мистер Календер! Надеюсь, с другими бесценными раритетами из вашей коллекции вы обращаетесь не столь небрежно! — Он усмехнулся и протянул ему книгу. — А вообще-то, если честно, мне плевать. Можете даже положить на нее булочку и спокойно отщипывать по кусочку. Я хочу одного — получить причитающееся мне вознаграждение.

— Вы его получите! — воскликнул Календер, вцепившись обеими руками в книгу.

С любовью, если не с нежностью, он принялся рассматривать то, о чем мечтал с детства: первое издание романа Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ», выпущенное в 1884 году. Август склонился над книгой.

— Она стоит свыше тридцати пяти тысяч долларов. Найти ее было невероятно сложно. Одна экзальтированная пожилая леди едва не забила меня насмерть тростью, когда я попытался взять книгу у нее из рук.

— Наверное, это была ваша матушка?

Август расхохотался.

— Вообще-то бабушка, впрочем, это неважно. Пришлось ей смириться с неизбежным. — Он защелкнул кейс и поставил его у ног. — А теперь вознаграждение. Моя информация.

Календер еще какое-то время любовался книгой, затем нехотя поднял глаза на Августа.

— Вам повезло, — провозгласил он. — Из моих источников я узнал, что возможность, которой вы так жаждете, может представиться буквально сейчас.

Август выпрямился в кресле, сложив руки на коленях.

— То есть сегодня?

— Да!

— Так скоро? Но почему?

— Дело в том, что собор Святого Вита находится в самом плачевном состоянии. Настолько плачевном, что городские власти решили незамедлительно приняться за его реставрацию. Буквально вчера туда завезли необходимое оборудование, а сегодня с утра пришли рабочие и начали подготовку. Завтра, собственно, планируется приступить к работам. Они пойдут полным ходом. Но сегодня вечером...

— Сегодня вечером?

— Да. Сегодня вечером туда вполне можно незаметно проскользнуть. Камеры наблюдения сняли, они тоже нуждаются в починке. Другие охранные системы пока что работают и ждут любого, кто попыбует проникнуть в помещение. Но для людей, знающих тайные ходы...

— Вы сумеете меня провести?

— О да! — Календер теребил воротник пиджака, пытаясь разглядить его. — Одного не понимаю. Зачем такому человеку, как вы, наносить визит Черной королеве?

— Именно поэтому я и дал вам столь щедрое вознаграждение, — ответил Август. — Чтобы вы не задавали лишних вопросов.

Он поднялся и снова водрузил кейс на стол.

— Но разумеется, если вы недовольны предложенной ценой...

— О нет, что вы, что вы, крайне доволен! — воскликнул Календер, прижимая книгу к груди. — Можно сказать, счастлив. — И он приложил указательный палец к губам, давая понять, что больше ни о чем спрашивать не станет.

— Что ж, прекрасно, — подытожил Август. — А теперь мне пора. Полагаю, что найду все необходимое: карты, ключи и прочее — в условленном месте?

Календер кивнул и поерзал на мягком сиденье.

Август допил остатки кофе, аккуратно опустил чашечку на пластиковый поднос и вышел, оставив мистера Календера любоваться обретенным сокровищем.

На город спустилась ночь.

Август любил Прагу. Город, окружавший его, напоминал симфонию, величественную и глубокую, дышащую особой прелестью старины. Он жалел лишь об одном: что приехал сюда не ради удовольствия насладиться всеми видами и звуками Праги, уютными кафе и музеями, и отдельно — книжными магазинами. Вид собора Святого Вита сразу отрезвил его и напомнил о предстоящем малоприятном деле.

Он миновал небольшую группу туристов, бродившую по внутреннему двору старинного Пражского Града. Мимо проскользнула парочка, нежно перешептываясь. Маленькая девочка в белом платье шла, держа за руку отца и зажав в другой руке красный шарик на ниточке. Пожилая пара указывала друг другу на детали собора, видимо обсуждая его историю или архитектурные особенности. Вполне обычный приятный вечер. Все как всегда. Почему же он, Август, ощущает щемящую тревогу?

«Наверное, потому, что ты превратился в вандала, расхитителя могил», — подумал он.

Да, иначе не назовешь.

Он прошел через весь комплекс к южному выходу, именуемому «Золотые Ворота». Ворота украшали три изящные, словно парящие в небе арки, за которыми виднелось реставрируемое здание в лесах. Август разглядел знаменитую мозаику четырнадцатого века под названием «Страшный суд».

— К случаю, — прошептал Август, приближаясь к железным воротам под западной аркой.

Он остановился и достал из кармана ключ. Этот большой, грубо сработанный ключ легко было представить болтающимся в связке других таких же на поясе средневекового тюремщика. Август вставил его в замочную скважину и повернул. Раздался скрип, замок открылся и болтался теперь на одной дужке. Август толкнул тяжелую створку ворот, проржавевшие петли громко заскрипели, и он поморщился. Несколько человек обернулись и посмотрели на него, после чего вернулись к своим занятиям. Подумаешь! Просто человек заработался, припозднился. Август поправил каску — на нем была униформа рабочего, — подхватил рюкзак с инструментами и зашел внутрь.

Первое, что привлекло его внимание при входе в собор, — запах. Здесь пахло плесенью и древностью, словно камень и дерево вобрали в себя все накапливавшиеся столетиями ароматы. Август шагал по длинным коридорам, сверяясь с планом, который начертил для него Календер.

«Рано или поздно я выйду к свету», — подбадривал он себя.

Ему ни разу не довелось осмотреть весь собор: он не видел ни захоронений королей Богемии, ни резной часовни Святого Вацлава, ни особо чтимой здесь реликвии — мощей самого святого Вита. Но сегодня он устроит себе экскурсию.

Август остановился посреди темного коридора. Какие-то звуки? Несколько секунд он стоял неподвижно, опасаясь даже дышать, но не услышал ровным счетом ничего.

«Наверное, церковные мыши», — решил он.

Тем не менее надо оставаться настороже.

Наконец он достиг цели. План, составленный Календером, оказался на удивление точным и подробным, до

мельчайших деталей. Где-то здесь, в противоположном конце помещения, должен находиться склеп. Август медленно направился туда, стараясь побороть тревогу. Уж больно тихо в соборе. И воздух так неподвижен. И каждый уголок отмечен особой строгостью и мрачностью — печатью готического стиля. Прямо мурашки по коже. И вообще, больше всего это походило на ночной кошмар, в котором он, Август, приближается к могиле Черной королевы.

При жизни она была известна под другим именем: Борбала Цилли, но чаще ее называли Барбарой Цельской. Дочь графа Германа II Цилли, наследница знатного рода, династии, которая просуществовала еще несколько веков после ее смерти. В жилах последнего русского императора Николая II текла та же кровь, что и у нее.

А знаменита она стала после того, как вышла замуж за императора Священной Римской империи Сигизмунда, человека жестокого и решительного, который не оставливался ни перед чем, лишь бы сохранить свою корону. Ради нее он не погнушался захватить в плен свою первую жену вместе с матерью и жестоко казнить обеих. Сигизмунд познакомился с Барбарой после того, как ее отец спас правителю жизнь во время отчаянного сражения с турками. Барбара с первого взгляда распознала в нем человека, который поможет ей собрать большие силы под новым знаменем ее собственного изобретения. Знаменем ордена дракона.

Август положил руку на плиту. Холодная. Он прочел надпись, выбитую в камне: «Crna Kraljica». Черная королева. Имя это окружали мрачные мифы, сложившиеся после второй смерти Барбары.

Да, именно. Второй смерти.

Легенда гласила, что в ту пору жил на свете могущественный маг и волшебник по имени Абрамелин, из-

вестный также как Авраам Жид. Его колдовское учение основывалось на каббалистическом веровании, что мир создали демоны под руководством ангелов. Сигизмунд был наслышан о невероятных способностях Абрамелина, о том, что он создал целую армию духов, чтобы помочь Фредерику Саксонскому вызволить из темницы графа Варвика. Что он спас антипапу Иоанна XXIII от Констанцского Собора и использовал магию, давая ему советы как в личных вопросах, так и в сугубо деловых. Ходили слухи, будто Абрамелин оказал много услуг лично императору и его супруге. Но особую славу он приобрел после того, как Сигизмунд высказал ему свою последнюю просьбу — воскресить Барбару из мертвых.

Всего лишь легенда. Мрачная сказка. Но Август, готовясь поднять крышку саркофага, живо представлял, как Барбара вдруг сядет на смертном ложе и вцепится ему в горло ледяными пальцами.

Он осмотрел свои инструменты — рычаг, соединенный с домкратом. С их помощью он надеялся открыть саркофаг.

— Это, конечно, грех, но что поделаешь, — сказал он вслух, и голос его эхом разнесся в темноте.

Август ухватился за рычаг и вскоре услышал скрип камня о камень. Крышка сдвинулась. Минуту спустя между ней и саркофагом появилась узкая щелочка. Он посветил фонариком в отверстие, но не смог направить луч под правильным углом. Поднажал еще немного и сдвинул плиту на полдюйма. Дюйм. Два дюйма. Снова посветил и на этот раз увидел нечто, от чего сердце его учащенно забилося.

— Разве ты не знаешь, что беспокоить умерших безнравственно?

Август вздрогнул и обернулся.

— Я думал, ты...

— Умерла? — Ксандра подняла ствол пистолета и прицелилась ему в голову. — Не следует верить журналистам.

— Как тебе удалось выбраться? — спросил он.

— Тот же вопрос хочу задать тебе.

— Сперва дама.

Ксандра опустила пистолет, но ставить на предохранитель не стала. Она всегда успеет прицелиться и выстрелить, если Август неправильно себя поведет. Он даже глазом моргнуть не успеет.

— Вопреки тому, что говорят в новостях, ни одного тела так и не было найдено. Слишком глубоко они провалялись — весь туннель разрушился в одночасье. Проводить нормальные поиски — слишком дорогое удовольствие, особенно ради людей, о пропаже которых никто не заявлял. Так что, выбравшись, я оказалась свободна, как птица. Никогда прежде не знала такой свободы. Еще бы, ведь я числюсь покойной.

— Нашла что-нибудь?

— Сам понимаешь, что нет, — ответила она. — Иначе меня бы здесь просто не было. А там, в подземелье, остался огромный, но бесполезный сувенир, комната с доброй тысячей пустых сосудов. Должно быть, в свое время сокровище перепрятали. Полагаю, уже после разгрома тамплиеров. Я ушла тем же путем, каким вынесли сокровища. Есть там проход, ведущий напрямик к замку Котнов, вернее, к тому, что от него осталось.

— Кто еще спасся, кроме тебя?

— Никто. Я вернулась на площадь Жижки, посмотреть, смогу ли чем-нибудь помочь. К тому времени уже прибыла полиция, копы наводнили все вокруг. Я скрывалась в Чехии целый месяц, прежде чем убраться из Европы.

— Когда ты начала следить за мной?

— Месяца два назад. По возвращении в Штаты я обратилась к одному человеку из ФБР, который был связан с орденом дракона. Представилась членом зарубежного отделения организации. Он проинформировал меня, что тебе удалось сбежать вместе с семьей. Я поначалу не поверила. Ну а потом он рассказал мне о Менге.

Август прекрасно помнил, как все случилось. После ухода Ксандры прошло минут двадцать, а им никак не удавалось найти выход. Они оказались в ловушке, бомба могла взорваться в любую секунду, и остановить это не представлялось реальным.

И вот, когда до взрыва оставалось несколько минут, они слышали, как кто-то отпирает дверь. Сперва они подумали, что один из агентов ФБР решил прикончить их раньше, чтоб не мучились. Человек действительно оказался федералом, но убивать их не собирался. «Идемте со мной, живо», — сказал Менг. Поначалу они упирались, несмотря на уверения Менга, что он хочет помочь. Но затем он отключил вживленные в них датчики и объяснил, что обезвредить бомбу не получится, поэтому надо быстро бежать отсюда. Выбора у них не было, и они последовали за Менгом. К счастью, он сдержал слово.

— Мы бы никогда не выбрались оттуда, если бы не Менг, — признался Август. — А через несколько дней он просто исчез. Я до сих пор не знаю, на кого он работает. Уверен только, что не на орден дракона.

— Надо было прикончить эту мразь при первой же возможности, — злобно проворчала Ксандра. — Проблемы у нас возникали на каждом шагу, только теперь я поняла, из-за кого. Но что, если и Менг догадался, где спрятаны сокровища?

— Лично меня, — улыбнулся Август, — навела на их след ты.

Ксандра вновь вскинула пистолет.

— Мне не давала покоя одна мысль. Странно, что предводитель ордена дракона мужчина, если известно, что его члены обожествляли монотеистическое женское начало.

Ксандра молчала.

— Ведь Корнелиус — просто марионетка?

— Как и большинство лидеров-мужчин. Как ты догадался?

— Пришлось вернуться к иллюстрациям, чтобы это понять. Я рассматривал их достаточно долго, так что помню каждую деталь. Я нарисовал их сам, весьма приблизительно, конечно, и стал искать ключи, которые мог пропустить тогда, в самолете. Причем использовал новые критерии. Я ничего не видел до тех пор, пока — понимаю, звучит дико — не отказался от иллюстраций.

— Прости?..

— Задачей иллюстраций было запутать ищущего, увести как можно дальше от истины, — пояснил Август. — Понимаешь, Гутенберг как человек слов никогда не стал бы прятать тайну в картинках. Заглавные буквы. Вот где ключ. Я выписал их в том порядке, в каком они перечислены в дневнике: S, M, S, A, N, A, E, L, I. Получилась какая-то чепуха. Потом я выяснил частоту употребления каждой буквы в специальном справочнике и обнаружил, что заглавные буквы, используемые в иллюстрациях, изначально не те. Неправильные. Это, конечно, могла быть случайность, набор опечаток, но я склонился к версии, что это некое послание, оставленное Гутенбергом.

Ксандра дрожала от нетерпения.

— Что за послание?

Август старался не смотреть на пистолет в ее руке.

— Решение нашла Эйприл.

— Эйприл? С каких пор вы работаете вместе?

— Вообще-то теперь мы с ней неплохо ладим, куда лучше, чем прежде, — ответил Август и не смог сдержать улыбку.

— Как мило... — протянула Ксандра. — Так что же она обнаружила?

— Существует книга, которую Гутенберг напечатал, параллельно работая над грандиозным проектом Библии, — сказал Август. — Что-нибудь знаешь о ней?

— Нет. Никогда не слышала.

— А все потому, что он готовил ее в тайне, стремясь тем самым вернуть свой долг Фусту. Называлась книга «Сивиллины пророчества». Там в самых мрачных тонах описывалось будущее человечества, причем излагалось все в стихотворной форме. Но самое интересное — это то, как были поданы предсказания. Они не просто читались. Они угадывались.

— Это как?

— Читатель должен был брать первую букву каждой строки и комбинировать их, чтобы получилось слово. Своего рода игра.

— Первая буква каждой строки. Понимаю. А у нас тут заглавные буквы с миниатюрами.

— Именно. Мы применили тот же способ к заглавным буквам в Библии Гутенберга. Это было не так-то просто. Мы даже не знали, на каком языке получим результат, на латыни... или немецком. Не знали, с чего начать. Но потом вспомнили карту. Там в центре красовалась монета, как бы объединяющая все иллюстрации. Монета с женским лицом. Опираясь на эту подсказку, мы составили список древних богинь и женщин королевского происхождения. И наконец сложилось имя. Мессалина.

— Барбара.

— Да. Мессалина была супругой римского императора Клавдия. А наша подруга, что покоится здесь, — он указал на могилу Барбары, — тоже стала известна под прозвищем Мессалина, когда вышла замуж за Сигизмунда, императора Священной Римской империи.

— Да Сигизмунд стал просто пешкой в ее руках, — фыркнула Ксандра. — Без Барбары он был бы ничем. До ее появления он славился разве что своей глупостью. Начиналась война. Даже союзники его ненавидели. Трон уже шатался под императором. И тут вдруг возникает Барбара. Этой женщине удалось все изменить с помощью ордена дракона.

— А потом она была всеми забыта, вместе с ее заслугами?

— Не всеми. Во всяком случае, не мной. — Ксандра расхаживала взад-вперед, сжимая в руке пистолет. — Видишь ли, многие смотрели на нее и говорили: она не добилась желаемого лишь потому, что не пользовалась доброй репутацией. Но хорошее имя, известность... знаешь, зачастую они равны смерти. Меня вполне устраивало иное положение вещей. Я всегда стояла в тени, позволяя Корнелиусу пожирать плоды славы, а заодно — все упреки и обвинения.

— Итак, ты оставалась в стороне и наблюдала, как его обожествляют драконисты?

— Да. До определенного момента.

— Какого?

— Я собиралась осуществить ту цель, которой не добилась Барбара, — ответила Ксандра. — Для этого необходимо было найти сокровища. Стоит им оказаться у меня в руках, и орден попадает в полное мое подчинение. И это только начало.

— Страшно не хочется разрушать твою мечту, — сказал Август и запустил руку в саркофаг. — Позволишь? Ксандра кивнула и подняла пистолет.

— Последнее пристанище Черной королевы — единственное место, где могут быть спрятаны сокровища, с учетом истории ордена дракона. Миф о ее бессмертии не позволял любопытным даже приблизиться к захоронению. Кто осмелится нарушить покой Мессалины?

— Очевидно, только ты.

— Тут ты права, — сказал Август. — Я был бы полным идиотом, если бы позволил призраку удержать меня. Побояться заполучить целое состояние! — Август вытащил золотую монету. — И насчет надписи ты тоже не ошиблась, — добавил он и вскинул руку. — Она действительно означает, что монета отчеканена в Иерусалиме. Ты ошиблась насчет пятиконечной звезды и женщины.

— Как прикажешь понимать?

— Со времени тамплиеров археология прошла огромный путь, — ответил Август. — Да, действительно, на монете изображено обожествленное женское начало, но совсем не то, за которое приняли его ты и Барбара. — Он поднес монету поближе, чтобы Ксандра видела отчеканенный женский профиль. — Теперь ты догадалась, кто это?

Ксандра сверкнула глазами, но промолчала.

— Пятиконечная звезда на обратной стороне является лишним тому подтверждением, — продолжил Август. — Это ведь и не звезда вовсе. Это пентагон, от которого отходит пять лучей. Именно в форме пентагона был построен храм Соломона. Возможно, ты успела прочесть об этом в одной из украденных Библий. Во Второй Книге Царств.

— Ближе к делу!

Август протянул ей монету.

— Знакомься, Ксандра, это Астарта*.

— Ложь! — воскликнула Ксандра и вскинула пистолет. — Наглая ложь!

— Это не твоя вина, — сказал Август. — Это вина тамплиеров. Они нашли Масличную гору, где стоял храм Соломона, только копали не в том месте. Наверняка они были хорошими рыцарями, только вот археологами — никудышными. Несмотря на пеструю и запутанную историю древних евреев и легенды об их преданности Яхве, тамплиерам удалось осуществить величайшую мистификацию в истории человечества. Но сегодня все это закончится, потому что теперь ты знаешь правду.

Ксандра подняла пистолет. Август живо представил, как посреди лба у него появляется маленькая точка оптического прицела.

Ксандра дрожала с головы до ног.

Август поднял руки:

— Может, придумаем какой-нибудь выход?

— Вряд ли. Наверное, это единственное, что не предусмотрел Гутенберг.

— А вот и нет, — раздался чей-то голос.

Ксандра резко обернулась. Раздался звук удара. Она отлетела назад и упала, ударившись затылком о каменную стену. Пистолет выскользнул у нее из руки и покатился по полу. Август кинулся к нему, подобрал, прицелился в Ксандру, но оказалось, что незачем. Она отключилась.

— Ты должна была прийти полчасика назад! — гневно воскликнул он.

* Астарта — она же Иштар, в мифологии Междуречья богиня любви и плодородия.

Наклонившись, он достал из рюкзака с инструментами моток тонкой проволоки и связал Ксандру по рукам и ногам.

— Извини, — ответила Эйприл. — Чарли хотел, чтобы я почитала ему перед сном.

— Он уже не в том возрасте, чтобы слушать сказки на ночь.

— Только так его порой удастся уложить в кровать, — заявила Эйприл, массируя запястье.

— Тебе не следует нянчиться с мальчишкой.

— Я его мать и буду поступать, как считаю нужным! — Эйприл приблизилась к саркофагу и заглянула в щель. — Чарли будет в восторге, узнав, что мы нашли сокровища.

Август подошел к ней.

— Значит, мы нашли?

Они вдвоем сдвинули тяжелую плиту. Август поднялся на ступеньку перед гробницей и протянул руку Эйприл. Они стояли и смотрели на открывшееся перед ними волшебное зрелище — гору золота, переливающегося в свете фонаря. Там лежали тысячи древних монет, возможно даже — миллионы. Так уж вышло, что все усилия по сохранению сокровища и связанные с ним лживые легенды рухнули в одночасье. Из-за этих монет разгорались войны. Гибли люди. Тяжело было осознать всю значимость открытия.

Август не выдержал и расплылся в улыбке.

— По-моему, изумительная картина.

— Думаю, куда лучше она будет смотреться в музее, — сказала Эйприл. — Например, в Смитсоновском институте.

— Конечно! Но знаешь... — заметил Август, прихватив пригоршню монет, — не думаю, что будет большим грехом оставить себе на память хотя бы несколько штук.

— Ни за что, — возразила Эйприл, отобрала у него монеты и кинула обратно. — Уж кто-кто, а я тебя знаю. Через час в Интернете появится объявление о продаже.

— О чем ты? — притворно удивился Август. — Я исправился!

— Некоторые люди неисправимы.

Он улыбнулся.

— Ну, не скажи.

ЭПИЛОГ

Рождество

Чикаго, штат Иллинойс

Дальтон Ричардс услышал стук в дверь.

— Кого это принесло раньше времени? — спросил он жену.

Та была слишком занята, чтобы играть в загадки. Через полчаса соберутся гости — родители, бабушки и дедушки, дядя и тети — словом, целая толпа родственников.

— Иди и открой! — крикнула она, пробегая мимо с блюдом печенья.

Дальтон распахнул дверь.

— Простите, здесь проживает Клейтон Ричардс? — осведомился мужчина из службы доставки.

— Да, это мой сын, — ответил Дальтон. — А у вас, ребята, сегодня что, не выходной?

— По идее, выходной, — ответил мужчина.

На нагрудном бейдже значилась его фамилия: «Уилсон».

— Не возражаете, если я войду? На улице жуткий мороз!

Дальтон впустил Уилсона и задумался: «Может, предложить ему чего-нибудь согревающего?» Но это означало побеспокоить жену, чего делать не рекомендовалось.

Она пребывала в крайнем раздражении оттого, что, по собственному мнению, ничего не успевала.

— Итак, — вернулся к делу Дальтон, — вы привезли что-то Клейтону?

— Точно. Но вообще-то... не совсем.

— То есть?..

— Ну, это довольно трудно объяснить.

— Я ничего не понимаю.

— Кто там, пап? — крикнул Клейтон, сбегая по ступенькам. — Я услышал свое имя!

Дальтон погладил сына по голове.

— Это мистер Уилсон. Он из службы доставки. Принес тебе кое-что.

— Ой, здорово! — обрадовался Клейтон. — От Санта-Клауса? — спросил он отца и подмигнул.

— Вообще-то я не знаю, от кого, — признался Дальтон и обернулся к Уилсону с недоумением на лице.

Уилсон взглянул на бланк заказа.

— Это от мистера Адамса... Августа Адамса.

Дальтон окончательно растерялся.

— Недумаю, что знаю человека с таким именем. А ты, Клейтон?

Мальчик почесал в затылке.

— Не припоминаю, — пробормотал он.

— Где я должен расписаться? — спросил Дальтон. — Нет смысла отсылать человека с подарком, тем более на Рождество. Уверен, позже мы выясним, в чем дело.

— Может, все-таки от Санта-Клауса? — вздохнул Клейтон.

Дальтон расписался в нужной графе.

— Может, и так, — согласился он и вернул бланк Уилсону. — И где же таинственная посылка?

— Вот тут и кроется сюрприз, — ответил тот.

— Она не у вас?

— Нет. В зоопарке.

— В зоопарке? — хохотнул Дальтон. — Кому понадобилось оставлять пакет с подарком в зоопарке?

— Извините за дерзость, — сказал курьер, — но не думаю, что в вашем доме для него хватит места.

— Простите, не понял? — удивился Дальтон.

Уилсон покосился на Клейтона.

— Через пару недель сходи в зоопарк. Поищи там новый экспонат. Когда найдешь, увидишь на стекле маленькую бронзовую табличку со своим именем.

— Послушайте, вы меня извините, — сказал Дальтон и начал подталкивать Уилсона к двери. — Но у нас гости появятся буквально через несколько минут, и я боюсь... Короче, вынужден просить вас уйти.

— Не беспокойтесь, — ответил Уилсон, выходя на холл.

На полдороге к машине он обернулся и крикнул:

— Счастливого Рождества!

Дальтон захлопнул дверь.

— Ни черта не понимаю... — пробормотал он, обращаясь к сыну. Он махнул рукой и поспешил помочь жене в последних приготовлениях.

Клейтон стоял и улыбался во весь рот. Он-то прекрасно все понял.

Прибыла его тигровая акула.

ВСЕ БОЛЬШЕ ТАЙН

Эта книга — путешествие, которое мы совершили вместе. Проводниками нам служили герои, а тайны вы разгадывали вместе со мной — шаг за шагом, рисунок за рисунком. И вот теперь у вас есть возможность взглянуть на всю историю по-новому, потому что это только начало.

Но прежде чем мы отправимся в новое путешествие, хотелось бы поделиться с читателями кое-какими соображениями относительно этой книги. Жаль, я не могу назвать ее сплошным вымыслом. Я бы чувствовал себя куда спокойнее, если бы здесь не было ни грана правды.

Несколько лет назад в программе «Arts & Entertainment» я увидел фильм о Гутенберге под названием «Человек тысячелетия». Человек тысячелетия?.. Вот как? Я был страшно удивлен. Насколько я помнил еще со школы, в учебнике истории Гутенберг упоминался мельком, в подстрочных примечаниях. Так кто же он такой? Я начал собирать разнообразные материалы о нем и наткнулся на одну статью, от которой глаза мои просто вылезли из орбит. Выяснилось, что его знаменитая Библия стоила — невероятно! — около 100 миллионов долларов. (А вы наверняка решили, что я это выдумал?) Но ведь недаром говорят, что реальная жизнь замысловатее любых фан-

тазий. Однако это ничто в сравнении с тем, что мне удалось обнаружить позже.

Гутенберг был человеком тайны. До сих пор не выяснена даже точная дата его рождения. Большие отрезки его жизни вообще тонут во мраке полной неизвестности, он словно пропадал с лица земли на долгие годы. Но несколько доступных общественности фактов позволяют предположить, что жизнь его была интереснее любого романа, отчего происходившее «за кадром» становится еще более интригующим.

Но что именно с ним творилось? Этот вопрос не давал мне покоя. И вот, все глубже погружаясь в мутные воды истории Гутенберга, я начал обнаруживать заговор за заговором, одно тайное общество за другим. Я понял: чтобы найти выход из этого лабиринта хитросплетений, надо сосредоточить внимание на двух противоборствующих силах, управлявших жизнью Гутенберга.

ОРДЕН ДРАКОНА. Я включал в свой список каждое тайное общество, имевшее глупость присвоить себе это имя. Я не сомневался: слишком уж лихо это придумано, чтоб оказаться всего лишь фантазией. В результате я выяснил, что орден действительно существовал (и если верить тому, что я нашел на веб-сайтах, существует до сих пор!). Драконисты были порочными и злыми людьми, прекрасно организованными, обладавшими решимостью уничтожить любого, кто встанет у них на пути. Что привело меня к их злейшему врагу...

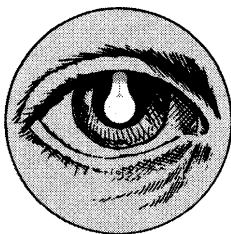
«СИРОТЫ». Это общество, основанное Яном Гусом и возглавляемое позже знаменитым генералом Жижкой, было способно вести борьбу с орденом дракона, хотя идеалы и цели его разительно отличались от тех, что проповедовали и преследовали драконисты. «Сиротами»

управляли как политические, так и религиозные факторы. Их штаб-квартира в чешском городе Табор тоже являла собой тайну, ибо располагалась в лабиринтах бесконечных подземных туннелей, бункеров и потайных ходов. Они простирались под древним городом, и никто до сих пор не знает их общей протяженности. Но думаю, не меньше, чем в сериалах «Остаться в живых», «24 часа» и книге «Властелин колец», вместе взятых!

С каждым днем поисков и работы над книгой я все дальше уходил в эти средневековые лабиринты. Должен признать, работа постепенно стала моей навязчивой идеей. Теперь, конечно, это выглядит довольно глупо, но я помню последние ночи. Помню, как учащенно билось сердце, когда я представлял — что там представлял, чуть ли не наяву видел! — как призраки прошлого, похожие на Дракулу, подкрадываются сзади, готовые в любой момент перерезать мне глотку — только за то, что я осмелился пролить свет на их гнусные и нечестивые планы. Как я уже говорил — глупо. (Хотя однажды я обернулся и увидел мужчину в черном. Он не сводил с меня глаз, и на шее у него висел медальон с изображением дракона. Ну, что скажете?)

Эта книга относится к жанру фантастики. Но все самые невероятные ее события имеют под собой реальную историческую основу. Должен предупредить: если вы начнете углубляться в историю, стремясь «нарыть» новые факты, если обладаете той же одержимостью и богатым воображением, что и я, то, поверьте, вскоре вы окажетесь в укромном уголке какой-нибудь забытой всеми библиотеки. Вы будете бережно сдвигать пыль с книг и время от времени коситься через плечо — от страха! Но что бы с вами ни случилось, пожалуйста, сообщите мне, ес-

ли что-то найдете. Ведь я уже говорил, что в это путешествие мы отправились вместе. И я лишь приблизительно очертил маршрут на карте, а от вас требуется взять факел и смело шагнуть дальше, в темноту и неизвестность, что ждут впереди.

Литературно-художественное издание
КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Мэтт Бронливи

ОРДЕН ДРАКОНА

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Редактор *Д. Лазарчук*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректоры *В. Дроздова, Н. Тюрина*

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

ООО «Издательский дом «Домино»
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60. Тел. (812) 272-99-39.
E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.09.2010.
Формат 60х90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 6000 экз. Заказ № 7820

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-45079-4

9 785699 450794 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

АВТОР МИРОВЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА

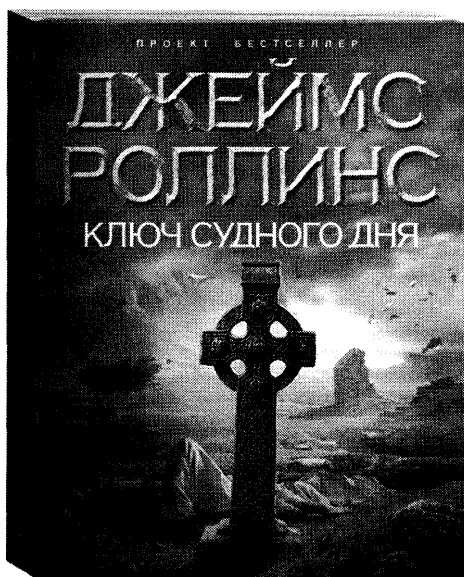
В России уже продано свыше 700 000 экземпляров книг
Джеймса Роллинса

*Джеймс Роллинс безусловно и заслуженно удерживает
первенство в остросюжетном жанре.*

Publishers Weekly

*Роллинс рассказывает нам фантастическую и захватывающую
приключенческую историю.*

Booklist

В СЕРИИ ВЫШЛИ:
Последний оракул
Пирамида
Бездна
Печать Иуды
Песчаный дьявол
Черный орден
Айсберг
Амазония
Кости волхвов
Пещера

РАСКРЫТЬ ДРЕВНЮЮ ТАЙНУ И СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

www.eksmo.ru

МЭТТ
БРОНЛИВИ

ОРДЕН ДРАКОНА

Который век пропавшие сокровища тамплиеров не дают покоя охотникам за древностями. Но мало кому известно, что ключ к разгадке великой тайны скрывается в Библии Гутенберга, редчайшей первопечатной книге, сохранившейся лишь в трех экземплярах. И чтобы заполучить ключ, надо обладать всеми экземплярами книги. Два могущественных рыцарских ордена, активно действующие по настоящее время, сошлись в борьбе за обладание сокровищами. Подкуп, террор, убийство – они готовы идти на все, только бы достичь цели...

ISBN 978-5-699-45079-4

9 785699 450794 >

ЭКСМО